

Дорожникъ
ПО СИБИРИ И АЗИАТСКОЙ РОССИИ

ITINÉRAIRE
À TRAVERS LA SIBÉRIE ET LA RUSSIE D'ASIE

(ВЫХОДИТЬ ДВѢНАДЦАТЬ РАЗЪ ВЪ ГОДЪ).

Книга 3.

ТОМСКЪ.

Паровая Типо-Литографія П. И. Макушина.

1901.

Содержаніе.

	Стр.
I. Вознесенская волость, Красноярскаго уѣзда, Енисейской губерніи, въ 1899 году. (Статистико-экономическій очеркъ). <i>Ал. Голодникова</i>	1
II. Отъ Томска до Яренска, <i>К. Я—скаго</i> .	7
III. Александръ, возчикъ прокаженныхъ, разсказъ <i>А. Ключе</i> .	20
IV. Сибирскіе чиновники былого времени, <i>Н. Гурьева</i> .	31
V. Недоимка (преданье старины далекой) <i>Ал. Ко--чева</i> .	38
VI. Повѣсть о черной лисицѣ, разсказъ <i>А. Ключе</i> .	41
VII. По Алтаю, <i>П. Дмитриева</i> .	49
VIII. Изъ Шевченки, стихотв. <i>Всеволода Сибирскаго</i> .	54
IX. Городъ Павлодаръ Семипалатинской области, очеркъ, <i>А. И—скаго</i> .	55
X. Стихотворенія, <i>М. С. Кларина и П. Кузьмина</i> .	59
XI. Auto-da-fé, двѣ картинки, <i>Братскаго</i> .	60
XII. По поводу необходимости учрежденія въ Томскѣ таможни, <i>Ксенофонта Машанова</i> .	65
XIII. О знахарствѣ въ Западной Сибири, очеркъ, <i>Г. Н. Клавескаго</i> .	70
XIV. Библиографія, <i>М. С. Кларина</i> .	74
XV. Добавленіе. Къ очерку Туринскій уѣздъ, <i>А. Бахарева</i> .	75
XVI. Communications par eau de la Sibérie.	1
XVII. Объявленія.	

Портреты, виды и типы (Portraits, vues et types):

1) Рождественскій соборъ въ г. Красноярскѣ. (Cathédrale de la nativité de Notre-Seigneur à Krasnoiarsk). 2) Инородцы Томской губерніи Бійскаго уѣзда (Алтайцы) (Indigènes du gouvernement de Tomsk.—Altaïtsi). 3) Паромъ-ледоколъ на оз. Байкалѣ. (Le bac servant à couper les blocs de glace sur le lac de Baïkal). 4) Резиденція пріиска Южно-Алтайскаго золотопромышленнаго дѣла (въ Бійскомъ уѣздѣ). (Résidence de les mines d'or à district de Biïsk, gouvernement de Tomsk),

Редакторъ-издатель **В. А. Долгоруковъ.**

Цѣна книжки въ отдѣльной продажѣ 40 к.; съ перес. 50 к.

Дорожникъ

ПО СИБИРИ И АЗИАТСКОЙ РОССИИ

ITINÉRAIRE

À TRAVERS LA SIBÉRIE ET LA RUSSIE D'ASIE

(ВЫХОДИТЬ ДВѢНАДЦАТЬ РАЗЪ ВЪ ГОДЪ).

Книга 3.

ТОМСКЪ.

Паровая Типо-Литографія П. И. Макушина.

1901.

1901 г.

Мартъ

Томъ III

Дорожникъ

по снѣдари и азиатской Россіи

Дозволено цензурою. Томскъ, 21 марта 1901 года.

Книга 3.

Печатня Топографическаго Института въ Томскѣ

1901

Вознесенская волость,

Красноярскаго уѣзда, Енисейской губерніи,
въ 1899 году.

(Статистико-экономическій очеркъ).

(Окончаніе, см. кн. II „Дорожника“ за тек. годъ).

Расколъ здѣсь не свилъ себѣ прочнаго гнѣзда и въ настоящее время по *официальнымъ* даннымъ числится раскольниковъ 13 человекъ, изъ нихъ 9 муж. и 4 жен. пола, но промышляющіе звѣря и орѣхъ въ верховьяхъ р. Маны передаютъ, что тамъ недалеко отъ Бѣлогорья есть цѣлое, довольно большое, селеніе исключительно населенное раскольниками. Дома у нихъ очень чистенькіе, живутъ опрятно и далеко не бѣдно, промышляя рыбой, орѣхомъ и звѣремъ. Табакъ совершенно не употребляютъ, вино же—крайне умеренно. Въ 1900 году въ верховья р. Маны собиралась экспедиція, съ цѣлью изслѣдованія находящихся тамъ поселеній, но, къ сожалѣнію, она почему то не состоялась.

Страшный бичъ нашихъ селъ и деревень—пожары составляютъ здѣсь пріятное, рѣдкое исключеніе: въ теченіе 10 лѣтъ не было ни одного болѣе или менѣе значительнаго пожара, а въ 1899 г. было случаевъ пожара всего 12, изъ нихъ 1 отъ неисправности трубы, 1 отъ поджога, 3 отъ неосторожнаго обращенія съ огнемъ и 7 отъ неизвѣстныхъ причинъ, при чемъ отъ пожаровъ этихъ произошло убытка на 1268 р. 40 к.; большая часть пожаровъ (5) падаетъ на осенніе мѣсяцы; средства борьбы съ пожарами составляютъ 6 пожарныхъ машинъ, 21 лѣтнихъ и 22 зимнихъ дрогъ, 35 бочекъ, 34 ухвата, 40 багровъ, 26 лѣстницъ, 30 ломовъ, 396 топоровъ, 79 кайлъ, 106 желѣзныхъ лопатъ, 24 фонаря, веревочныхъ лѣстницъ 3, ведеръ 662, чановъ 478. Приводя этотъ перечень, мы въ то же время должны сознаться, что за исключеніемъ 6 пожарныхъ машинъ, лѣтнихъ и зимнихъ дрогъ, бочекъ, ухватовъ и багровъ, существующихъ *de facto*, остальные орудія борьбы съ пожарами значатся лишь по *официальнымъ* отчетамъ да на доскечкахъ, прибитыхъ

къ каждому дому сельскаго обывателя, и, въ случаѣ пожара, половину ихъ трудно собрать, а особенно лѣтомъ, когда все здоровое и взрослое населеніе сельское съ утра и до ночи проводитъ время на поляхъ; но за послѣднее время на такое печальное положеніе защиты отъ пожаровъ обращено серьезное вниманіе крестьянскаго начальника І. М. Плещъ, предложившаго болѣе состоятельнымъ сельскимъ обществамъ, изъ суммъ вырученныхъ отъ общественныхъ питейныхъ заведеній, заводить пожарныя машины.

Выше мы уже коснулись вопроса о преступности населенія Вознесенской волости—здѣсь же мы укажемъ на главныхъ ея дѣятелей.

Многолѣтнее зло Сибири—язва, не только не дававшая покоя мѣстному населенію, но растлѣвавшая его,—ссылка, въ недалекомъ будущемъ имѣетъ перейти лишь въ грустное воспоминаніе. Стоитъ лишь просмотрѣть официальные вѣдомости о преступленіяхъ, и вы сейчасъ же убѣдитесь, что до $\frac{2}{3}$ преступниковъ составляютъ рецидивисты-ссылные.

Многіе изъ ссыльныхъ, будучи причислены къ какому нибудь сельскому обществу, туда не являются, а тотчасъ же отправляются странствовать по Сибири, находя лѣтомъ пріютъ въ лѣсу, а зимой въ тюрьмѣ, заполняя въ то же время грустную свою біографію все новыми и новыми преступленіями. Высочайшее повелѣніе объ отмѣнѣ ссылки произвело крайне пріятное впечатлѣніе на все населеніе, несшее на своихъ плечахъ всю матеріальную и нравственную тяжесть ссылки.

Общее число ссыльныхъ по волости за 1899 годъ доходило до 1628 человекъ, изъ нихъ водворяемыхъ рабочихъ 454 м. и 78 ж., ссыльно-поселенцевъ 582 м. и 227 ж., сосланныхъ на житіе по суду 207 м. и 14 ж. и сосланныхъ административнымъ порядкомъ по приговорамъ обществъ 47 м. и 19 ж.

Самое больное мѣсто въ волости—это почти полное отсутствіе медицинской помощи: на весь громадный районъ волости существуютъ врачъ, два фельдшера, акушерка и оспенникъ. Этотъ же персоналъ завѣдываетъ въ то же время и Частоостровской волостью, расположенной на лѣвомъ берегу р. Енисея. Резиденція ихъ, гдѣ находится и небольшая сельская больничка, с. Есаульское, Частоостровской волости. Этотъ недостатокъ медицинскихъ силъ, съ крайне скудно отпускаемымъ количествомъ медикаментовъ, съ одной стороны—парализуетъ всякое желаніе врача принести дѣйствительную помощь населенію, съ другой—дискредитируетъ въ глазахъ сельскаго населенія силу медицины.

Результатомъ такого печальнаго положенія здѣсь сельской медицины является знахарство. Рѣдкое селеніе не имѣетъ своего знахаря или знахарки, практикующихъ изъ 100 случаевъ не

болѣе 10 удачно, при чемъ употребляются лекарства нерѣдко одни и тѣ же и отъ бугорчатки легкихъ, и отъ бѣлой горячки или въ родѣ того. О болѣе раціональной постановкѣ медицинскаго дѣла въ волости пока ничего не слышно. Врача населеніе видитъ очень рѣдко, и то, когда онъ ѣдетъ для поднятія трупа; вообще же, къ опасно заболѣвшимъ командируется фельдшеръ, который, за неимѣніемъ медикаментовъ, рекомендуетъ больнымъ лишь домашнія средства.

При такомъ положеніи медицинской части трудно ожидать уменьшенія смертности. Персоналъ медицинскій весь содержится отъ казны и мы увѣрены, что общество Вознесенской волости не отказало бы, съ своей стороны, въ матеріальной помощи для увеличенія медицинскихъ силъ.

На случай появленія эпидемическихъ болѣзней по волости выстроено 17 т. н. больничекъ легкаго лѣтняго типа; постройка ихъ была произведена въ 1892 году въ ожиданіи появленія здѣсь свирѣпствовавшей тогда въ Россіи и частью въ Сибири холеры. Постройка ихъ обошлась волости въ 1618 р. 42 к.

Изъ эпидемическихъ заболѣваній въ 1899 году было 5 случаевъ сыпного тифа, 49 кори, 2 скарлатины и 2 дифтерита.

Въ видахъ народнаго призрѣнія, для всей волости существуетъ одна богадѣльня въ с. Вознесенскомъ, содержащаяся на общественныя средства; въ ней находится призрѣваемыхъ *три* человека. Благодаря скуднымъ средствамъ, она положительно не удовлетворяетъ своимъ задачамъ. Въ остальныхъ же селеніяхъ волости неспособные и калѣки призрѣваются или родственниками или тѣми обществами, на причисленіи коихъ они находятся.

Въ такомъ же печальномъ положеніи, какъ народная медицина, находится у насъ и *народное образованіе*. На 15932 человека населенія волость имѣетъ всего 12 школъ, съ учащимися въ нихъ 221 м. и 168 ж. п.; изъ нихъ: 1 Вознесенское приходское училище съ учащимися 17 м. и 22 ж. п., 10 церковно-приходскихъ школъ съ учащимися 179 м. и 131 ж. п. и 1 школа грамоты съ учащимися 25 м. и 15 ж. п. Содержаніе всѣхъ 12 школъ стоитъ въ годъ 1840 р.; изъ нихъ приходскаго волостного училища—360 руб., школы грамоты—100 руб. и церковно-приходскихъ школъ—1380 р. въ годъ. Здѣсь невольно поражаетъ читателя сумма въ 100 руб., отпускаемая на содержаніе Зыковской школы грамоты; интересно знать, какимъ образомъ, при поднимающейся не только въ городахъ, но и селахъ дороговизны на всѣ жизненные продукты, ухитряется жить на эти средства труженица на нивѣ народнаго образованія? Даже при самыхъ скромныхъ потребностяхъ этихъ средствъ едва хватитъ, чтобъ только не умереть съ голода,—а одѣться? а удовлетвореніе умственныхъ потребностей? Вѣдь, ей, какъ человѣку болѣе или менѣе разви-

тому, захочется и книжку хорошую почитать. Да, читатель, жутко, тяжело становится, когда сталкиваешься съ такой мрачной дѣйствительностью. Какая безисходная нужда, какая самоотверженность нужны, чтобъ идти въ чуждую среду, идти просвѣщать народъ и въ тоже самое время голодать!...

Въ недалекомъ будущемъ предполагается открытіе нѣсколькихъ министерскихъ школъ и въ с. Березовскомъ *первой во всей Сибири* учительской духовной семинаріи для приготовленія *крестьянскихъ* дѣтей къ педагогической дѣятельности въ церковно-приходскихъ школахъ; при семинаріи этой будутъ преподаваться и агрономическія науки, а для практики отведено нѣсколько десятинъ земли. Такимъ образомъ, по вопросу народнаго образованія уже сдѣланъ шагъ впередъ и остается лишь пожелать, чтобъ онъ не былъ куринымъ шагомъ.

Болѣе или менѣе правильно организованное переселенческое движеніе въ Вознесенскую волость началось 4 года тому назадъ, принимая, затѣмъ, съ каждымъ годомъ все большіе и большіе размѣры, при чемъ заселялись участки почти исключительно расположенные вдоль линіи сибирской желѣзной дороги и лишь за послѣднее время начали заселяться участки, нахѣзанные по р. Манѣ. Къ 1 января 1900 года числилось уже заселенныхъ 7 переселенческихъ участковъ. Чтобы дать болѣе подробныя свѣдѣнія объ этихъ участкахъ, мы разберемъ ихъ здѣсь отдѣльно каждый.

1. *Ново-Никольскій* съ населеніемъ въ 198 м. и 174 ж. пола. Заселеніе этого поселка началось съ 1896 года и въ первый годъ прибыло 3 семьи, въ 1897 году прибыло 2 семьи, въ 1898 г.—4 семьи и въ 1899 г.—6 семействъ. По мѣсту родины эти переселенцы раздѣляются такъ: изъ губерній Виленской—28, Витебской—9, Минской—6, Вятской—5, Кіевской—3, Черниговской—2 и Орловской и Могилевской по 1 семейству.

Изъ числа означенныхъ жителей знающихъ ремесло не оказалось *ни одного*, грамотныхъ 46 м. пола; жилыхъ домовъ 54, нежилыхъ 21; лошадей рабочихъ 109, нерабочихъ 2; коровъ дойныхъ 76 и недойныхъ 2, мелкаго скота 10 шт.; земледѣльческихъ орудій, плуговъ 20, сохъ 22, засеяно было въ 1899 г. хлѣба ярового— $7\frac{1}{2}$, пшеницы—1, овса— $1\frac{1}{2}$, озимового $32\frac{3}{4}$ десятинъ; скошено сѣна 556¹¹ копень. Въ настоящее время этотъ переселенческій участокъ составляетъ отдѣльное Ново-Никольское сельское общество. Не смотря на населеніе, дошедшее уже почти до 400 человекъ, школы здѣсь пока нѣтъ никакой.

2. *Мало-Камарчагскій* съ населеніемъ въ 121 м. и 75 ж. пола. Первые переселенцы въ числѣ 8 семействъ осѣли здѣсь въ 1896 году; затѣмъ, въ 1897 г. къ нимъ присоединились 12 семействъ, въ 1898 году 12 и въ 1899 году 6 семействъ. Изъ нихъ прибыли изъ губерній Черниговской—18, Витебской 15, Могилевской—3, Полтавской и Гродненской по 1 семейству. Изъ числа этихъ переселенцевъ оказалось трое знающихъ ремесла и 21 грамотный м. пола, домообзаводство ихъ состоитъ изъ жилыхъ построекъ 41, зимовокъ 2, нежилыхъ строеній 19; инвентарь ихъ: лошадей рабочихъ 70, нерабочихъ 21, коровъ дойныхъ 43, недойныхъ 21, мелкаго скота 31; земледѣльческія орудія: плуговъ 19, сохъ 22, вѣялокъ 1; было засеяно въ 1899 г. хлѣба ярицы $14\frac{1}{4}$, пшеницы $7\frac{1}{4}$, овса $9\frac{1}{2}$, др. хлѣбовъ $8\frac{3}{4}$, озимовыхъ $\frac{3}{4}$ десятинъ; накошено сѣна 4500 копень; поселокъ этотъ составляетъ отдѣльное самостоятельное Мало-Камарчагское сельское общество. Школы нѣтъ.

Какъ этотъ, такъ и предъидущій поселокъ причислены для удовлетворенія религіозно-нравственныхъ потребностей къ приходу церкви с. Шалинскаго.

3. *Ванновскій*, названный такъ въ честь бывшаго военнаго министра г. ад. Ванновскаго, съ населеніемъ въ 62 м. и 53 ж., началъ заселяться съ 1898 года, когда явилось на него 11 семействъ и въ 1899 году 7 семействъ; изъ нихъ Виленская губернія дала—12, Витебская и Минская по 3 семейства новоселовъ. Изъ нихъ ремесленниковъ нѣтъ ни одного, грамотныхъ 14 м. и 1 ж. п.; строеній жилыхъ 19, нежилыхъ 27; лошадей рабочихъ 28, нерабочихъ 5; коровъ дойныхъ 21, недойныхъ 10; мелкаго скота 2; земледѣльческихъ орудій: плуговъ 6, сохъ 10,

усовершенствованныхъ боронъ 16; засеяно было въ 1899 г. хлѣба озимоваго 23 десятины; скошено сѣна 246⁰ копенъ. Поселокъ этотъ составляетъ также самостоятельное сельское общество—Ванновское. Школы нѣтъ.

4. *Изыкъ*, съ населеніемъ въ 42 м. и 32 ж. пола. Началъ привлекать къ себѣ переселенцевъ лишь съ минувшаго 1899 года, при чемъ всѣ восемь семействъ пришли изъ одной, Витебской, губерніи. Изъ числа ихъ знающихъ ремесло 4 м. п. и грамотныхъ 4 м. п. Такъ недавно прибывъ на свои участки, переселенцы эти, безъ сомнѣнія, еще не могли прочно осѣсть здѣсь, обстроиться и обзавестись необходимымъ инвентаремъ. Пока они имѣютъ 5 деревянныхъ жилыхъ строеній, 4 нежилыхъ, рабочихъ лошадей 7, нерабочихъ 1, коровъ дойныхъ 5, недойныхъ 1; изъ земледѣльческихъ орудій—плуговъ 1, сохъ 3; засеяно въ 1899 г. было хлѣба озимоваго 6 десятинъ; сѣна накошено 600 копенъ. Участокъ этотъ, не составляя самостоятельнаго сельскаго общества, за малочисленностью жителей, причисленъ къ Терентьевскому сельскому обществу.

5. *Самарскій* (ранѣе Костичевъ), съ населеніемъ въ 56 м. и 38 ж. пола; участокъ началъ заселяться въ 1898 г., когда на него прибыло 7 семействъ; изъ нихъ ремесленниковъ нѣтъ ни одного, грамотныхъ 3 м. п.; жилыхъ строеній 14 и нежилыхъ 1; лошадей рабочихъ 19, нерабочихъ 3; коровъ дойныхъ 16, недойныхъ 4; изъ земледѣльческихъ орудій: плуговъ 2; засеяно было озимоваго въ 1899 г. 13¹/₂ дес.; накошено сѣна 1420 копенъ. По мѣсту родины переселенцы эти раздѣляются такъ: изъ Самарской 8 и Виленской губерніи 6 семействъ. Прибывшіе вновь уже въ 1900 году переселенцы съ Кавказа привезли съ собою саженцы фруктовыхъ деревьевъ, которые и начали культивировать; по ихъ словамъ, они рассчитываютъ на успѣхъ.

6. *Усть-Ситикъ*, расположенъ вплоть къ станціи „Сорокино“ (2-ой отъ г. Красноярска къ г. Канску) Сибирской жел. дороги. Къ 1-му января 1900 года въ немъ числилось жителей 12 м. и 10 ж. пола, изъ нихъ 2 семьи прибыло въ 1897 году и 4 въ 1898 году; всѣ 6 семействъ выходцы изъ одной Самарской губерніи. Близость желѣзнодорожной станціи, удобное, благодаря этому, сообщеніе съ г. Красноярскомъ съ 1900 г. стали привлекать сюда новоселовъ и въ то время, когда я заканчиваю эти строки, поселокъ Усть-Ситикъ уже увеличился вдвое. Это единственный изъ 7 переселенческихъ поселковъ, гдѣ процвѣтаетъ тайная продажа вина; рѣдкій домъ здѣсь не имѣетъ квартирантовъ, работающихъ на желѣзной дорогѣ, а такъ какъ на ст. „Сорокино“ буфета нѣтъ, а ближайшія питейныя заведенія (въ с.с. Маганскомъ и Кускунскомъ) находятся отъ упомянутой станціи въ 15—18 верстахъ, то всѣ желѣзнодорожные рабочіе и пользуются виномъ у этихъ переселенцевъ, уплачивая за него дикіе ⁰/₁₀; было составлено нѣсколько протоколовъ о безпатентной продажѣ вина, но этимъ переселенцы не сконфузились и продолжаютъ также бойко торговать виномъ и уплачивать штрафы. Всѣ 6 семействъ имѣютъ свои жилыя строенія и нѣкоторые домики выстроены даже съ претензіей на оригинальность: съ подъѣздами, терасками и пр. Здѣсь видно, что народъ живетъ не изъ бѣдныхъ. Ремесленниковъ нѣтъ, грамотныхъ 9 чел. Лошадей рабочихъ 7, нерабочихъ 1, коровъ дойныхъ 6 и недойныхъ 2; изъ земледѣльческихъ орудій 3 плуга; засеяно было въ 1899 г. 17¹/₂ дес. озимоваго; сѣна накошено 390 копенъ.

7. „При разѣздѣ“, одинъ изъ самыхъ мало-населенныхъ участковъ; прибыли на этотъ участокъ всего 3 семьи изъ Виленской губ. одновременно въ 1899 г.; изъ нихъ 13 м. и 10 ж. пола; знающихъ ремесла—нѣтъ, грамотныхъ—1; имѣютъ 3 деревянныхъ жилыхъ строенія; лошадей рабочихъ 7, нерабочихъ 1, коровъ дойныхъ 6, недойныхъ 2; изъ земледѣльческихъ орудій 3 плуга; засеяно было въ 1899 г. озимоваго 3¹/₂ десятины; накошено сѣна 500 копенъ.

Суммируя данныя по всѣмъ вышеприведеннымъ переселенческимъ участкамъ, мы находимъ, что переселенческое движеніе въ Вознесенской волости, какъ выше сказано, началось съ 1896 года, когда прибыло 11 семействъ, въ 1897 г.—16, въ 1898 г.

—78 и въ 1899 г.—37 семействъ. Такимъ образомъ, изъ послѣднихъ четырехъ лѣтъ далъ наибольшій приливъ переселенцевъ въ эту волость 1898 годъ. За весь этотъ періодъ времени прибыло переселенцевъ 504 м. и 392 ж. пола; по мѣсту родины они раздѣляются: изъ губерній—Виленской—49, Витебской—34, Черниговской—20, Самарской—14, Минской—9, Вятской—5, Могилевской—4, Кіевской—3, Полтавской, Орловской и Гродненской по 1 семейству. Изъ нихъ знающихъ ремесло 7 человекъ м. п., грамотныхъ 118 м. и 1 ж. пола. Какъ видитъ читатель $\frac{0}{100}$ грамотныхъ въ переселенческихъ участкахъ далеко превышаетъ $\frac{0}{100}$ грамотныхъ по всей волости. При этомъ мы должны сказать, что населеніе нѣкоторыхъ поселковъ, стремясь къ обученію грамотѣ своихъ ребятъ и не имѣя средствъ для открытія школы, держатъ у себя т. н. бродячихъ учителей, въ большинствѣ случаевъ изъ выгнанныхъ сельскихъ писарей или поселенцевъ. Строеній на всѣхъ 7 поселкахъ: жилыхъ 146, зимовья—2 и нежилыхъ—74. Скотоводство ихъ состоитъ изъ 247 рабочихъ и 34 нерабочихъ лошадей, коровъ дойныхъ 173 и недойныхъ 42 и мелкаго скота 43 штуки. Земледѣльческихъ орудій: плуговъ 54, сохъ 57, вѣялокъ 1, усовершенствованныхъ боронъ 16. Засѣяно было въ 1899 году хлѣба: ярового $21\frac{3}{4}$., пшеницы $8\frac{1}{4}$, овса 11, озимоваго 145 десятинъ; сѣна накошено 15430 копенъ.

Всѣ переселенцы, не имѣющіе достаточныхъ собственныхъ средствъ для устройства своего хозяйства, получаютъ отъ казны пособіе, съ уплатою его въ разсрочку въ теченіе трехъ лѣтъ; затѣмъ, кромѣ другихъ временныхъ льготъ, они не облагаются податями и мірскими повинностями въ теченіе трехъ лѣтъ. Затѣмъ, имѣя въ виду, что нѣкоторые изъ упомянутыхъ участковъ находятся на вершинахъ довольно значительныхъ горъ, вдали отъ воды, къ которой, притомъ, спускъ крайне затруднителенъ, правительство предложило имъ—не пожелаютъ ли они устроить общественные колодцы, съ выдачею для этой цѣли отъ казны пособія, съ возвратомъ такового; на этихъ же условіяхъ было имъ предложено пособіе отъ казны на устройство мельницъ. Но такъ какъ въ настоящее время земледѣліе здѣсь находится въ самомъ зачаткѣ и умолотъ хлѣба еще крайне незначителенъ, переселенцы предложеніе это пока отклонили.

Весьма значительнымъ подспорьемъ въ хозяйствѣ переселенцевъ Самарскаго и Усть-Ситикскаго участковъ служить сбытъ лѣса и камня для нуждъ Сибирской жел. дороги. Но, къ сожалѣнію, хотя вырубка таежнаго лѣса тамъ, дѣйствительно, является необходимой для очистки площади подъ пашни, но вырубка эта производится безъ всякой системы: рубятъ безъ

разбора, гдѣ попало, преимущественно — ближе къ мѣсту сбыта, и рубится, конечно, лучшій лѣсъ, при чемъ остатки отъ вырубленнаго лѣса не убираются и не сжигаются. Часть вырученной отъ продажи лѣса суммы выдавалась на руки переселенцамъ, часть же удерживалась въ переселенческій капиталъ.

Заканчивая настоящій краткій очеркъ Вознесенской волости, мы не можемъ не высказать своего твердаго убѣжденія, что со временемъ волость эта, благодаря, главнымъ образомъ, пролегающей чрезъ нее линіи Сибирской ж. дороги, займетъ первенствующее мѣсто среди другихъ волостей Красноярскаго уѣзда.

Ал. Голодниковъ.

Отъ Томска до Яренска.

(Наблюденія и встрѣчи въ дорогѣ).

1 сентября.

Мнѣ не разъ приходилось встрѣчать людей, для которыхъ совершенно безразлично, ѣхать ли пустынной, хотя бы даже песчаной, степью, или мѣстностью живописной. Они не находятъ въ природѣ никакой поэзіи, ничто ихъ въ ней не занимаетъ, и подобное равнодушіе доходитъ иногда до отрицанія красоты природы. Встрѣчая такого человѣка, не знаешь, вѣрить ли ему, и если вѣрить, то чему удивляться: черствости ли натуры или извращенности вкуса? И удивление это возрастаетъ по мѣрѣ того, какъ убѣждаешься, что Х — человѣкъ въ строгомъ смыслѣ слова и не лишенъ художественнаго вкуса.

Я лично принадлежу къ числу тѣхъ людей, на которыхъ красота природы и, вообще, созерцаніе величія мірозданія оказываетъ сильное вліяніе и въ извѣстные моменты дѣлаетъ настроеніе. Я долго могу глядѣть и на небо, и на тучи, и на лѣсъ, и на рѣку и т. д.; замѣчать все новыя явленія и картины, и фантазія моя не повторится, унося меня въ свой міръ.

Сегодня я цѣлый день просидѣлъ у окна, отвлекаясь на короткое время для книги. Смотришь въ окно и видишь, какъ мелькаютъ телеграфные столбы, знаки, лѣсъ, избушки, сторожа съ флажками; картины мѣняются поминутно, и — то поѣздъ мчится у подошвы гордо поднимающейся горы, то пересѣкаетъ гору и входитъ словно въ корридоръ, и въ вагонѣ становится сумрачно и потомъ снова свѣтло, то по верху горы, а внизу, какъ пропасть, зіяетъ болотное, заросшее травой и мохомъ, озерцо. Смотришь, и любишься, какъ сѣрымъ облачкомъ вьется дымъ локомотива, окутывая угрюмый лѣсъ и те-

ряясь въ немъ, или какъ облачко это несется по болотистой впадинѣ и утопаетъ въ воздухѣ. Вотъ рѣчка мчится стрѣлой, и лучи солнышка цѣлуются съ ея струями, а вѣтеръ, точно ревнуя, вдругъ съ яростью накинется на нихъ, смутить тихую, гладкую поверхность и, устыженный той же лаской и добротой солнечныхъ лучей, прячется въ лѣсъ....

Все это обыденно, просто,—скажутъ мнѣ. Но, во первыхъ, мое перо отказывается нарисовать *все и такъ, какъ есть*, хотя нервы и чувства воспринимаютъ. А во вторыхъ, согласитесь, не проглядываетъ ли во всемъ описанномъ что то такое, что приковываетъ вниманіе и заставляетъ сильнѣе биться сердце?...

...И то, что въ вагонѣ пусто, и сидишь чуть не одинъ—одиношенекъ, радуешь. Радуешь, что говорить не съ кѣмъ, что можешь быть наединѣ со своими мыслями и мирнаго теченія ихъ никто не нарушитъ...

Двѣ какія то старушки, помѣстившіяся въ другомъ концѣ отдѣленія, тихо, но горячо о чемъ то разговариваютъ.

— Я пойду ужо, спрошу его,—слышу сказала одна.

— Спроси, спроси,—совѣтуетъ другая.

Зашлепали башмаки и одна старушка,—маленькая съ сморщеннымъ лицомъ, согбенная, едва двигающая ногами,—подошла ко мнѣ и, здороваясь, сѣла.

— Вотъ мы сколько времени вмѣстѣ ѣдемъ, а я все еще съ вами не поговорила,—сказала она, шепелявя.—Вы не желѣзнодорожный ли служащій?

— Нѣтъ.

— Экое горе! А я думала вы на этой желѣзной дорогѣ служите.... Сына я розыскиваю.

Молчаніе.

— Служилъ онъ раньше въ Екатеринбургѣ на станціи, а теперь, говорятъ, въ Нижнемъ Тагилѣ. Гостить къ нему ѣду, а не знаю, гдѣ розыщу.

Молчу.

— У другого сына гостила, на—ской станціи сибирской дороги начальникомъ служить. По готовому билету ѣду, все таки! Не знаю, что буду теперь дѣлать.

Положеніе, дѣйствительно, безвыходное, и такое при томъ, въ какомъ можетъ остаться только 70—лѣтняя старуха.

— „Вотъ какіе путешественницы бываютъ иногда!“ —

...Вотъ мы на станціи у Верхъ-Нейвинскаго завода. Заводъ большой, расположенъ на холмистой мѣстности у красиваго озера формы округленной буквы Х. Бодная, темная и мрачная, масса тихо колышется подъ струями горнаго вѣтра. Сѣрые домики уютно ютятся по склонамъ холмовъ, прячась одинъ за другой. Надъ ними возвышается нѣсколько дымящихся высо-

кихъ заводскихъ трубъ. Опять звонки и свистки, опять трогаемся въ путь.

Нижне-Тагильскій заводъ въ своихъ главныхъ выѣшнихъ чертахъ похожъ на Верхне-Нейвинскій, только онъ значительно больше его и лучше постройкой. И даже озеро около Тагила напоминаетъ Нейвинское, а возвышающаяся лысая гора съ какой-то часовней напоминаетъ Нейвинскую каланчу, стоящую вдали отъ построекъ на горѣ.

Старушка, о которой я упомянулъ выше, простилась со мной въ Нижнемъ Тагилѣ и вышла, сказавъ передъ тѣмъ: „слава Богу, доѣхала“. Каково же было мое удивленіе, когда минутъ черезъ 10, вернувшись изъ буфета, я опять засталъ ее въ вагонѣ, рассказывавшую что-то своей компаніонкѣ. Оказалось, что сынъ ея вовсе не служитъ въ Н.-Тагилѣ, а гдѣ-то на другой станціи, ближе къ Перми, куда ей и посоветовали ѣхать...

Опять впередъ, впередъ... День близится къ вечеру. Небо ясно, ни облачка, и на немъ все замѣтнѣй и замѣтнѣе обрисовывается дискъ луны... Прохладно. Солнце заходитъ за гору, золотя верхушки молчаливаго лѣса. Рѣзко раздается свистокъ машиниста среди всеобщей тишины и далекое эхо вторитъ ему.

17 сентября.

Чѣмъ болѣе приближались мы къ Перми, тѣмъ скорѣе вагонъ нашъ наполнялся пассажирами. „На прибыль“ пассажиры пошли, главнымъ образомъ, послѣ Чусовой, одной изъ самыхъ большихъ станцій между Екатеринбургомъ и Пермью и при томъ — узловоей. Въ нашемъ отдѣленіи почти всѣ полки были заняты, и когда я ночью во время остановки на одной станціи проснулся, то одинъ изъ пассажировъ сказалъ мнѣ:

— Нельзя спокойно расположиться, знаете ли. Вотъ — онъ указалъ на храпѣвшаго тутъ же господина — привели его какіе-то два лица и убѣдительно просили меня присмотрѣть. Онъ сильно выпивши, за нимъ слѣдятъ двѣ какихъ-то темныхъ личности, только что вышедшія на станцію. Они его оберутъ!

— Об-берутъ, об-берутъ, — глухо и хрипло промывчала лежавшая масса.

— Кто онъ такой? — спрашиваю трезваго незнакомца о пьяномъ.

— Изъ Сарапуля купецъ. Со свадьбы ѣдетъ.

Я заглянулъ въ окно. Темно. На платформѣ у входа на станцію горятъ фонари, при помощи которыхъ можно различить фигуры пассажировъ, жандарма, служителей. Станціонныя постройки утопаютъ во мракѣ ночи. Всматриваясь напряженнѣе, видишь неясныя очертанія горъ, видишь, что луну закрыли облака, за краями которыхъ прорывается ея флегмати-

чный свѣтъ. Гдѣ-то далеко въ темнотѣ мерцаетъ огонекъ, но звѣзды блещутъ яснѣе и ярче его.

„Жутко, должно быть, тамъ, въ горахъ, въ ночной часъ!“ — думается мнѣ и, невольно вздрогнувъ, окутываюсь одѣяломъ.

„Вѣдь, и въ вагонѣ не совсѣмъ покойно“!..

Какъ только раздался звонокъ, въ вагонъ пожаловали и двѣ „темныя личности“. Съ виду они похожи на заводскихъ мастеровыхъ, — въ пиджакахъ, картузахъ и шевіотовыхъ брюкахъ, одинъ на выпускъ, другой въ сапоги. Выраженіе фізіономій и манеры ихъ были таковы, что противъ желанія приходилось быть подозрительнымъ и думать, что тутъ дѣло „не съ проста“.

„Личности“ посидѣли, поговорили „на счетъ выпивки“, которой негдѣ было достать, и забрались спать на верхнія полки. И только предпринявъ нѣкоторыя мѣры предосторожности, я сталъ продолжать прерванный сонъ...

— Билеты ваши позвольте, господа, билеты ваши, — не безъ важности, солидно говоритъ кондукторъ, будя пассажировъ.

Такой пріятный сонъ, а онъ тутъ съ билетами. Пославъ мысленно по его адресу не особенно лестный эпитетъ, сонный пассажиръ подаетъ билетъ.

— Да ужъ разсвѣло! — удивленный и обрадованный, восклицаетъ онъ и начинаетъ протирать глаза.

— Разсвѣло-съ... Сейчасъ Мотовилиха и Пермь, — говоритъ кондукторъ. — Вашъ билетъ, — обращается онъ къ лицу, отданному на присмотръ.

— Не знаю, есть ли, нѣтъ ли, — бурчитъ тотъ, опуская руку въ карманъ.

Кондукторъ и нѣкоторые пассажиры смѣются.

— Долженъ быть-съ, — снисходительно замѣчаетъ первый.

— Есть, есть... на-те.

Виднѣются Мотовилихинскія постройки. Избушки рабочихъ, составляющія большинство ихъ, дымятся. Дымятся и возвышающіяся надъ ними заводскія трубы. Въ мастерскихъ, красный кирпичъ которыхъ, окна и крыши почернѣли отъ дыма и сажи, блеститъ огонь и слышны стукъ молота и шипѣнье машинъ. Раннее утро, — а работа кипитъ и жизнь бьетъ ключемъ.

За Мотовилихой вѣ уложились...

— Фррь... свиститъ кондукторъ и поѣздъ останавливается.

Пассажиры не особенно спѣшатъ и не толкаются. Большинство ихъ — мѣстные жители, не обремененные багажемъ. Слышны радостныя восклицанія, поцѣлуи.

— Когда идетъ поѣздъ въ Котласъ? — спрашиваю швейцара.

— Въ 4 часа 14 минутъ...

Ждать, значитъ, больше 9 часовъ. Не смотря на раннее утро, сдаю багажъ на храненіе и иду осматривать городъ, расчи-

тывая, что время пройдетъ быстрѣе, чѣмъ нежели бы я находился на вокзалѣ. Признаться, путешествіе было не изъ пріятныхъ. Во всемъ тѣлѣ чувствовалась усталость и слабость, голова отупѣла, въ груди, послѣ нѣсколькихъ дней, проведенныхъ въ душныхъ вагонахъ, давило и жгло, нервы расхлябились.

Какъ на зло, послѣ вчерашняго чуднаго вечера выдался пасмурный день. Настроеніе было тяжелое, скверное. Черезъ силу шелъ я по Котласскому полотну дороги и вышелъ на берегъ рѣки Камы.

Мнѣ давненько, еще въ 1894 году, пришлось ѣхать по Камѣ, и я тогда еще полюбилъ ее, многоводную и раздольную. Хороша она въ теплый, ясный день, когда тихо катить свои могучія воды и пароходъ разсѣкаетъ гладкую поверхность ихъ, и отражающіяся облака переплетаются въ причудливые узоры. Хороша она и въ лѣтній день, во время бури, взбушевавшаяся, ярая и грозная. Но теперь, въ этотъ пасмурный осенній день съ глупо-кислымъ выраженіемъ тверди небесной, безъ солнца, безъ вѣтра, рябая и мутная Кама не привлекала пытливаго взора. И пожелтѣвшій лѣсъ на той сторонѣ глядѣлъ какъ то сонно и понуро, и дальше, за нимъ, сине-сѣрый боръ точно сросся съ молочнымъ небомъ.

Нельзя сказать, чтобы по Камѣ сновали пароходы, но ихъ было не мало. Одинъ за другимъ слышались свистки, проходили легковые и буксирные пароходы, и весь лѣвый, пермскій берегъ рѣки былъ занятъ пристанями и судами.

Я долго бродилъ по городу. Всѣ лучшія улицы мощены булыжникомъ, на многихъ у тротуара посажены кусты. Главная улица Сибирская; она начинается отъ Набережной и идетъ перпендикулярно ей, поднимаясь въ гору. Мѣстность, занимаемая Гермью, также неровна и холмиста, какъ и въ Томскѣ. На Сибирской улицѣ находится муниципалитетъ и др. правительственныя и общественныя учрежденія. У дома губернскаго правленія и типографіи я наталкнулся на группу людей, читающую какое то объявленіе; оказалось, что это вывѣшаны въ витринѣ послѣднія агентскія телеграммы, напечатанныя редакціей „Пермскихъ Губернскихъ Вѣдомостей“, и карта Японіи, Китая и Кореи. Такого симпатичнаго способа распространенія среди населенія свѣдѣній о послѣднихъ событіяхъ въ Китаѣ нельзя не привѣтствовать и не рекомендовать другимъ городамъ. Если бы тоже самое было сдѣлано, напр., въ Томскѣ, сколько кровныхъ пятаковъ и трешниковъ сэкономили бы запасные нижніе чины и ихъ родственники, являвшіеся одними изъ первыхъ покупателей ежедневныхъ телеграммъ...

Какъ я уже сказалъ, на Сибирской улицѣ находится городская дума. Въ томъ же домѣ помѣщается и городская общест-

венная бібліотека. Давно не видя газетъ, я съ нетерпѣніемъ ждалъ 12-ти часовъ, въ каковое время, какъ гласить объявленіе, бібліотека открывается по воскресеньямъ.

Тутъ мнѣ припомнился слѣдующій казусъ, происшедшій со мною въ 1899 г. въ Костромѣ. За полной распутицей, мнѣ пришлось прожить въ ней въ ожиданіи навигаціи почти недѣлю. Дѣлать было вовсе нечего, дома сидѣть надоѣдало, гулять по городу—тоже, и вотъ я рѣшилъ ходить въ бібліотеку читать газеты. Разспросилъ квартирныхъ хозяевъ—оказалось, что городской публичной бібліотеки нѣтъ, а есть частная и бесплатная народная. Въ послѣднюю я ходилъ нѣсколько разъ въ разное время дня и она всегда была заперта. Пошелъ въ частную, —не помню теперь, чью именно. Вхожу и спрашиваю: „Можно ли просмотрѣть газеты въ кабинетѣ“?

Удивленный взглядъ 2-хъ бібліотекаршъ смутилъ и удивилъ меня.

— Развѣ у васъ нѣтъ кабинета для чтенія?—спрашиваю вновь.

— Какого кабинета? Что говорите? Нѣтъ, нѣтъ...

— !?!

Врядъ ли почтенныя бібліотекарши не сочли меня за какого нибудь стрикулиста. По крайней мѣрѣ, во взорахъ ихъ столько было недоумѣнія и удивленія, сколько у меня не было по поводу того, что онѣ не знакомы съ благоустроенными бібліотеками.

И я боялся, какъ бы со мною не повторился подобный не-пріятный случай. Благодареніе Богу, опасенія мои были напрасны. Я зашелъ въ Пермскую бібліотеку, когда было 12 ч. 10 м., а въ кабинетѣ уже сидѣло до десятка посѣтителей, молодыхъ людей, преимущественно—учащихся. Спрашиваю позволенія войти; бібліотекарша любезно разрѣшаетъ. Библіотекой заняты двѣ просторныя комнаты верхняго этажа, одна изъ коихъ—кабинетъ для чтенія, другая—книгохранилище. Впрочемъ, и въ первомъ есть шкафы съ книгами. Входъ въ кабинетъ для чтенія открытъ для всѣхъ бесплатный.

Просмотрѣвъ послѣднія газеты, я спросилъ у бібліотекарши нѣсколько нумеровъ за прошедшее время и для справки одну уральскую газету за 1893 г. Просьба моя безъ замедленія и любезно была исполнена.

Нашей томской городской публичной бібліотекѣ тоже слѣдовало бы допустить бесплатное пользованіе всѣмъ желающимъ въ кабинетѣ для чтенія газетами и журналами. Объ этомъ въ мѣстныхъ газетахъ, кажется, уже писалось. Остается, значитъ, пожелать, чтобы сознаніе необходимости и полезности введенія такого условія въ бібліотечныя правила скорѣе окрѣпло среди гласныхъ и вылилось на практикѣ соотвѣтствующимъ мѣропріятіемъ.

Пермскій вокзалъ, безъ сомнѣнія, можно признать самымъ лучшимъ изъ всѣхъ, встрѣчавшихся на нынѣшнемъ моемъ пути, лучшимъ и по обстановкѣ, и по удобству (расположенъ на берегу р. Камы, у пристаней, почти въ центрѣ города), и по вмѣстительности. Буфетъ I и II классовъ находится въ отдѣльной большихъ размѣровъ комнатѣ, свободной отъ грудъ чемодановъ, узловъ, коробокъ и пр. вещей проѣзжающихъ, которыми (вещами, а не проѣзжающими), обыкновенно, бываютъ завалены всѣ проходы на вокзалахъ Томскомъ, Челябинскомъ и др. Пермскій вокзалъ по своей распланировкѣ похожъ на Ярославскій въ Москвѣ, только тотъ нѣсколько просторнѣе. Заль III кл. биткомъ набитъ пассажирами, почему стоялъ говоръ и шумъ сотенъ голосовъ, точно на сельской ярмаркѣ. Можно было предполагать, что котласскій поѣздъ тоже будетъ „набитъ“, но оказалось, что многіе здѣсь, на вокзалѣ, ждали пароходовъ.

Прозвучалъ первый звонокъ. По заламъ и платформѣ прощмыгнулъ служитель съ валдайскимъ колокольцемъ и, прозвонивъ, речитативомъ произносилъ:

— Первый звонокъ на Котласъ, господа!

Поднялось движеніе. Перегоняя другъ друга, помчались носильщики и пассажиры занимать мѣста. Впрочемъ, той толкотни и сутолоки, какія пришлось наблюдать въ Томскѣ и Тайгѣ, все же не было. Въ нашемъ отдѣленіи вагона, состоявшемъ изъ 24 мѣстъ, было не болѣе 15 человѣкъ.

Меня поразила эта малолюдность. Сколько времени я ѣхалъ—мѣста всегда и почти всѣ были заняты.

— Неужели и въ другихъ вагонахъ пассажировъ не больше здѣшняго? —спросилъ я своего сосѣда, повидимому, торговца.

— Да, не больше, если только не меньше,—былъ отвѣтъ. Проѣзжающихъ, особенно зимой, очень мало, и то главнымъ образомъ—между Пермью и Вяткой. Вотъ встрѣтится Глазовъ, уѣздный городъ Вятской губерніи. Замѣтьте, какъ сразу пассажиры убудутъ. А изъ Вятки до Котласа вамъ навѣрно въ пустыхъ вагонахъ придется ѣхать.

— Значить, дорога работаетъ плохо? Или, можетъ быть, грузовъ перевозится очень много?

— Ну, не скажите, чтобы много. Въ прошломъ году за всю зиму прошло только четыре товарныхъ поѣзда. Здѣсь, вѣдь, только одинъ поѣздъ въ сутки ходитъ—онъ и почтовый, и пассажирскій, и товарный. Пассажировъ мало и поэтому въ составъ поѣзда прицѣпляются товарные вагоны.

Мы еще поговорили о томъ о семъ. Время шло незамѣтно. Дали третій звонокъ. Поѣздъ тронулся. Вокзалъ, платформа и люди—служащіе, провожающіе и посторонніе, сперва медленно, потомъ все быстрѣе и быстрѣе стали отъ насъ отдаляться и, на-

конецъ, скрылись. Вдругъ въ вагонѣ стало совсѣмъ темно, такъ что даже лица сосѣда нельзя было видѣть. Оказалось,—поѣздъ идетъ подъ желѣзнымъ мостомъ, такъ какъ въ этомъ мѣстѣ пересѣкалась городская улица и была сдѣлана выемка земли глубиною до 3—3½ саж., т. е. нѣчто вродѣ туннеля. Дальше поѣздъ шелъ берегомъ р. Камы и, затѣмъ, свернулъ влѣво, въ хвойный лѣсъ. Послѣ минутной остановки на полустанкѣ, поѣздъ помчался дальше и вотъ мы вновь выѣхали на открытое мѣсто, на сѣнокосные луга въ долину Камы. Въ окно виднѣлась многоводная Кама, и желѣзно-дорожный мостъ черезъ нее издали, сквозь легкій туманъ, казался какою то грандіозною, висящею на воздухѣ цѣпью.

Поѣздъ взошелъ на мостъ. Необъяснимый страхъ объемлетъ въ то время, когда смотришь изъ окна внизъ, на мутныя волны, которыя съ остервененіемъ набрасываются на кессоны, словно желая сломить ихъ упорную стойкость. Этого чувства—не то что бы страха, а какой то боязни за себя, я не испытывалъ, проѣзжая по Обскому и др. мостамъ моего нынѣшняго пути и ранѣе—по Самарскому.

Кама въ этомъ мѣстѣ очень широка; какъ говорили пассажиры, мостъ черезъ нее достигаетъ длиною 450 саж. За Камой по правую сторону полотна мѣстность холмистая, занятая полями и селеніями, по лѣвую—большею частію лѣсная, болотистая. Въ общемъ картина довольно однообразная: голыя поля на холмахъ, не крупный и рѣдкій смѣшанный лѣсъ, сѣренькія деревушки—засмотрѣться не на что. Впрочемъ, все-таки, лучше, чѣмъ на западно-сибирской дорогѣ, гдѣ степь, мелкій березнякъ да небо только и видишь передъ собой. Поѣздъ идетъ скорѣе, чѣмъ на названной дорогѣ, не смотря на то, что послѣдняя построена раньше и проходитъ степной мѣстностью, гдѣ почва болѣе устойчива, нежели на Котласской линіи, во многихъ мѣстахъ идущей болотами.

Сумерки быстро охватили землю. Труднѣе и труднѣе становилось разсмотрѣть очертанія лѣса, полей и всего окружающаго. Сгущаясь и сгущаясь, вечернія тѣни накрыли природу мракомъ и погрузили въ сонъ.

18 сентября.

Когда разсвѣло,—а было тогда часовъ 5½,—мы далеко за собой оставили Глазовъ. Слова торговца, вышедшаго тутъ, оправдались: пассажировъ въ нашемъ отдѣленіи осталось только 9 человѣкъ, въ числѣ которыхъ нѣсколько были съ служебными билетами. Утро выдалось туманное, и сквозь сѣрой пелены, окутавшей поля и лѣса и повисшей въ воздухѣ,—солнце казалось какимъ то мутнымъ и расплывшимся. Выглянешь въ окно—таже холмистая равнина съ полями, жиденькимъ лѣсомъ, сѣрыми из-

бушками деревень, изгородями. Сидишь на скамейкѣ усталый, утомленный, смотришь безцѣльно въ окно на раскинувшійся горизонтъ, смотришь до того, что въ глазахъ начинается мутится и всѣмъ тобой овладѣваетъ истома, сонливость. И, убаюканный пѣсней колесъ и буфферовъ, забудешься, задремлешь и заснешь. Но этотъ сонъ на нѣсколько минутъ,—сильный толчекъ разбудитъ тебя. Подымаешь лѣниво глаза, осмотришься кругомъ и, влекомый ко сну, снова растягиваешься на скамѣ во весь ростъ...

Полдень. Вятка. Она расположена при рѣкѣ этого же наименованія среди широкой, изрѣзанной невысокими холмами равнины, вся въ садахъ. Далеко-далеко видны полосы темнаго лѣса. Вокзалъ находится приблизительно за версту отъ города. Поездъ стоитъ здѣсь меньше часу, такъ что туристу нѣтъ времени ознакомиться съ городомъ. Изъ окна вагона видны куполы церквей, сады, каменные и деревянные зданія—и только.

Одинъ вагонъ третьяго класса отцѣпили. Я побоялся, что въ нашемъ вагонѣ будетъ тѣсно,—но опасенія мои оказались напрасными. вмѣсто вышедшихъ 5 человекъ, прибыло только трое, и опять, надо замѣтить, служащіе дороги.

Въ 17 верстахъ отъ Вятки находится желѣзно-дорожный мостъ черезъ рѣку Вятку, длина котораго около 120 сажень.

При проѣздѣ отъ Вятки къ Котласу, бросается въ глаза то, что чѣмъ дальше вы уѣзжаете, тѣмъ рѣже становятся населенныя мѣста, тѣмъ значительнѣе и глуше лѣсныя пространства. Наконецъ, въ сѣверной части Вятской губерніи, на границѣ съ Вологодской, отъ станціи Мураши, лѣса тянутся непрерывно до Котласа. Селенія находятся отъ линіи на разстояніи отъ 40 до 60 вер. Какъ стѣны, стоятъ съ обѣихъ сторонъ жидкія сосны и ели и захудалые кусты лиственныхъ породъ на болотистыхъ и низменныхъ, сырыхъ мѣстахъ, черезъ которыя проложена дорога. Но и на сухихъ мѣстахъ лѣсъ не лучше; дѣвственнаго, строеваго, гигантскаго лѣса, которымъ изобилуетъ сѣверо-восточная часть Вологодской губерніи, здѣсь нѣтъ. Почва ли тутъ не подходящая для него, или онъ весь уничтоженъ, или какія другія причины существуютъ и объясняютъ отсутствіе его—мнѣ неизвѣстно.

Да, въ сотый разъ скажешь, что путь глухъ, однообразенъ и унылъ. Только сонъ и скрадываетъ медленные часы путешествія. Книги я всѣ прочелъ, новыхъ достать негдѣ, а также и газетъ. Поговорить—и то не съ кѣмъ. И разговорчивъ бы мой сосѣдъ, какой то желѣзно-дорожный служащій, да не располагаетъ къ себѣ своими манерами держать себя и говорить. манерами, такъ выпукло выдающимися въ каждомъ самоувѣренномъ дуракѣ и потому особенно непріятными. Изъ всего того, что за цѣлый день наговорилъ онъ какому то другому проѣзжающему

въ Котласъ, заслуживаетъ вниманія только разсказъ объ одномъ изъ „строителей“ — о приѣмѣ для дороги дровъ. Вотъ онъ.

Подрядчикъ Иксъ доставилъ на одну станцію больше 2000 саж. дровъ. По контракту, заключенному съ подрядчикомъ, отъ „строителя“, въ завѣдываніи котораго находился участокъ, зависѣло принять дрова въ казну и уплатить деньги, или же забраковать и отказать въ приѣмѣ. Дрова показались „строителю“ негодными почему то, и онъ на отрѣзъ отказался взять ихъ. Поставщикъ задумался. Что тутъ дѣлать, какъ тутъ быть, какъ же горю пособить? Умные и опытные коллеги совѣтовали подрядчику „потрафить“ придирчивому начальству. „Человѣкъ, вѣдь, тоже, — дескать, — не звѣрь. Неужто не размягчить“. Пошелъ подрядчикъ, поклонился, предложилъ; не беретъ и дровъ не принимаетъ. Что за диво! Ужъ совсѣмъ какъ то не по обыкновенному!.. А приходила зима и барыня строителя надумалась шить ротонду. Ужъ искала — искала она хорошій какой то мѣхъ, нигдѣ не могла найти по душѣ. Узналъ это подрядчикъ, узналъ стороной и то, какой мѣхъ надо ей и поѣхалъ въ Сибирь. Съѣздивъ до самого Иркутска, накупилъ разныхъ мѣховъ для перепродажи, да и такой не забылъ захватить, какой требовался „барынѣ“. Приѣхалъ, явился и предложилъ. „Барыня „осталась“ очень довольны, — мѣхъ понравился, — и взяли его. Подрядчикъ запросилъ очень низкую цѣну, добавивъ при этомъ что желалъ бы сдѣлать „барынѣ“ подарокъ, да боится, что подарокъ этотъ очень дешевъ. Само собой, исторія съ дровами была передана барынѣ. И въ тотъ день, какъ состоялся „приѣмъ“ въ подарокъ мѣха, были приняты для дороги дрова, черезъ три мѣсяца послѣ первоначальнаго осмотра оказавшіеся годными для употребленія и отвѣчающими требованіямъ контракта.

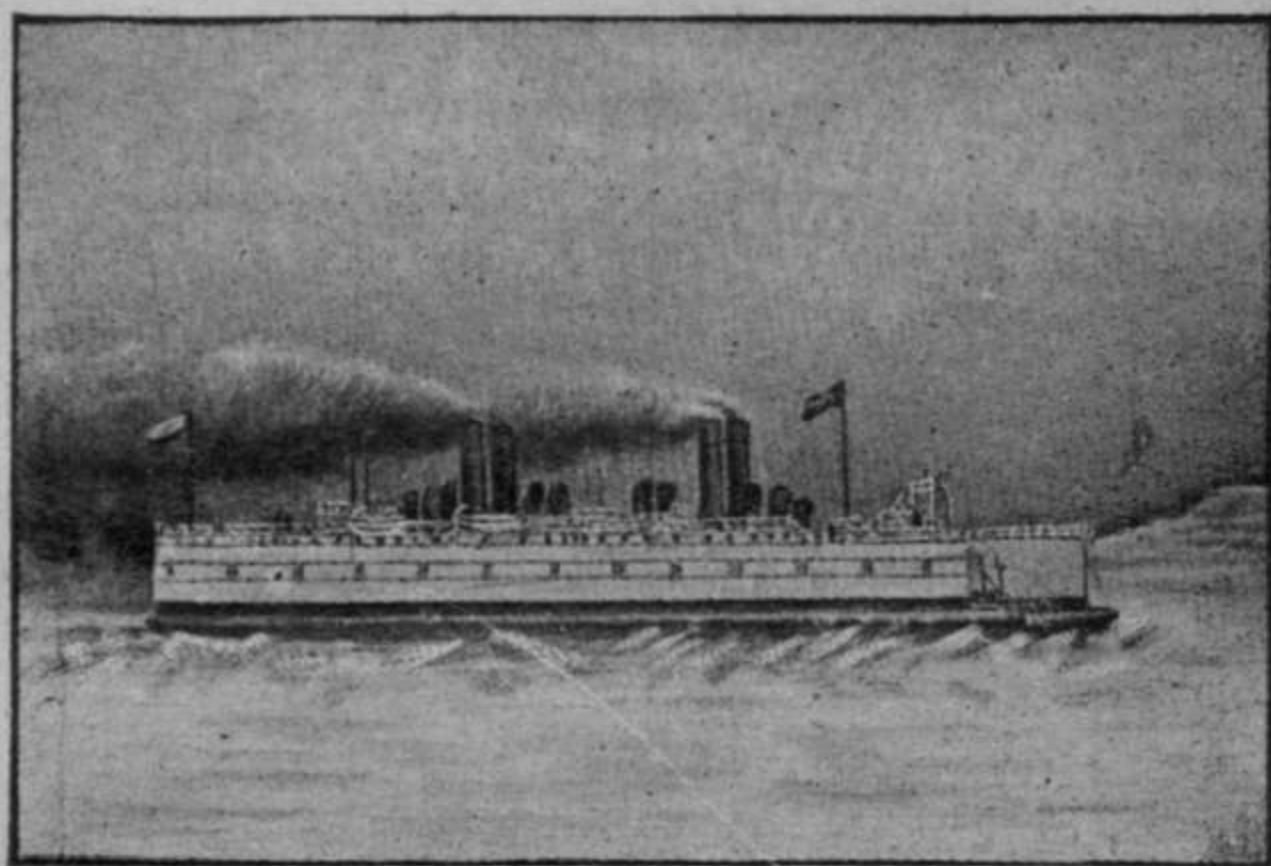
Коротко и ясно...

Какъ только наступили сумерки, я легъ спать, — потому что дѣлать было нечего и потому еще, что ночью предстояли хлопоты съ переноскою на вокзалъ и на пристань вещей.

19 сентября.

Перемѣстившись съ поѣзда на вокзалъ, я прежде всего долженъ былъ узнать о времени отправленія съ Котласа пароходовъ на Устьсысольскъ. Теперь мой путь лежалъ вверхъ по р. Вычегдѣ, за 200 верстъ отъ Котласа до уѣзднаго города Яренска. Изъ висѣвшаго на стѣнѣ объявленія пароходнаго общества „Котласъ-Архангельскъ-Мурманъ“ явствовало, что въ Устьсысольскъ (и въ Яренскъ въ томъ числѣ) пароходы отправляются по вторникамъ въ полдень.

— Значитъ, до 12 часовъ завтрашняго дня пароходовъ на Яренскъ не будетъ? — спрашиваю одного вокзальнаго служащаго.

Паромъ-ледоколь на озерѣ Байкалѣ.

(La bac servant à couper les blocs de glace sur le lac de Baïkal).

Резиденція пріиска Южно-Алтайскаго золотопромышленнаго дѣла
(въ Бійскомъ уѣздѣ).

(Résidence de les mines d'or à district de Biisk, gouvernement de Tomsk.

— Нѣтъ, не должно быть. Да и завтра врядъ ли въ полдень придетъ, — отвѣчаетъ тотъ.

— Почему-жь?

— У нихъ только въ объявленіи показывается такъ. На дѣлѣ же они въ это время только изъ Устюга выходятъ, а у насъ въ Котласѣ бываютъ часовъ въ 6, въ 8 вечера.

— Но, кромѣ этого парохода, еще какіе нибудь плаваютъ по Вычегдѣ?

Я чувствую, что меня начинаютъ терзать нетерпѣніе и злость.

— Ходятъ, „Вага“, Булычевская да Козловскій „Вымичанинъ“. Такъ „Вага“ на дняхъ въ Архангельскъ за рыбой ушла, а „Вымичанинъ“ — тотъ едва плетется вѣдь. Куда на немъ поѣдете?! Да и неизвѣстно еще, когда онъ здѣсь будетъ.

— Развѣ „Вымичанинъ“ такъ малъ или плохъ?

Собесѣдникъ разсмѣялся.

— Да, небольшой, неважный пароходишко. Одной колесой по *парватеру* бѣгаетъ.

Собесѣдникъ улыбается.

— Значитъ, это пароходъ винтовой? — въ недоумѣніи вопрошаю я.

— Не винтовой, а просто однажды у него изломалось колесо и онъ верстъ сто на одномъ колесѣ шелъ. По фарватеру то легко, вѣдь, теченьемъ несетъ, знай — заправляй. Капитаномъ на „Вымичанинѣ“ самъ хозяинъ, а онъ зырянинъ. Онъ не въ состояніи выговорить по русски „однимъ колесомъ по фарватеру“ и сказалъ „одной колесой по парватеру“. Ну, теперь всѣ и смѣются надъ нимъ, и выраженіе „одной колесой“ стало какъ бы характеристикой „Вымичанина“...

Перспектива пробыть въ Котласѣ одинъ, а то и два дня и глупо затянуть свое странствіе, когда до конца его остались всего однѣ сутки. — врядъ ли кого обрадовала бы. И я не имѣлъ также никакихъ основаній благодарить судьбу за дарованный мнѣ сюрпризъ. Злиться и портить кровь, впрочемъ, не стоило, — этимъ дѣлу не пособишь, — надо было ждать и ждать, и радоваться пріѣзду на Котласъ въ понедѣльникъ, а не въ среду, когда пришлось бы прожить цѣлую почти недѣлю.

Вотъ мило то было бы!

Я вышелъ на платформу. Ночь ясная, лунная, холодная, — стояла еще надъ землей. Съ рѣки дулъ сильный рѣзкій вѣтеръ и подъ напоромъ его темный лѣсъ стоналъ и гнулся. На берегу, черезъ площадь отъ вокзала, виднѣлись посеребренные луннымъ сіяніемъ бѣлая церковь и нѣсколько домовъ, погруженные въ глубокій сонъ. Всюду тихо, тихо, точно все вымерло, даже собака не взлаетъ, пѣтухъ не вскричитъ, не мычитъ корова, ма-

шинисты со своими паровозами и тѣ успокоились. Бр-р!.., какъ *холодно*, пусто, угрюмо и безжизненно въ здѣшнемъ уѣздѣ, жизнью вызванномъ къ жизни... Но, впрочемъ, такъ лучше. Пусть маленькіе, безвѣстные и безотвѣтные труженики знаютъ отдыхъ и покой, пусть они будутъ счастливы многихъ тысячъ своихъ собратій, неимѣющихъ времени для отдыха и сна...

Какъ на весьма существенный недостатокъ котласскаго вокзала въ отношеніи удобства пассажировъ, слѣдуетъ указать на отсутствіе книжнаго кіоска. Здѣсь то, въ глуши, онъ и необходимъ; во первыхъ потому, что линія котласская достаточно длинна и скучна, а во вторыхъ—потому, что совершенно нечѣмъ проѣзжему человѣку убить время въ Котласѣ въ ожиданіи поѣзда. Поѣзда отправляются отсюда разъ въ сутки и каждый, незнающій времени отправленія ихъ, рискуетъ проболтаться еще, простонать и проохать до 24-хъ часовъ.

Лишь только разсвѣло, я приказалъ носильщику взять вещи и мы направились на пристань. До пристани было съ полверсты или немного дальше. Путь лежалъ открытой площадью, которая прежде была занята крестьянскими дворами. При отчужденіи земли крестьянъ заставили снести свои постройки въ сторону, къ лѣсу, такъ что на пространствѣ въ 1½ версты, занятомъ прежде селеніемъ, остались только церковь да дома причта. Вся площадь пока свободна, если не считать линій по направленію къ берегу и хлѣбнымъ элеваторамъ, проходящихъ, впрочемъ, почти совсѣмъ стороною отъ прежняго села. Около домовъ причта, недалеко отъ берега, устроены 2—3 дома железнодорожнаго вѣдомства, занятые квартирами какихъ то начальниковъ. Надо замѣтить, что все котласское ж.-дорож. начальство прелестно устроилось на казенныхъ квартирахъ, только мелкая сошка, по обыкновенію, пріютилась въ крестьянскихъ избахъ. Впрочемъ, заботливому начальству такъ поступать и надлежитъ; вѣдь, мелкой сошкѣ не привыкать стать отказывать себѣ даже въ самомъ необходимомъ.

Вотъ мы выходимъ на высокій, и не крутой, и не отлогій берегъ р. Малой Двины. У берега стоитъ до десятка судовъ и двѣ пристани-баржи. Передъ взорами разстилается громадная долина, прорѣзанная соединяющимися рѣками М.-Двиной и Вычегдой и ихъ рукавами. Въ сѣрый осенній день непривѣтливы, сѣверная природа, чѣмъ то тяжелымъ вѣетъ отъ тебя. Ни широкій просторъ сѣнокосныхъ луговъ (по мѣстному выраженію „поженъ“), ни далекій дремучій лѣсъ за рѣкой, ни чешуйчатая, быстрая Двина, ни бѣлѣющія вдали церкви, напоминающія родной городъ, расположенный также въ долинѣ,—не радуютъ взора и не веселятъ сердце, а напротивъ—вызываютъ грустныя мысли и настроеніе.

Котласъ стоитъ почти при соединеніи рѣкъ М. Двины и Вычегды, образующихъ Сѣверную Двину. Здѣсь я позволю себѣ сдѣлать маленькое отступленіе въ область географіи и привести нѣсколько строкъ изъ одной своей статьи объ упомянутыхъ выше рѣкахъ.

„Въ продольномъ своемъ положеніи Вологодская губернія пересѣкается двумя рѣками, почти въ серединѣ *) соединяющимися: съ юго-запада, на протяженіи 525 верстъ, течетъ р. Сухона, судохо-ная весной и осенью, лѣтомъ же (не ежегодно, а большею частію) пересыхающая. Подъ г. Великимъ Устюгомъ съ южной стороны въ нее впадаетъ р. Югъ. Обѣ эти рѣки, Сухона и Югъ, какъ утверждаютъ и гласятъ географическіе учебники, образуютъ собою Малую Двину, со впаденія въ которую (съ сѣверо-востока) Вычегды начинается Сѣверная Двина. Такъ передается и въ учебникѣ „Географія Вологодской губерніи“, составленномъ учителемъ вологодскаго городского училища М. М. Куклинымъ“ **).

Но я такое объясненіе позволяю себѣ считать не совсѣмъ вѣрнымъ, мало того—совсѣмъ невѣрнымъ. И вотъ почему: Вычегда протекаетъ, преимущественно, по направленію къ западу, изгибаясь отъ Яренска къ югу, а отъ Котласа—круто поворачивая къ сѣверу. Если внимательно разсматривать географическую карту и сколько нибудь быть знакомымъ съ мѣстностью, то вовсе нечего удивляться этому повороту именно у Котласа и нѣтъ никакихъ основаній приписывать его именно вліянію впаденія Сухоны. Между Яренскомъ и Сольвычегодскомъ проходитъ гряда холмовъ, которые и не допустили Вычегду избрать отъ Яренска иное, болѣе прямое теченіе къ сѣверу, въ Бѣлое море, т. е. я хочу сказать, что въ направленіи русла Вычегды Сухона не играетъ никакой роли. При томъ Вычегда течетъ на протяженіи болѣе 1000 верстъ и «судоходна все время года, кромѣ, конечно, того, пока скована льдомъ, и даетъ для Сѣверной Двины воды, пожалуй, въ два раза больше, чѣмъ Сухона и Югъ, вмѣстѣ взятые. Какъ же это понимать, чтобы одна рѣка, вдвое большая двухъ другихъ, могла быть ихъ притокомъ?».

«Такое понятіе, вошедшее въ общее употребленіе въ давніе годы, какъ невѣрное, слѣдовало бы, если не искоренить, то, по крайней мѣрѣ, исключить изъ учебниковъ. Очень было бы желательно, что бы кто нибудь изъ географовъ высказался по этому предмету. Нашъ край мало извѣстенъ и совсѣмъ не исследованъ, потому то у насъ и держатся такіе уродливые взгляды.

*) Хотя далеко не въ серединѣ, но въ крайней восточной части Вологод. губ., граничащей съ Уральскимъ хребтомъ, Вычегда уже не протекаетъ и мѣстность эта почти не заселена.

**) Сѣв. Край 1899 г. № 292. „Яренскъ—Архангельскъ“.

Гораздо ближе къ истинѣ предположеніе, что Вычегда—это и есть Сѣверная Двина, или что С. Двина и есть Вычегда, а Сухона ни больше ни меньше, какъ обыкновенный притокъ ея“. Само собой разумѣется, при такой постановкѣ вопроса не можетъ быть и рѣчи о какой то Малой Двинѣ: это просто продолженіе Сухоны.

К. Я—скій.

(До слѣдующей книжки).

Александръ, возчикъ прокаженныхъ.

(Окончаніе. См I и II кн. „Дорожника“ за тек. годъ).

III.

Когда Александръ скрылся отъ взора провожавшихъ его якутовъ, за перелѣскомъ и проѣхалъ верстъ семь, синее небо стало блѣднѣть по краямъ и на сѣверѣ помутилось; какъ будто какія то мрачныя мысли легли на его ясное чело, и оно все хмурилось, грустило невѣдомой печалью и сообщило это настроеніе всему, что было въ немъ и что было подъ нимъ. Лѣса, покрытые бѣлымъ пушистымъ уборомъ, тоже хмурились и теряли свой серебристый отсвѣтъ. Сырая мгла наполняла воздухъ, стлалась по деревьямъ, по кустамъ и обратила блестящія пылинки морознаго воздуха въ мелкіе хлопья матоваго, лишеннаго блеска снѣга. Снѣгъ слегка закрутился въ воздухѣ и деревья еле замѣтно закачались, точно вздрагивали, предчувствуя бурю. Она была гдѣ то далеко, въ безпредѣльномъ просторѣ тундры, а лѣсъ уже ждалъ ее, охваченный тревогой, готовясь встрѣтить ее и дать ей отпоръ. Буря издали уже грозила ему, бросая на небо мутныя облака. Небо опустилось низко, какъ бы собираясь придавить къ землѣ встревоженный лѣсъ. Торопливо пролетѣли черезъ поляну, по которой вилась тропинка, бѣлыя куропатки...

Что то какъ бы потрясло воздухъ и вдругъ стало темно... Казалось, огромное облако сорвалось съ неба, ринулось на землю и подбросило вверхъ сугробы.

Сквозь облака снѣга Александръ видѣлъ, какъ деревья, недавно бѣлыя и неподвижныя, качали темными, обнаженными отъ снѣга вѣтвями.

— Шалишь! Не побоюсь, не вернусь съ дороги, сказалъ Александръ, набросилъ на голову волчій „кокуль“ (кацюшонъ), слѣзъ съ коня и подтянулъ покрѣпче подпруги.

Осмотрѣвъ коней, онъ сѣлъ и двинулся впередъ. Онъ не боялся заблудиться, потому что дорога здѣсь выходила на озеро и шла берегомъ его, такъ что извилистая линія лѣса, едва чернѣющаго въ клубахъ летучаго снѣга, указывала направленіе.

Александръ любилъ бурю. Ему какъ то легко становилось на душѣ, когда вѣтеръ носился надъ его головой, сыпалъ снѣгомъ по дорогѣ и пѣлъ свои заунывные пѣсни, пѣсни безъ словъ, но полныя грусти, негодованія, жалобъ... Вѣтеръ навѣвалъ на него какія то особенныя мысли, рѣзко отличавшіяся отъ тѣхъ обыденныхъ, вращавшихся въ области повседневныхъ интересовъ желудка, мыслей, которыми онъ жилъ въ далекой странѣ, среди чуждаго племени. Ему вспомнилась родная земля и все, что оставилъ онъ въ ней; вспоминалась прошлая жизнь и все, что онъ вытерпѣлъ въ ней; вспоминались рѣдкія мгновенія счастья и радости, быстрыя, мимолетныя, какъ искры.

Какъ бы ни былъ бѣденъ, угнетенъ и несчастенъ человѣкъ, — онъ бережетъ въ своемъ сердцѣ эти свѣтлыя воспоминанія о быломъ счастьи. Обиды, нужда, гоненіе людей не могутъ изгнать ихъ оттуда. Суровая борьба и лишенія заглушаютъ ихъ... Но иногда они вдругъ съ неудержимой силой, просыпаются въ душѣ и доставляютъ свѣтлыя мгновенія человѣку, измученному нуждой.

Какъ ослѣпшему бываетъ отрадно воспоминаніе о свѣтѣ и солнцѣ, такъ угнетенному людьми и судьбой — отрадно воспоминаніе о быломъ счастьи и если при этомъ воспоминаніи заблеститъ слеза на рѣсницѣ, то слеза эта не усугубитъ печали, а облегчитъ сердце, стѣсненное горемъ.

И у поселенца, загнаннаго на край свѣта, лишеннаго родины, чести и правъ, бываютъ такія мгновенія, потому что тюрьма, плети, ссылка, годы бродяжества, — вся эта тяжелая жизнь отщепенца и травленнаго звѣря, — не научила его мыслить, чувствовать, воспринимать впечатлѣнія по человѣчески.

Александръ мчался въ клубахъ снѣга и передъ нимъ мелькали воспоминанія объ отрадныхъ мгновеніяхъ жизни: дѣтство, улыбка матери, научившей его молиться, заунывные ея пѣсни у колыбели меньшихъ братьевъ, сказки зимнихъ вечеровъ, цвѣтушія нивы и дружная работа на поляхъ, на родной полоскѣ... Знакомые сады, дома, улицы и церковь съ убогими крестами на кладбищѣ, гдѣ задумчиво сиживалъ онъ ребенкомъ въ густой травѣ и много другаго...

И все это потеряно на вѣки!

Онъ радъ былъ бурѣ. Правду говорилъ князь Спиридонъ: лучше въ дорогѣ, въ этихъ снѣгахъ и сугробахъ, чѣмъ въ грязной юртѣ якутовъ; лучше слушать вой вѣтра, чѣмъ ихъ скрипучее пѣніе; веселѣе со своими мыслями и воспоминаніями, чѣмъ

съ чужими людьми, которые не любятъ тебя, а боятся и лишь терпятъ твое присутствіе у себя!..

Странное настроеніе овладѣло имъ—настроеніе, когда мечты кажутся дѣйствительностью, а дѣйствительность мечтою, непріятнымъ сномъ, и все показалось ему необыкновеннымъ. Какъ это онъ попалъ съ родины въ такую даль, ужасную даль? За чѣмъ ѣдетъ онъ въ мятель, въ бурю, въ гости къ отверженнымъ людямъ?

И пришло ему на умъ, что и самъ онъ отверженъ обществомъ, какъ эти несчастные, что нѣтъ ему возврата къ прошлому, къ лучшей жизни, какъ имъ. Ему стало жаль ихъ и онъ задумалъ посѣтить ихъ,—посмотрѣть ихъ жизнь, утѣшить. Онъ слышалъ, что они очень безобразны, но развѣ не люди они? Конечно, онъ можетъ и не заходить къ нимъ: оставить пищу у дверей юртъ, накормить лошадей въ тайгѣ, развести костеръ и отдохнуть немного, а потомъ, ночью же, уѣхать назадъ. Но теперь ему упрямо захотѣлось быть у нихъ, потому что ему стало жаль ихъ за то, что ихъ всѣ боятся и избѣгаютъ...

Въ безпредѣльномъ просторѣ пустыни ему приходили въ голову мысли, какихъ не приходило въ юртахъ...

Ничего не было видно кругомъ—ни неба, ни земли: снѣгъ, пустота, мракъ! Но въ этомъ мракѣ какъ бы стали виднѣе его мысли и воспоминанія. Якуты говорятъ, что въ бурю злые духи носятся надъ землей. Нѣтъ, это добрые духи для него: они посылаютъ ему пріятныя видѣнія; они воютъ, но ни чего нѣтъ страшнаго въ этомъ воѣ.

Онъ опять поправилъ коней, осмотрѣлъ подпруги и нарты и хлѣбнулъ порядочный глотокъ изъ бутылки, бывшей въ сумѣ у сѣдла. Еще бодрѣе стало его настроеніе. А буря все становилась свирѣпѣе.

— Не побоюсь! Что мнѣ? Ну, засыплетъ меня, заморозитъ. Что же изъ этого? Никого мнѣ не жаль на землѣ, никому меня не жаль!.. Никто не заплачетъ по мнѣ, потому что я никому не нуженъ...

...Проносись, проносись мимо!

Такъ говорилъ Александръ вѣтру. Потомъ ему взгрустнулось и онъ погрузился въ думы. Обрывки картинъ былого мелькали въ умѣ. Въ нихъ было все пережитое, хорошее и худое; но худое прошло—теперь казалось хорошимъ, потому что оно уже выстрадано и какъ бы стало частью его самого. Онъ ѣхалъ въ полудремотѣ. Мѣрная поступь коня укачивала его, а буря, къ вою которой привыкло ухо, убаюкивала. Привычныя лошади шагали увѣренно по сугробамъ; дорога все шла прямо и крайнія деревья лѣса, окаймлявшаго озеро, служили путеводными вѣхами.

Вдругъ ему показалось, что лошади стали. Онъ открылъ глаза. Лошади все также шли мѣрною поступью, но мятель прекра-

тилась, легла сугробами на землю. Вѣтеръ улетѣлъ въ другіе лѣса, на другія озерья. Небо начинало проясняться и синѣть. Вечеръ глядѣлъ на успокоенную землю безчисленными огнями звѣздъ, мерцавшихъ въ вышинѣ, гдѣ недавно была одна мутная пустота. Луна стояла надъ лѣсомъ, черными зубчатыми стѣнами загромоздившемъ небосклонъ, позади путника; а впереди раскинулась бѣлая равнина, вся изрѣзанная серебристыми волнами сугробовъ. На дальнемъ берегу свѣтились огненные точки. Это озеро прокаженныхъ. Александръ никогда не былъ на немъ, но онъ узналъ его по описаніямъ князя.

— Не побоюсь ихъ: встрѣчу праздникъ съ нищими калѣками, подумалъ онъ, но ему какъ то невольно стало жутко.

Онъ опять прихлебнулъ спирту, глянулъ на звѣзды и запѣлъ:

Ямщикъ лихой — онъ всталъ съ полночи,
Ему взгрустнулося въ тиши,
И онъ запѣлъ про ясны очи —
Про очи дѣвицы — души...

И вспомнилъ онъ ясныя очи, которыя любилъ когда-то, давно, много лѣтъ тому назадъ, и далеко, много сотенъ верстъ отъ „мѣста причисленія“. Эти очи забыли о немъ, лишь только ворота тюрьмы затворились за нимъ... Счастливы они и свѣтятся ли радостью по прежнему, или такъ же, какъ онъ, несчастны и не задалась имъ жизнь, какъ и ему, но только иной незадачей, и они потускнѣли отъ горя и слезъ?..

Онъ пѣлъ громко. Лошади шарахнулись въ сторону, при неожиданномъ звукѣ пѣсни, и потомъ долго испуганно шевелили ушами. Здоровый звонкій голосъ пѣвца далеко разносился по озеру, то отдаваясь въ сугробахъ, то замирая на лѣсныхъ берегахъ. Въ нѣмой тиши, наступившей послѣ бури, въ морозномъ воздухѣ, опять наполнившемся серебристой пылью, пѣсня неслась далеко вдаль, неслась далеко въ высь и долетала до жилищъ живыхъ мертвецовъ...

IV.

Въ юртѣ Уйбана, обвитой сумерками, царствовало молчаніе. Все тѣ-же гости, — вся колонія прокаженныхъ, — были тутъ. Они были невеселы и сидѣли съ поникшими головами. Всѣ радости общенія съ себѣ подобными были исчерпаны: они выпили по нѣсколько чашекъ чаю, поговорили о всѣхъ событіяхъ своей скучной жизни, уладили всѣ мелкіе недоразумѣнія и споры. Въ сущности въ ихъ жизни не было событій; она была однообразна изо дня въ день, какъ жизнь въ тюрьмѣ. Самымъ радостнымъ событіемъ этой жизни считалось полученіе отъ родныхъ

и знакомыхъ, никогда не посѣщавшихъ ихъ, или отъ общества, съѣстныхъ припасовъ: рыбы, мяса молока, сору *). Какъ лакомства, они получали чай и табакъ, и только князь Уйбанъ получалъ то и другое отъ родни въ сравнительномъ изобиліи. Печальныхъ событій было больше. Самымъ частымъ и обыкновеннымъ изъ нихъ была смерть.

Одинъ за другимъ угасали мрачные обитатели озера прокаженныхъ, сходили въ могилу тихо, безъ напутствій религіи, безъ прощанія съ родными, безъ слезъ, безъ рыданій, безъ поминокъ. Больные тихо угасали; куски мяса отваливались у нихъ, появлялись струпья почти безъ боли. Но иногда появлялась нестерпимая боль въ костяхъ, какъ бы въ мозгу костей. На нѣкоторыхъ изъ нихъ, по временамъ, находила такая слабость, что они по цѣлымъ днямъ лежали неподвижно на своихъ оронахъ и не могли подняться, чтобы затопить каминъ и сварить пищу. Тогда товарищи и сосѣди помогали имъ, съ ужасомъ подумывая о томъ времени, когда останется одинъ изъ нихъ, послѣдній на озерѣ, и не будетъ въ состояніи подняться съ постели и погибнетъ съ голода. Кого изъ нихъ ждетъ такая судьба? Кто будетъ послѣднимъ? Или никогда не опустѣетъ селеніе прокаженныхъ?...

Въ каминѣ тлѣли уголья и слегка кипѣлъ котелъ съ рыбой —ужинъ, котораго всѣ ожидали, которымъ предполагалось ознаменовать праздникъ, послѣ общей молитвы, у мѣдной иконы. Но много ли этого ужина достанется на каждого изъ нихъ? По полъ рыбы. Это очень мало, но завтра не будетъ и того, если ночью или утромъ не доставятъ имъ пищи. Нѣкоторые изъ нихъ уже цѣлый день ничего не ѣли, но молчали, не желая удручать все общество. Голодъ стоялъ у нихъ за плечами: оттого они были печальны. На праздники они будутъ лишены единственного удовольствія, которое имъ осталось въ жизни — поѣсть до сыта. Жестокая судьба! Жестокіе люди!

Только хозяйка юрты не теряла надежды и бодрости. Она одна не молчала, а заговаривала то съ тѣмъ, то съ другимъ изъ гостей и подчивала ихъ табакомъ.

— Курите, курите! Хорошій табакъ, отличный, говорила она привѣтливо, насколько это было возможно, при ея хрипломъ голосѣ.

Она раскрывала кисеть и всѣ ладони протягивались къ ней. Закуривались трубки и окутывались облаками сизаго дыма лица, покрытыя язвами.

Вѣтеръ на дворѣ стихалъ. Буря перешагнула черезъ Алазейскій хребетъ и бушевала по безпредѣльнымъ равнинамъ и

*) Сора — родъ простокваши.

озерамъ Индигирки; она унесла съ собою злыхъ духовъ, сыпавшихъ сугробами на низенькія юрты. Грани льдинъ, вставленныхъ въ окна, начали свѣтиться снаружи и сверкать.

— Будетъ звѣздная ночь, сказалъ одинъ изъ гостей. Надо пойти послушать, не ѣдетъ-ли кто, не стучать ли кони по льду озера.

Онъ вышелъ и напряженно всматривался въ даль озера, гдѣ на прояснившемся небосклонѣ зажигались звѣзды. Муть, оставленная бурей, уходила вслѣдъ за нею, одна за другой зажигались звѣзды, какъ бы гоняясь за уходившими облаками и преслѣдуя ихъ огненными неугасаемыми стрѣлами.

— Хорошая, тихая ночь, шепталъ прокаженный. Вдругъ до его уха донесся какой-то странный звукъ.

Чуткое ухо его уловило топотъ копытъ и пѣніе. Но какъ странно, какимъ чуждымъ, не здѣшнимъ эхомъ звучало это пѣніе! Онъ почти испугался и поспѣшилъ въ юрту.

Хозяйка посмотрѣла на него и многозначительно подняла вверхъ указательный палецъ.

— Что ты видѣлъ, что слышалъ? Слышалъ топотъ копытъ, скрипъ снѣга: Богъ шлетъ намъ добраго человѣка...

Вернувшійся со двора съ суевѣрнымъ страхомъ посмотрѣлъ на нее.

— Откуда ты знаешь? Развѣ сюда слышно?

Прокаженные повскакали съ мѣстъ. Самъ мрачно настроенный Уйбанъ, всталъ съ постели, стуча деревяшкой. Всѣ вопрошительно смотрѣли на пришедшаго.

— Кажется, ѣдетъ кто-то и поетъ... Но такого пѣнія я еще ни разу не слышалъ въ жизни. Ужъ не обманывается ли насъ лѣсной духъ?

Всѣ прокаженные вышли на дворъ и чутко прислушивались, всматриваясь въ даль.

— Это волкъ воетъ, пробормоталъ одинъ.

— Нѣтъ, сохатые бѣгутъ по льду озера и стучать копытами.

Но князь Уйбанъ нетерпѣливо замахалъ рукой, приказывая молчать.

— Это стучать лошади и ѣдетъ человѣкъ... Но не якутъ. Русская пѣсня это... Я слышалъ неразъ, когда бывалъ въ городѣ. Вѣдь, я понимаю по русски... Но неужели русскій ѣдетъ? Нога русскаго никогда не бывала здѣсь! Не болтайте, я еще послушаю.

Онъ вытянулъ шею, какъ гусь, и напряженно вслушивался.

— Нѣтъ, это по русски поютъ. Откуда русскій и зачѣмъ? Здѣсь не съ кѣмъ торговаться, нечего украсть, некого ограбить...

Если бы Иванъ былъ здоровъ, то лицо его изобразило бы страхъ и недоумѣніе, но оно осталось неподвижнымъ, хотя онъ былъ взволнованъ.

Долго стояла колонія прокаженныхъ у юрты и смотрѣла на искрящіяся волны сугробовъ. Холодъ загналъ этихъ встревоженныхъ, полуодѣтыхъ людей въ юрту. Погрѣвшись, они опять выходили и толпились у дверей, испытывая взоромъ и ухомъ бѣлую пустыню, впавшую въ неподвижность послѣ и бури, и тихую ночь, нависшую надъ землей звѣздными узорами и прозрачнымъ луннымъ туманомъ.

Три черныя точки на озерѣ все росли и пѣнье все приближалось. Когда на серебристой скатерти снѣга обрисовались темныя фигуры лошадей и всадника и бросили огромныя тѣни на сугробы отъ берега озера до подножья юртъ, когда громкая пѣсня прокатилась по снѣгамъ надъ юртами и отдалась въ лѣсахъ звонкимъ эхомъ,—толпа прокаженныхъ, какъ испуганное стадо оленей, бросилась въ юрту. Только самые смѣлые и любопытные смотрѣли въ полуоткрытую дверь на человѣка той породы, нога которой никогда не бывала въ поселкѣ прокаженныхъ. А стоявшіе сзади спрашивали у этихъ любопытныхъ, что дѣлаетъ пришелецъ, что привезъ онъ, на какомъ разстояніи остановился и уѣзжаетъ-ли назадъ.

Но пріѣзжій и не думалъ уѣзжать. Онъ подѣхалъ прямо къ юртамъ, привязывалъ лошадей къ ближайшимъ деревьямъ, отряхивалъ снѣгъ съ сумъ, привязанныхъ на нартахъ, и съ своей одежды. Когда его рослая фигура приблизилась къ двери, любопытные отскочили, захлопнули двери и усѣлись по оронамъ. Вся колонія была въ смятеніи и страхѣ, какъ будто ожидала нападенія грознаго непріятеля.

И вторженіе совершилось.

Высокій человѣкъ вошелъ въ юрту, рѣшительно подошелъ къ камину и подложилъ нѣсколько полѣньевъ въ потухающій огонь. Разгораясь, пламя освѣщало юрту прерывающимися полосами. Оно выхватывало изъ темноты то блѣдное безносое лицо, то покрытую струпьями щеку, то улыбку обнаженнаго рта, то съежившіяся въ мѣховыхъ лоскутьяхъ, тощія плечи... Потомъ оно разомъ вспыхнуло и полилось въ трубу огненнымъ потокомъ, освѣтивъ всю колонію прокаженныхъ—груды безобразныхъ, увѣчныхъ тѣлъ...

— А, такъ вотъ вы каковы! сказалъ Александръ. Ну-ка, я раздѣнусь и посмотрю на васъ... Все видѣлъ я въ жизни... всякія каторги произошелъ. Надо и васъ посмотреть...

Онъ раздѣлся, перекрестился троекратно на икону и поклонился обитателямъ юрты.

— Здравствуйте, добрые люди! Здорово. Капсе, что видали, что слыхали?...

Онъ довольно весело подходилъ къ хозяевамъ, какъ бы оцѣпенѣвшимъ отъ изумленія.

— Русскій, сказалъ Иванъ наполовину по русски и по якутски, ты вѣрно заблудился въ бурю и ищешь пристанища и ночлега. Но ты ошибся: здѣсь не ищутъ ночлега. Отсюда бѣгутъ всѣ... Мы прокаженные!

— Васъ то мнѣ и надо. Князь Спиридонъ посылаетъ вамъ поклонъ и гостинцы къ празднику... А я привезъ ихъ: цѣлыхъ три нарты! Однако же, вы меня не выгоните, позвольте обогрѣться, напиться чаю? Я буду вашимъ гостемъ.

Князь Уйбанъ чуть не упалъ отъ изумленія и не зналъ, что сказать, но жена его сейчасъ-же засуетилась и сказала ему по якутски: „проси, проси сѣсть, поклонись!“

Но Александръ и самъ не церемонился. Онъ подошелъ къ Ивану и дружески потрепалъ его по плечу.

— Не бойся меня, говорилъ онъ. Принимай какъ гостя. Я не боюсь васъ, а жалѣю... Я не виноватъ, что здоровъ; ты не виноватъ, что боленъ. Вѣрно? Ну, пойдѣмъ; сначала принимай гостинцы, а потомъ будемъ капсекать *).

Онъ вышелъ на дворъ; за нимъ вышелъ Иванъ. Одну за другой втаскивалъ Александръ сумы въ сѣни, подъ навѣсъ. Иванъ развязывалъ нѣкоторыя сумы и вынималъ продукты. Выбѣжала краснощекая дѣвочка и стала шумно радоваться: прыгать, кричать, бить въ ладоши. Она внесла въ юрту нѣсколько рыбъ, хаякъ и молоко.

Хозяйка суетилась. Она застилала орны, вынула изъ сундучка спрятанную для торжественнаго случая чистую холщевую скатерть и покрыла столъ. Сынъ ея принесъ ворохъ свѣжей озерной травы и постлалъ въ переднемъ углу подъ иконою, гдѣ будетъ сидѣть русскій.

— Ну-ка, вари ужинъ дѣвчонка, сказалъ, входя, Александръ и щипнулъ дѣвочку за щеку. Давай тынтыкъ *), закуримъ.

Онъ держалъ себя такъ, какъ въ обыкновенной якутской юртѣ, со здоровыми людьми. Онъ крошилъ и варилъ чай; принесъ свою чашку, вымылъ и поставилъ на столъ, досталъ свой кисетъ и щедро раздавалъ табакъ прокаженнымъ, оглядывая ихъ съ любопытствомъ, но безъ отвращенія.

— Ну, честная компанія! Садитесь, будемъ чай пить. Не бойтесь меня други! Я не духъ и не злодѣй, а такой же человекъ, какъ вы... Не разъ, не два въ своей жизни я сиживалъ за однимъ столомъ съ самой отчаянной сволочью: съ татарвой, съ черкесами, съ бродягами, которые готовы за грошъ зарѣзать человека... А вы — честные люди, хотя якуты и больные; у васъ кое-чего не хватаетъ, а у меня все цѣло... Только всего и раз-

*) То есть говорить.

*) Тынтыкъ — лучина.

ницы. Чего мнѣ гордиться передъ вами? Сегодня я здоровъ, а завтра пропаду ни за грошъ, а вы больны, а можетъ—скоро выздоровѣете. На все воля Божья.

Высказавъ на ломанномъ якутскомъ языкѣ съ помощью жестовъ и русскихъ словъ эту рацею, Александръ остался очень доволенъ собою. Онъ нашель, что говорилъ краснорѣчиво, и это прибавило ему духа. Онъ чувствовалъ даже потребность хвастнуть передъ этими бѣдняками, запертыми безвыходно въ лѣсахъ.

— Знаете, други, чѣмъ я васъ угощу? Угадайте. Спиртомъ! Аргы! *) Поди, давно уже не пробовали? Ну-ка, подкрѣпимся! Чудесно помогаетъ отъ всякой болѣзни...

Съ этими словами онъ досталъ изъ кармана бутылку, торжественно поставилъ на столъ, налилъ чашку и хотѣлъ начать угощеніе.

Но тутъ выступилъ впередъ Уйбанъ, князь прокаженныхъ. По знаку его всѣ прочіе встали и поклонились Александру.

— Русскій! началъ Иванъ очень торжественно и серьезно. Насъ всѣ боятся и всѣ забыли... Про меня забылъ наслегъ, что я былъ князь, служилъ по выбору и дѣлалъ добро народу. А ты не побоялся насъ. Ты, какъ ангелъ Божій, явился къ намъ. Вѣрно, ты посланъ Богомъ и, вѣрно, ты святой человѣкъ: развѣ Богъ пошлетъ отъ себя грѣшника? Моя жена видѣла тебя, когда ты былъ еще далеко на озерѣ и буря заглушала твои пѣсни... Мы всѣ тебя просимъ, помолись съ нами Богу. Будь для насъ священникомъ. Прочти намъ молитвы, которыя читаютъ въ церкви. Сколько лѣтъ мы уже не видѣли священника, сколько лѣтъ не видали службы Божіей! Пожалуйста, не откажи!

Всѣ опять поклонились ему, а одна женщина стала на колѣни.

Не ожидалъ Александръ, что дѣло приметъ такой оборотъ и ему сдѣлалось очень неловко. Его, бывшаго конокрада и спиртоноса, считаютъ чуть-ли не святымъ! Онъ покраснѣлъ и въ смущеніи глядѣлъ молча на огонь, не находя, что отвѣтить. Наконецъ, рѣшимость сверкнула въ его глазахъ; онъ потрянулъ кудрями и отвѣтилъ, поклонившись, князю.

— Бываютъ же такіе несчастные люди, для которыхъ и грѣшный, загнанный человѣкъ бываетъ желаннымъ гостемъ! Я не святой, а поселенецъ хайлахъ *)—только всего; а все же я—православный человѣкъ... Положимъ, я тоже 6 лѣтъ не исповѣдывался и давно не былъ въ церкви. Но я знаю молитвы и умѣю пѣть по церковному. Будемъ молиться, братья! Помолитесь и за меня, грѣшнаго!

*) „Аргы -- “водка.

*) Хайлахъ, по якутски ссыльный.

Сейчасъ-же была зажжена свѣчка предъ иконою и со стола убрана водка и посуда. Александръ сталъ противъ иконы и широко осѣнилъ себя крестомъ. Прокаженные стали за нимъ. Маленькая краснощекая дѣвочка протиснулась впередъ къ отцу, стала рядомъ съ Александромъ и чинно крестилась своей маленькой, пухлой рукой. Всѣ глаза, оживляющіе эти обезображенные язвами лица, были устремлены на икону. Руки поднялись вверхъ, творя крестное знаменіе.

— Рождество Твое Христе Боже Нашъ, возсія мірови свѣтъ разума... запѣлъ звучнымъ голосомъ Александръ.

Всѣ молящіеся вздрогнули. При звукахъ чуждой рѣчи сердца ихъ наполнились радостнымъ чувствомъ безпредѣльной вѣры въ милосердіе Божіе. Казалось, всѣ земныя надежды ихъ сосредоточились въ этой мѣдной иконѣ Спасителя, тускло освѣщаемой огаркомъ восковой свѣчи. Непонятныя слова молитвы какъ бы переносили ихъ въ церковь, гдѣ они не были уже много лѣтъ. Александръ чувствовалъ настроеніе этихъ людей и поддался ему. И въ его душу, озлобленную на людей, сомнѣвавшуюся въ добрѣ и правдѣ и часто роптавшую на Бога въ долгіе годы горя и невзгодъ, — вливалось какое то умиленіе. Онъ весь проникся вѣрою и воодушевленіемъ молитвы и какъ бы чувствовалъ себя способнымъ дѣлать добро ближнимъ, хотя зналъ, что потомъ, когда пройдетъ это настроеніе, онъ станетъ обыкновеннымъ поселенцемъ готовымъ обмануть, гдѣ можно, и обыграть довѣрчиваго ближняго.

Онъ читалъ громкимъ и звучнымъ голосомъ всѣ молитвы, какія сохранила его память, и эта общая молитва сблизила его съ людьми, которыхъ онъ первый разъ видѣлъ въ жизни и которые считали его своимъ благодѣтелемъ. По окончаніи молитвы прокаженные подходили къ нему, сложивъ на крестъ руки, какъ подходятъ къ священнику. Онъ жалъ каждому руку и поздравлялъ съ праздникомъ, а они кланялись ему въ ноги и говорили:

— Спасибо, тойонъ, спасибо!...

Они хотѣли сказать много, но не умѣли сказать такъ, чтобы онъ понялъ.

Когда потомъ всѣ усѣлись по оронамъ и Александръ занялъ мѣсто въ красномъ углу подъ иконою, когда на столѣ появились водка, чай, рыба строганина, хаякъ, нарубленный отдѣльно для него краснощекой дѣвочкой, — обычное веселое настроеніе опять завладѣло имъ.

— Бываютъ же въ жизни казіи! Чего никогда и во снѣ не приснится. Давайте же теперь, други, пировать.

Онъ налилъ чашку водки и выпилъ съ наслажденіемъ, потомъ налилъ князю Ивану и другимъ.

Много лѣтъ они уже не пробовали этой благодатной влаги. Отъ волненія у нихъ дрожали руки и загорались глаза.

Водка привела Александра въ то особенное настроеніе, которое онъ уже испыталъ въ дорогѣ, во время бури. Какъ онъ попалъ въ такую даль, въ ужасную даль? Какъ очутился онъ въ такомъ странномъ и страшномъ обществѣ? Э, наплевать на все! Надо жить, пока живется!..

Онъ съ наслажденіемъ пилъ водку, чай, истреблялъ строганину. Охмѣлѣвъ, онъ разошелся во всю: рассказывалъ Уйбану про Рассею, про золотые пріиски и даже пѣлъ пѣсни про побѣгъ Ланцова изъ Сибири, про ясны очи и развеселилъ живыхъ мертвецовъ.

Никогда еще мрачная юрта прокаженныхъ не видѣла такого веселія, не слышала такого смѣха...

съ Переночевавъ у „князя прокаженныхъ“ Ивана на свѣжемъ ванѣ, Александръ утромъ напился чаю и простился съ хозяевами. Вся колонія провожала его съ благословеніями и чуть-ли со слезами.

Это приключеніе, ночлегъ и ужинъ съ прокаженными, — подняло его фонды въ глазахъ цѣлаго улуса и сдѣлало его популярнымъ. Про него говорили якуты, что онъ колдунъ и не боится огня, воды, пули и самого чорта. Отношеніе къ нему измѣнилось: вездѣ его принимали съ почетомъ, хорошо кормили и, какъ онъ выражался, „наблюдали“. Къ его старому промыслу, картежной игрѣ, прибавился еще новый — возить отъ наслоговъ пищу прокаженнымъ.

Онъ сдружился съ Уйбаномъ и многими изъ нихъ и во время своихъ поѣздокъ чувствовалъ себя у нихъ какъ дома: пилъ, ѣлъ съ ними и даже игралъ въ карты въ долгіе, зимніе вечера. Его полюбили отверженные люди. Дѣла его поправились. Къ наслѣдству погибшихъ отъ оспы, уже сильно растроченному, прибавилъ онъ наслѣдство погибшихъ отъ проказы.

Это наслѣдство заключалось, главнымъ образомъ, въ скотѣ и лошадяхъ, которыхъ не смѣли не давать, по требованію его, родственники прокаженныхъ.

Онъ съ удовольствіемъ вспоминалъ про первую свою поѣздку къ нимъ въ бурю съ гостинцами князя Спиридона.

— Что же, братецъ мой, надо какъ нибудь ухитриться жить, говаривалъ онъ иногда товарищамъ поселенцамъ. Надо пользоваться случаемъ. Вотъ я сдѣлался ихнимъ возчикомъ, или, лучше сказать, подрядчикомъ; наблюдаю ихъ и они меня любятъ. А безъ случая жить нашему брату, въ этомъ гибломъ мѣстѣ, — ухъ какъ тяжело!

А. Клюге.

Сибирскіе чиновники былого времени.

(Продолженіе, — см. 1 и 2 кн. „Дорожника“. за т. г.)

V.

Суровая кара, постигшая князя Гагарина и Жолобова, не остановила, всетаки, сибирскихъ заправилъ, отъ ихъ противузаконныхъ подвиговъ. Возмутительное самоуправство, притѣсненія, лихоимство вымогательство продолжались по прежнему. Особенно отличалось въ этомъ отношеніи чиновничество Восточной Сибири, наиболѣе удаленное отъ надзора высшаго правительства и потому совсѣмъ мало стѣснявшееся въ своихъ дѣйствіяхъ.

О преемникѣ казеннаго Жолобова вице-губернаторѣ Плещеевѣ старинная иркутская лѣтопись говоритъ, что онъ „былъ въ канцелярскихъ дѣлахъ несвѣдущъ, корыстолюбивъ, промышленныхъ и торговыхъ людей за недачу подарковъ дралъ плетми и кнутомъ и притѣснялъ приказныхъ служителей; приверженцевъ-же своихъ любилъ постоянно угощать и поить разными винами до пьяна“. Въ изданной иркутскимъ городскимъ головою В. П. Сукачевымъ книгѣ „Иркутскъ, его мѣсто и значеніе въ исторіи и культурномъ развитіи Восточной Сибири“ говорится, между прочимъ, что между Плещеевымъ и епископомъ Иннокентіемъ Неруновичемъ, отличавшимся нравомъ суровымъ и вспыльчивымъ, отношенія приняла столь враждебный характеръ, что въ народѣ долго держалось преданіе, будто они перестрѣливались изъ пушекъ: архіерей — съ лѣвой стороны Ангары, изъ монастыря, а вице-губернаторъ — съ правой, изъ города. Это, конечно, вымыселъ, могущій только служить для характеристики тогдашнихъ нравовъ и отношеній между указанными лицами. Но что имѣетъ документальное подтвержденіе въ жалобахъ и донесеніяхъ самого преосвященнаго, такъ это обиды, нанесенныя ему Плещеевымъ въ домѣ откупщика Глазунова, кончившіяся тѣмъ, что архіерей долженъ былъ спастись на лодкѣ, въ которой и отплылъ отъ города до Вознесенскаго монастыря...

Въ 1758 году въ Иркутскъ прибылъ слѣдователь по винокуреннымъ дѣламъ, повѣренный откупщика тайнаго совѣтника Глѣбова, коллежскій ассессоръ Крыловъ. Память о его звѣрскихъ подвигахъ до сихъ поръ жива въ Иркутскихъ преданіяхъ.

Пріѣхавъ въ Иркутскъ, Крыловъ нѣкоторое время провелъ въ бездѣйствіи и признавалъ подъ рукой, что и какъ дѣлается, кто богатъ, кто бѣденъ. Вскорѣ онъ, по словамъ иркутскаго лѣтописца, — „вдругъ перемѣнился въ характерѣ, вдався въ разныя дерзости, жестокости, въ особенности къ купечеству, за-

нимавшемуся содержаніемъ винокуренныхъ заведеній.“ Забравъ къ себѣ изъ иркутскаго магистрата и губернской канцеляріи всѣ дѣла съ 1729 по 1758 годъ, касавшіяся питейныхъ сборовъ, онъ арестовалъ и заковалъ въ кандалы членовъ магистрата, какъ у нихъ, такъ и у болѣе или менѣе богатыхъ купцовъ приказалъ описать дома, товары и проч. и „публиковалъ ихъ ворами“. Вслѣдъ за этимъ, пытками и истязаніями онъ вынудилъ бургомистра Бречалова показать, что вино, стойвшее въ выкуркѣ отъ 50 до 60 коп., занимавшіеся его выкуркой иркутскіе купцы цѣнили въ рубль и излишнія деньги дѣлили между собою. Опираясь на это сознаніе, онъ отобралъ у нихъ болѣе 150.000 руб., не считая того, что при этомъ погромѣ захватилъ себѣ лично вещами и всякимъ имуществомъ. Болѣе всѣхъ пострадалъ купецъ Иванъ Бичевинъ, считавшійся въ то время первымъ богачемъ въ городѣ. О богатствѣ Бичевина сохранилось преданіе, что у него золотыя и серебряныя деньги хранились въ боченкахъ, а мѣдныя—въ бочкахъ, прикованныхъ къ стѣнамъ его кладовыхъ. Замученный пытками, онъ умеръ 13 декабря 1759 г. и похороненъ въ отстроенной имъ Тихвинской церкви, на стѣнѣ которой находится и до настоящаго времени хорошо сохранившаяся надгробная надпись.

Наводилъ Крыловъ страхъ не на однихъ купцовъ, но и на все городское населеніе своей развратной и не знавшей удержа разгульною жизнью. Женщины боялись попадаться ему на глаза, имъ пугали дѣтей и еще долго иркутяне, по словамъ лѣтописца, „вспоминали о гибельныхъ крыловскихъ временахъ“. Начальство бездѣйствовало. Самого тогдашняго иркутскаго вице-губернатора Вульфа Крыловъ умудрился нѣкоторое время продержать подъ арестомъ, а жителей тѣмъ временемъ заставилъ подписать челобитную о назначеніи на мѣсто Вульфа его, Крылова.

Но тутъ за городъ вступился преосвященный Софроній. Написавъ донесеніе Императрицѣ и письмо петербургскому митрополиту, онъ тайно отправилъ ихъ въ Петербургъ съ своимъ посланцемъ, сержантомъ Конюховымъ, успѣвшимъ, благодаря употребленной имъ хитрости, обогнать курьера, посланнаго Крыловымъ. Ходатайство преосвященнаго увѣнчалось успѣхомъ. На донесеніе его послѣдовало, доставленное тѣмъ-же Конюховымъ, распоряженіе арестовать Крылова и скованнымъ отправить въ Москву, что и было, по полученіи въ Иркутскѣ указа, исполнено 20 ноября 1761 года. Дальнѣйшая судьба Крылова неизвѣстна. По однимъ источникамъ онъ былъ наказанъ кнутомъ и сосланъ на каторгу; по другимъ—избѣгъ всякаго наказанія, благодаря покровительству оберъ-прокурора Глѣбова, и вѣздившіе въ Петербургъ иркутскіе купцы встрѣчали его, будто-бы, мирно разгуливающимъ по улицамъ. Существуетъ рассказъ, что деньги,

отобранныя Крыловымъ у купцовъ, были многимъ возвращены, но за всѣми раздачами осталось еще до 15.000 руб., которые хранились болѣе двадцати лѣтъ и ихъ, наконецъ, рѣшено было отдать на сооруженіе въ Иркутскѣ каменной Благовѣщенской церкви).

До сихъ поръ сохранилась въ Иркутскѣ память и объ иркутскомъ губернаторѣ Нѣмцовѣ. По словамъ иркутской лѣтописи, это былъ „человѣкъ неблагонамѣренный, употреблявшій неимовѣрную строгость собственно для того, чтобы болѣе брать взятки и нажить болѣе денегъ“... „Въ нѣкоторые дни ходилъ онъ по городу пѣшкомъ, съ нужнымъ числомъ полицейскихъ служителей, для того, что ранѣе приказалъ жителямъ строить около домовъ своихъ мостики (тротуары), а гдѣ ихъ не было построено, вызывалъ хозяина и тутъ-же сѣкъ его“... Сохранилось преданіе объ его сношеніяхъ и дружбѣ съ разбойничьимъ атаманомъ Гондюхинымъ, тайно проживавшимъ въ Тобольскѣ. Однажды Нѣмцовъ, по словамъ С. С. Шашкова,¹⁾ пригласилъ въ поле на пикникъ большое общество, которое и было ограблено Гондюхинымъ, конечно, съ вѣдома и согласія губернатора. Тѣмъ-же Нѣмцовымъ была учреждена въ городѣ такъ называемая „глухая команда“, которая подъ видомъ дозора грабила жителей...

Во время губернаторства Нѣмцова, на нерчинскихъ казенныхъ горныхъ заводахъ начальствовалъ Василій Васильевичъ Нарышкинъ, прославившійся своими чудачествами. Въ всякаго сомнѣнія, это былъ человѣкъ ненормальный, больной психически. Ни для кого это не было секретомъ—еще лишнее доказательство того, что высшее правительство обращало слишкомъ мало вниманія на выборъ достойныхъ правителей для сибирскихъ провинцій.

Нарышкинъ, по выраженію иркутской лѣтописи, „занимался какими-то странными дѣйствіями. Онъ устраивалъ на казенный счетъ великолѣпныя игры, спаивалъ поголовно весь народъ, бросалъ по улицамъ деньги, производилъ въ офицерскіе чины, на мѣсто исключенныхъ имъ прежнихъ чиновниковъ, новыхъ изъ ссыльно-каторжныхъ, причемъ произвелъ изъ таковыхъ болѣе 100 человѣкъ. Съ самаго пріѣзда своего онъ одиннадцать мѣсяцевъ просидѣлъ дома съ закрытыми ставнями, никуда не выходя и никому не показываясь. Рѣшившись покончить съ затворничествомъ, онъ вышелъ на свѣтъ Божій въ Свѣтлое Воскресеніе и началъ цѣлый рядъ чудачествъ и сумасбродныхъ

¹⁾ „Иркутскъ. Его мѣсто и значеніе въ исторіи и культурномъ развитіи Восточной Сибири“. Очеркъ, редактированный и изданный иркутскимъ городскимъ головою В. П. Сукачевымъ.

выходокъ: вмѣсто заутрени на Пасху, велѣлъ служить прежде обѣдню; въ церковь вели его двѣ толстыя женщины, онъ шелъ, приплясывая и припѣвая свою любимую пѣсенку: „Батюшка богатъ, черевички купилъ“; идущіе сзади чиновники подпѣвали ему. Принявшись за дѣла, онъ приблизилъ къ себѣ пятерыхъ секретныхъ арестантовъ, которыхъ сдѣлалъ секретарями. За вины билъ батожемъ и не сказывалъ за что: „извѣстно-де мнѣ единому“. Въ растратѣ казенныхъ денегъ не стѣснялся, отчета объ нихъ и самихъ денегъ въ Петербургъ не посылалъ. Когда не хватало казны, онъ бралъ деньги у богатаго купца Сибирякова, имѣвшаго нѣкоторые заводы на арендѣ. Когда однажды Сибиряковъ отказалъ, Нарышкинъ явился предъ его домомъ съ пушками и съ угрозою стрѣлять, если Сибиряковъ не выдастъ тотчасъ-же требуемую сумму ¹⁾).

Сибиряковъ вышелъ на крыльцо съ серебрянымъ подносомъ, на которомъ были положены затребованныя пять тысячъ.

Нарышкинъ учредилъ какой-то новый праздникъ—„Открытіе новой благодати“, приказывалъ всѣмъ каяться въ грѣхахъ и изстрѣлялъ множество пороха, столь необходимаго при горныхъ работахъ.

Но въ концѣ всѣхъ сумасбродствъ Нарышкина былъ его смѣхотворный походъ на Иркутскъ. Вотъ какъ рассказываетъ о немъ Максимовъ ²⁾).

Составивъ себѣ лейбъ стражу изъ крестьянъ и каторжниковъ и забравъ всѣ деньги изъ Нерчинскаго казначейства, канонеровъ, пороха, ядра и пушки, — онъ выступилъ въ походъ. Непріятельскою страною для него была иркутская провинція съ ея ханомъ-губернаторомъ Нѣмцовымъ, а по пути лежала вассальная земля — Верхнеудинскій округъ, съ вице-королемъ воеводою Тевяшовымъ. За новымъ Батыемъ, выходившимъ изъ мѣстъ, ближайшихъ къ родинѣ Чингизъ-хана, за Нарышкинымъ везли пушки и колокола.

Дорогою онъ спаивалъ бурятъ и вербовалъ себѣ изъ нихъ „красный гусарскій полкъ“. Сзывалъ народъ онъ по дорогѣ разными способами: въ селахъ—звономъ въ колокола въ церквахъ и пушечной пальбой и барабаннымъ боемъ тамъ, гдѣ церквей не было. Собранный такими способами, народъ онъ поилъ виномъ, насильно захваченнымъ въ питейныхъ домахъ, и бросалъ въ толпу казенныя деньги. Дорогою онъ останавливалъ купеческія клади и отбиралъ товары. Въ степи на отдыхахъ кипѣли огромныя котлы съ водой, куда сваливали пудами чай и сахаръ. Вино стояло цѣлыми бочками; сукно, дабу, китайку, холстъ всѣ брали

¹⁾ Очерки русскихъ нравовъ въ Старинной Сибири. „Отечественныя Записки“ 1867 г., кн. 10, стр. 700.

²⁾ Максимовъ. „Сибирь и Каторга“. Т. III, стр. 326—351.

даромъ, безъ всякаго счета. Попалась ему на дорогѣ почта съ книгами и церковными вещами, посланными иркутскимъ архіе-реемъ Махаиломъ—Нарышкинъ и эго присвоилъ себѣ. Не имѣя уже никакихъ суммъ въ заводскомъ казначействѣ, Нарышкинъ, подъ видомъ закупа для заводовъ разныхъ необходимыхъ припасовъ, взялъ 60.476 руб. въ Нерчинскомъ комиссарствѣ. Въ селеніи Гантимуровомъ (Урульгѣ) онъ крестилъ тунгусовъ, «уто-пающихъ» въ пьянствѣ. Въ Братской степи у хоринцевъ онъ заставлялъ тайшу и старшинъ преклонять предъ собою знамена, дарованныя этому роду братскихъ за вѣрную ихъ службу. Дѣй-ствуя такимъ образомъ, онъ повсюду старался увѣрить, что дѣ-лаетъ это именемъ Императрицы. Наконецъ, въ Верхнеудинскѣ онъ потребовалъ сдачи ему всѣхъ денегъ изъ казначейства, но здѣсь онъ былъ арестованъ, отправленъ въ Иркутскъ, а отсюда въ Петербургъ. По разсмотрѣніи дѣла Нарышкина въ Петербургѣ, оттуда былъ присланъ указъ, коимъ Нерчинскіе заводы, для исправленія и приведенія въ лучшее состояніе, были переданы въ зависимость и подчиненіе иркутскому губернатору Нѣмцову. Но насколько послѣдній былъ лучше Нарышкина, можно уже судить по вышеизложеннымъ даннымъ о немъ.

VI.

Почти полные и безконтрольные властелины окружающаго населенія, сибирскіе воеводы, губернаторы и другіе начальники пользовались всевозможными средствами, чтобы составить себѣ со-стояніе на черный день, который у нихъ былъ не за горами, если вспомнить всѣ ихъ возмутительные, незаконные подвиги. Умѣли и пожить сибирскіе сатрапы въ свое полное удовольствіе.

Жизнь первыхъ сибирскихъ служилыхъ людей, завоевателей нашей окраины, походила на постоянный праздникъ, прерывав-шійся развѣ нашествіемъ непріятеля, или набѣгами на неза-щитныя инородческія становища. А затѣмъ—опять начинались шумныя оргіи, безобразное пьянство, насилуваніе инородокъ, азартная игра, причемъ многіе проигрывали всю принесенную ими изъ похода добычу, все свое оружіе, своихъ женъ, даже самихъ себя! Такъ и чередовались между собою походы и оргіи.

Особеннымъ шумомъ и дикою оригинальностію отличалась жизнь воеводъ. Служилые и торговые люди обязаны были дѣ-лать для воеводы пиры, иногда „по вся дни недѣли“. Часто воеводы сами устраивали у себя попойки и обыватели были обязаны являться сюда съ подарками, которые не только оку-пили-бы издержки хозяина, но и оставили-бы его въ барышахъ. Такъ у мангазейскаго воеводы Кокорева былъ постоянный пиръ, на который могъ являться каждый. Тутъ приходили и пріѣхав-

шіе съ ясакомъ самоѣды, которые и пропивались до нитки; привезенные ими соболи и бобры переходили къ воеводѣ, а ясакъ уплачивался оленьими кожами. Тутъ являлись и промышленники, пить водку по гривнѣ чарка; и когда они, напившись, уходили со двора, то воеводская прислуга сдирала съ нихъ платье, кресты, перстни, пояса и отпускала ихъ почти нагишомъ. Иногда воеводы задавали званые пиры для торговыхъ и промышленныхъ людей, и если кто изъ нихъ являлся на пиръ съ плохимъ подаркомъ, то ему подношеніе бросали въ лицо, а самого до воротъ провожали въ шею. Но многіе не отдѣлывались еще и этимъ.

Вышеупомянутый мангазейскій воевода Кокоревъ часто назначалъ своихъ гостей, якобы на службу, въ непроходимыя тайги и тундры, откуда мало было надежды вернуться цѣлымъ и невредимымъ. Отъ подобныхъ „служебныхъ“ командировокъ приходилось откупаться деньгами. Не являться на пиръ къ воеводамъ приглашенные не смѣли: не только самихъ ихъ, но даже и ихъ скотъ воеводы садили въ тюрьму и потомъ брали выкупъ и съ нихъ, и со скота.

Къ концу восемнадцатаго вѣка описанные нравы и обычаи нѣсколько смягчились. Въ это время правители въ торжественные и праздничные дни устраивали обѣды и приглашали на нихъ обывателей. Послѣдніе здѣсь уже рѣдко подвергались заушенію и оплеванію, но, уходя домой послѣ обѣда, они обязаны были передавать лакею, иногда даже хозяйкѣ, по рублю или по полтинѣ съ человѣка. На эти пиры дѣлались, кромѣ того, натуральные поборы съ обывателей; и этою частью завѣдывали жены и метрессы губернаторовъ. Пирѣ этого времени отличались роскошью. Особенно отличался въ этомъ отношеніи первый иркутскій намѣстникъ генералъ-поручикъ Якобій. Однихъ музыкантовъ Якобій привезъ съ собою въ Иркутскъ болѣе 40 человѣкъ. Въ памяти иркутянъ надолго остались его пиры и въ городѣ, и на Верхоленской горѣ, и на его роскошной дачѣ, находившейся на берегу Иркуты, противъ Синюшиной горы. Здѣсь въ большомъ деревянномъ домѣ пиры длились по нѣскольку дней, на ближнемъ островѣ Иркуты пускались фейерверки, а вся дорога до города по ночамъ освѣщалась смоляными бочками.

Особенною расточительностію отличались пиры Тобольскаго губернатора Чичерина. За столомъ его ежедневно обѣдало до 30 человѣкъ; въ торжественные дни, одѣтый въ мантию, увѣшанный орденами, окруженный многочисленною свитою, онъ принималъ всѣхъ значительныхъ лицъ города. Сюда-же являлись и семинаристы съ поздравительными стихами на русскомъ и латинскомъ языкахъ. Роскошные обѣды сопровождались обыкновенно музыкой, громомъ пушекъ и неумолкаемой ружейной стрѣльбой. На масленицѣ Чичеринъ спаивалъ весь городъ. Съ

дамами и со свитой садился онъ въ громаднѣйшія сани, которыя конвоировались его гайдуками и драгунами, а впереди ѣхали другія сани съ оркестромъ музыкантовъ. У нѣкоторыхъ домовъ поѣздъ останавливался, музыканты бѣжали въ переднюю, а хозяинъ съ хозяйкой въ дверяхъ встрѣчали губернатора. Поплясавши и выпивши, ватага уѣзжала, забравъ съ собою хозяевъ; къ вечеру Чичеринъ забиралъ въ свои гигантскія сани всѣхъ значительныхъ обывателей и везъ ихъ къ себѣ на балъ.

Особенно-же торжественно праздновались какіе-нибудь выдающіеся, исключительные праздники; напримѣръ, открытіе Кашкинымъ Тобольскаго намѣстничества въ 1782 году. Къ этому торжеству были вызваны въ Тобольскъ ханъ Средней Киргизской орды съ султанами, вогульскіе родоначальники и обдорскій князь съ другими остяцкими князьями. Въ залѣ намѣстническаго дворца былъ поставленъ императорскій тронъ и со ступеней его гордо озиралъ сборище разныхъ народностей новый губернаторъ Сибири. По случаю этого торжественнаго событія, вмѣстѣ съ роскошнымъ угощеніемъ для высшаго круга, для простаго народа во многихъ мѣстахъ были выставлены цѣлые зажаренные быки, со вложенными внутрь ихъ жаркими и другими кушаньями. Въ разныхъ мѣстахъ стояли бочки водки и пива, въ другихъ мѣстахъ въ подставленные кадки било фонтанами виноградное вино. По ночамъ весь городъ, особенно дворецъ намѣстника, заливался огнями иллюминацій ¹⁾.

С. Серафимовичъ рассказываетъ, что поѣздка по Сибири правителя американскихъ колоній Резанова была рядомъ триумфальныхъ встрѣчъ и проводинъ. „Я плавалъ по морямъ, какъ утка,—пишетъ самъ Резановъ изъ Иркутска,—страдалъ отъ холода, голода и въ то же время отъ обиды. Но, пріѣхавъ въ Якутскъ, видѣлъ я благодарность соотечественниковъ моихъ: за рѣкою весь городъ встрѣтилъ меня и наперерывъ угощали. Въ Иркутскѣ-же еще болѣе видѣлъ ласки: задавили поздравленіями. Начиная съ генераль-губернагора и военнаго генерала, всѣ наперерывъ, какъ чиновники, такъ и граждане, давали каждый день праздники, обѣды, балы, ужины. Изъ благодарности далъ я всему городу въ домъ училища балъ и ужинъ, который мнѣ до 2000 рублей стоилъ“... 2000 рублей—по тому времени всеобщей дешевизны—громадныя деньги! Здоровье Резанова не вынесло сибирскаго гостепріимства и хлѣбосольтства и онъ умеръ въ Красноярскѣ.

Хорошо пили, ѣли и веселились сибирскіе сатрапы того времени, не дурно и одѣвались. Одежда всѣхъ сколько нибудь

¹⁾ С. Серафимовичъ (С. С. Шашковъ). Очерки русскихъ нравовъ въ старинной Сибири.

значительныхъ чиновниковъ отличалась такою роскошью, что даже правительство считало нужнымъ ограничивать ее. Указъ, изданный въ 1697 году, говоритъ, между прочимъ: „въ сибирскихъ городахъ, а болѣе въ Якутскѣ, многіе служилые люди дѣлаютъ себѣ и женамъ своимъ и дѣтямъ портища золотыя и серебряныя и байбероковыя и изарбафныя, съ широкими золотыми и серебряными кружевы, холодныя, а иныя на собольихъ, и на лисьихъ черныхъ дорогахъ мѣхахъ, чего имъ по чину носить не довелось“.

Очевидно, что цитированный нами указъ запрещалъ носить роскошное платье именно потому, что оно заводилось на взятки.

Такъ-то жили поживали въ старину сибирскіе чиновники!

(Продолженіе будетъ).

Н. А. Гурьевъ.

Недоимка.

(Преданье старины далекой.)

Лѣтъ 50 назадъ въ одной изъ консисторій служилъ стол-начальникомъ нѣкто Петръ Семенычъ Дьячковъ. И въ старческіе годы онъ, высокій ростомъ и широкій въ плечахъ, —былъ тученъ и бодръ, напоминая наружностью своей думскаго дьяка временъ царя Алексѣя Михайловича. Обезличенный и необезпеченный чиновникъ стариннаго закала, Дьячковъ сразу понялъ, какимъ надо быть при новыхъ порядкахъ, вводившихся въ 60-хъ годахъ, и, какъ будто, оставилъ излюбленную свою „пятерную бухгалтерію“. На самомъ же дѣлѣ онъ только придумалъ новые способы опустошенія просительскихъ кармановъ.

Раньше, бывало, онъ безъ стѣсненія говорилъ просителямъ: „надо дать члену“—и тѣ давали; или—„надо доложить“—и просители докладывали. И докладъ повторялся, смотря по величинѣ передаваемой каждый разъ мзды и стоимости обрабатываемаго дѣла, и такимъ путемъ съ обоюднаго согласія опредѣлялся размѣръ *благодарности*. Позднѣе, при новыхъ людяхъ, которые непонятнымъ образомъ попали даже въ консисторію, пришлось оставить практикой жизни выработанный методъ,—приглашать просителей на домъ и довольствоваться тѣмъ, что пожалуютъ.

Времена переменчивы, и Петръ Семенычъ, какъ и многіе другіе, оказавшіеся въ его положеніи, возропталъ.

— Все пошло къ худшему... то-ли дѣло, какъ жили въ старину!—говорилъ онъ, бросая ненавистный взглядъ на длинново-

лосаго регистратора Псевдонимова, принадлежавшаго къ новымъ людямъ. — Богъ знаетъ, что дальше будетъ дѣлаться!

Послѣ *опасныхъ новшествъ* Петру Семенычу зачастую случалось получать только гроши, — мало того: получать и говорить „Слава Богу!“ — Находились такіе, которые вовсе ничего не давали.

Еще со времени назначенія на должность столоначальника, въ великій праздникъ Рождества Христова Петръ Семенычъ имѣлъ обыкновеніе ѣздить къ преосвященному съ поздравленіемъ. Много епископовъ смѣнилось за 50-60 лѣтнюю службу Дьякова и вотъ нынѣ опять новый, — но Петръ Семенычъ не отступалъ отъ своихъ правилъ. Идя къ архіерейскому дому, онъ думалъ о томъ, что когда то епископъ, котораго онъ, столоначальникъ Дьяковъ, идетъ теперь поздравить, былъ простымъ іеромонахомъ, и что онъ, Дьяковъ, взялъ съ него 5 рублей.

А остальные то 5, такъ, вѣдь, и пропали! — промчалось въ его мозгу. Обѣщался послать почтой и — забылъ! Теперь ужъ пиши пропало!

И память Петра Семеныча воспроизвела, помимо его воли, фигуру бѣднаго монаха, — маленькаго ростомъ, сутулаго и сухощаваго, съ рѣдкою растительностью на изможденномъ лицѣ. Какъ жаль было смотрѣть тогда на него, отдающаго послѣдніе 5 рублей!..

Скверныя мысли овладѣли Петромъ Семенычемъ и съ замираніемъ сердца переступилъ онъ порогъ безшумно растворившейся двери. Лакей въ ливреѣ принялъ его елотку, соболью шапку и помогъ снять галоши. На Петрѣ Семенычѣ былъ изъсиня черный мундиръ съ бѣлыми пуговицами, на груди висѣли два ордена, а сбоку болталась шпага. Поднимаясь по лѣстницѣ, онъ встрѣтилъ нѣсколько знатныхъ и извѣстныхъ лицъ, которымъ почтительно поклонился. Приѣмъ кончился. Келейникъ доложилъ о Дьяковѣ его преосвященству и, затѣмъ, пригласилъ Петра Семеныча пройти въ приѣмное зало, въ которомъ никого, кромѣ владыки, не было.

Петръ Семенычъ съ чувствомъ проговорилъ поздравительныя слова, съ низкимъ поклономъ испросилъ благословеніе и былъ приглашенъ садиться.

Послѣ нѣсколькихъ фразъ о перемѣщеніяхъ лицъ сельскаго духовенства, преосвященный сказалъ:

— Вы за мной, Петръ Семенычъ. должокъ имѣете, помнится?

Тотъ вздрогнулъ, поблѣднѣлъ, невольно кашлянулъ и чуть чуть приподнялся на креслѣ.

— Не помните развѣ? — повторилъ владыка. Петръ Семенычъ смотрѣлъ какимъ то остывшимъ, тупымъ взоромъ, и едва слышно прошепталъ:

— Не знаю, ваше преосвященство..

На самомъ дѣлѣ онъ прекрасно помнилъ, но, ошеломленный, не сознавался, не находивъ лазейки, которая такъ или иначе вывела бы его изъ крайне затруднительнаго положенія.

— „Дѣла давно минувшихъ дней!“ — кротко замѣтилъ преосвященный. — Могли и забыть. Только память то у васъ, Петръ Семенычъ, превосходная... Какъ это вы забыли своего... гм... недоимщика?!

Нервная дрожь пробѣжала по тѣлу Петра Семеныча; старческія ноги его задрожали, подбородокъ затрясся. Онъ хотѣлъ, было, повалиться владыкѣ въ ноги, но его ободряло привѣтливо улыбающееся лицо послѣдняго. Разсчитывая на доброту преосвященнаго, Петръ Семенычъ употребилъ всю силу воли, чтобы успокоиться, улыбнуться и сказать:

— Можетъ быть. ваше преосвященство.

— Вотъ видите! Помните, Петръ Семенычъ, — продолжалъ владыка уже строже, — когда я постриженъ былъ въ санъ іеромонаха и мнѣ слѣдовало получить изъ консисторіи грамоту, — вы не давали мнѣ ее. Вы просили съ меня десять рублей, а я бѣденъ былъ и имѣлъ только пять... которые и отдалъ вамъ. Помните, сколько разъ вы говорили мнѣ: „*надо доложить*“, а я не докладывалъ, потому что мнѣ нечѣмъ было докладывать. Я обѣщался послать вамъ потомъ... и по забывчивости не послалъ. Помните?

Петръ Семенычъ похолодѣлъ отъ страха. Теперь конецъ службѣ! Будетъ, послужилъ вѣрой и правдой Царю и отечеству! Пора на покой. Одна минута — и его преосвященство также скажетъ: „пора на покой, въ отставку“. — Эти размышленія придали угнетенному столоначальнику смѣлости. — „Все равно, — конецъ одинъ. Можно сознаться, авось владыка раздобрѣетъ“, — подумалъ Петръ Семенычъ и вслѣдъ затѣмъ произнесъ.

— Помню, ваше преосвященство.

— Наконецъ-то! — владыка улыбнулся. Ему стало жаль старика. Такъ вотъ, Петръ Семенычъ, я хочу уплатить вамъ свою недоимку. Я хочу сдержать свое слово. Правда, мнѣ бы строже слѣдовало отнестись къ вамъ, — вы сами знаете почему. Да вамъ, вѣдь, ужъ за 70, гдѣ васъ исправишь. Если бы тогда, 35 лѣтъ назадъ...

— 37, ваше преосвященство.

— Развѣ 37?

— 37, я хорошо помню.

— Да, вотъ, если бы тогда начать исправлять васъ, и то толку никакого не получилось бы.

Владыка сдѣлалъ движеніе, и въ рукахъ его оказалась пятирублевая кредитка.

— Извольте, Петръ Семенычъ. Благодарю за довѣріе.
 Дьячкову было ясно, что дѣло кончается благополучно. Съ глуповатой улыбкой, съ прослезившимися глазами кинулся онъ къ владыкѣ, уткнулся губами въ его руку и принялъ деньги.
 — Теперь мы съ вами въ расчетѣ, да?—спросилъ владыка, поднимаясь съ кресла. Петръ Семенычъ хотѣлъ что то отвѣтить — да языкъ не повиновался: слезы умиленія и благодарности сдавили его горло...

Ал. Ко—чевъ.

Повѣсть о черной лисицѣ.

(Продолженіе, — см 1 и 2 кн. „Дорожника“ за текущій годъ).

VII.

Иванъ Лукичъ сдѣлался обладателемъ замѣчательной въ лѣтописяхъ мѣловой торговли чернобурой. Онъ добился своей цѣли: отнялъ отъ юкагира Василія его промыселъ раньше, чѣмъ о немъ, объ этомъ промыслѣ, узнали конкуренты. Въ этомъ не было ничего удивительнаго: Иванъ Лукичъ былъ, что называется, закаленъ въ бою. Сколько людей бѣгало по лѣсамъ, ѣздило по тундрамъ, карабкалось по ущельямъ, промысля дикихъ звѣрей, а весь доходъ отъ этого промысла доставался на долю Ивана Лукича. Но не безъ усилій и трудовъ удавалось ему быть посредникомъ между дикарями, промыслявшими мѣха дорогихъ звѣрей, и неизвѣстными людьми, которые имѣли удовольствіе носить эти мѣха и платили за нихъ такія большія деньги, что на нихъ можно было накормить и одѣть сотни нуждающихся и голодныхъ. За то дикари были безпечны и веселы, а Иванъ Лукичъ по уши погруженъ въ заботы. И теперь вмѣстѣ съ лисицей онъ купилъ себѣ заботы у юкагира Василія.

Первая забота его заключалась въ томъ, чтобы скрыть дорогую лисицу отъ своего хозяина якутскаго купца, пріѣзда котораго онъ ожидалъ черезъ двѣ, три недѣли, а продать „на сторону“ другимъ купцамъ и продать возможно дороже. Обманувъ юкагира Василія, онъ готовился обмануть своего довѣрителя и скрыть отъ него лисицу, купленную на его товаръ. Онъ не видѣлъ ничего дурнаго въ томъ, что онъ обманулъ юкагира Василія, увѣряя его въ томъ, что пушнина упала въ цѣнѣ. Это позволялось коммерческой практикой. Пользоваться оплошностью врага т. е. покупателя или продавца,—это дозволяется всюду; пускать ложные слухи, вымышленныя извѣстія, чтобы нажиться

на счетъ тѣхъ, кто повѣритъ имъ—да это дѣлается вездѣ въ мірѣ, даже въ столицахъ, гдѣ всякаго начальства такъ много, что нельзя и повернуться, не бывъ замѣченнымъ имъ... Какая бы это была торговля, ежели бы не дозволялось соврать? Винавать тотъ, кто вѣритъ вранью... Но обмануть своего довѣрителя, скрыть отъ него замѣчательную лисицу, которая могла бы украсить всю его „партію“ мѣховъ и принести огромный барышъ—это, даже съ коммерческой точки зрѣнія, было не совсѣмъ хорошо. Иванъ Лукичъ требовалъ отъ своего хозяина того, чего самъ не дѣлалъ въ отношеніи другихъ: чтобы хозяинъ давалъ ему за мѣха „настоящую“ цѣну, а не какую ему вздумается. Если бы хозяинъ принялъ лисицу за столько, сколько она приблизительно стоитъ,—почему бы не отдать ее хозяину при расчетѣ съ нимъ? Но хозяинъ никогда не дастъ за нее настоящей цѣны, потому что самъ захочетъ заработать на ней возможно больше.

На основаніи этихъ разсужденій Иванъ Лукичъ рѣшилъ спрятать лисицу до чукотской ярмарки, пока не съѣдутся всѣ купцы, и тогда продать ее за наличныя деньги.

Всѣ эти размышленія о наживѣ—о томъ, какъ бы разбогатѣть, о средствахъ болѣе скорого и удобнаго отнятія чужого промысла, мѣшали Ивану Лукичу видѣть прекрасное въ природѣ. Уткнувшись носомъ въ шарфъ, онъ перебиралъ въ умѣ доходы, расходы, барыши и не замѣчалъ, какъ на небѣ загоралась вечерняя заря.

На западѣ, на вершинѣ лѣсистаго холма, остановился огненно-золотой дискъ солнца, какъ бы окидывая землю прощальнымъ взоромъ. Казалось, чей то огромный глазъ широко раскрылся, засвѣтилъ надъ землею и сталъ меркнуть—дремать, но, засыпая, продолжалъ свѣтить, сквозь раскрывающіяся вѣки, золотымъ свѣтомъ. Потомъ огненный дискъ скрылся за лѣистой верхушкой отдаленнаго холма и силуэты деревьевъ, отдѣльными группами и разорванными рядами, отражавшихся въ немъ, слились въ одну темносинюю массу. Рѣчная долина темнѣла, какъ бы засыпая и приготовляясь мечтать въ лучахъ луны, свѣтлымъ серебрянымъ пятномъ проглянувшей на противоположной сторонѣ горизонта. Прибрежныя горы въ сумеркахъ походили на какія то фантастическія зданія или памятники изъ бѣлоснѣжнаго мрамора; надъ самой высокой изъ нихъ зажглась одна звѣздочка; другія звѣзды, лежащія выше, еще не горѣли, но блѣдными точками мелькали въ бездонной синевѣ. На лѣсистомъ холмѣ, гдѣ недавно стоялъ огненный шаръ заходящаго солнца, край неба запылалъ краснымъ пламенемъ, словно въ лѣсу былъ разложенъ огромный костеръ; онъ горѣлъ безъ искръ, безъ дыму, охватывая лѣсъ, покрывавшій вершину холма; но лѣсъ не заго-

рался, оставался невредимъ среди пламени... Наступали сумерки и, сгущаясь, наполняли рѣчную долину. Заря разлилась по небу розовымъ моремъ... Какія прелестныя картины нарисовала она, потухая, на склонѣ неба!...

Иванъ Лукичъ, погруженный въ заботы о наживѣ, не замѣчалъ этихъ картинъ. Но на другой сторонѣ рѣчной долины наблюдали ихъ юкагиры Василій и Оедотъ, счастливые, безнечные люди, свободные отъ заботъ и огорченій.

Они ѣхали къ чукчамъ пропивать заколдованную флягу. Распивъ дома съ прочими юкагирами бутылокъ 5 и выливъ чашку водки въ каминъ, въ жертву духу огня, посовѣтовавшему Василію продать лисицу, они запрягли собакъ и, переѣхавъ ложе Омолона у впаденія его въ Колыму, очутились на краю лѣсовъ, на рубежѣ чукотской земли. Здѣсь ихъ застигла вечерняя заря.

Они остановили собакъ, чтобы покормить ихъ; сѣли рядомъ на одну изъ юртъ, закурили трубки и, молча, наблюдали, какъ проходила по небу заря.

Лишь только огненный глазъ солнца, свѣтившій надъ тундрой, закрылся, проснулась заря, открыла глаза и улыбнулась... Ея улыбка разлилась розовымъ свѣтомъ по небу; широкимъ размахомъ этого свѣта заря въ мигъ нарисовала въ разныхъ мѣстахъ небосклона чудныя картины. Василій устремилъ глаза на одну изъ нихъ. Это было огненно-розовое озеро, чистое, тихое, спокойное; облака, состоявшія кругомъ, изображали лѣса, крутые берега. Эти лѣса и озеро шли далеко вверхъ, все блѣднѣя и блѣднѣя. Наконецъ, розовое озеро вливалось въ другое озеро — синее; розовые лѣса входили въ другіе лѣса — синіе... Заря оглядывала землю съ высоты лѣсистаго холма: красноватыя отраженія свѣта разомъ вспыхнули въ разныхъ мѣстахъ. Края лѣсовъ, подходившіе къ небу тамъ, гдѣ была рѣка Омолонъ, и края тундры, сливавшіеся съ небомъ тамъ, куда ѣхали юкагиры, — подернулись розовымъ, прозрачнымъ отъ лучей еще слабо свѣтившей луны, туманомъ сумерокъ. Казалось, кто то невидимый собиралъ на огромное зеркало розовые лучи зари и, вертя зеркало, отбрасывалъ ихъ на землю.

Василій указалъ Оедоту на небо и оба они почувствовали такой восторгъ въ груди, что не могли сказать ни слова; они чувствовали, что они горячо любятъ свою бѣдную, пустынную землю, гдѣ улыбки зари такъ привѣтливо свѣтятся въ снѣгахъ и сугробахъ; они чувствовали, что вся ихъ жизнь неразрывно связана съ этими лѣсами, уходящими въ безконечную даль до береговъ восточнаго моря, съ пустынными равнинами тундры, уходящими въ даль до береговъ сѣвернаго моря, съ рѣкою, съ горами, съ тѣмъ, что огромно, вѣчно, что сравнительно съ жизнью людей не имѣетъ начала и конца...

А на другой юго-западной сторонѣ рѣчной долины въ то же время Иванъ Лукичъ чувствовалъ радость оттого, что ему удалось искусно овладѣть чужимъ промысломъ... Вся его жизнь была связана съ этимъ искусствомъ, съ торговлей, съ барышами, со всѣмъ, что кончается съ жизнью человека. Онъ мечталъ объ этомъ всемъ, какъ будто бы это было вѣчно и никогда не кончится. Онъ задремалъ и ему снилось то, что могло быть потомъ на самомъ дѣлѣ. Ему снилось, что онъ пересталъ быть довереннымъ якутскаго купца и самъ сдѣлался якутскимъ купцомъ. Вотъ онъ привозитъ транспортъ пушного, добытаго промышленниками береговъ Яны, Индигирки, Колымы, Анюя, Анадыря. Онъ скупилъ все это пушное, такъ что другимъ купцамъ не осталось ничего и они должны разориться. Онъ радъ, что именно онъ, Иванъ Лукичъ, а не кто либо другой разорилъ ихъ своихъ враговъ, конкурентовъ. Что жалѣть ихъ! Надо пустить ихъ по міру, пусть идутъ съ сумой; надо разорить, опозорить, надо ихъ всѣхъ повѣсить!.. (Во снѣ Иванъ Лукичъ потерялъ границу между возможнымъ и невозможнымъ, между дозволеннымъ и недозволеннымъ). За что-же? За то, что они его конкуренты, что они хотятъ того же, что и онъ: наживаться на промыслѣ другихъ...

Вотъ онъ привозитъ свою пушнину на якутскую ярмарку и самъ устанавливаетъ цѣны на нее; онъ потрясаетъ дорогими лисицами и соболями подъ носомъ у Иркутскихъ купцовъ, у которыхъ сверкаютъ глаза отъ жадности, какъ у котовъ, и лупить съ нихъ свою цѣну.

Продавъ пушнину, онъ покупаетъ самый дрянной залежалый товаръ и везетъ его назадъ въ тѣ края, гдѣ водятся песцы и дорогія лисицы, и раздаетъ его промышленникамъ на берегахъ Яны, Индигирки и Колымы и получаетъ при этомъ 200% прибыли. Эмалированную тарелку, на примѣръ, купленную за 40 коп., онъ отдаетъ своимъ друзьямъ юкагирамъ, тунгусамъ и чукчамъ по 2 р. 50 к., и все прочее въ такой же „препорціи“... Состояніе его увеличивается и вмѣстѣ съ состояніемъ почетъ; онъ уже выбранъ церковнымъ старостой въ соборѣ, городскимъ головою и держитъ весь край въ рукахъ. Никто въ краѣ ничѣмъ не владѣетъ, ничего не имѣетъ, а онъ имѣетъ все и никто ничего не можетъ имѣть безъ него, Ивана Лукича (такъ размечтался онъ во снѣ). Казаки получаютъ хлѣбъ, городскіе жители мясо, юкагиры, чукчи водку—все отъ него и по тѣмъ цѣнамъ, по какимъ ему угодно. Конкурентовъ у него нѣтъ: онъ разорилъ ихъ, пустилъ по міру, уничтожилъ; сдѣлалъ все то, что повелѣвалъ ему сдѣлать законъ борьбы за существованіе, которому онъ повиновался, не совсѣмъ ясно понимая его. Если онъ захочетъ, всѣ будутъ голодать, всѣ будутъ принуж-

дены обходиться безъ чаю, безъ водки. Весь край его данникъ. Начальство отдаленнаго края, столь грозное для мѣщанъ, купцовъ и другихъ мелкихъ людишекъ, предъ нимъ пресмыкается, умильно смотритъ ему въ глаза, ожидая подачки, и онъ кормитъ начальство обѣдами. Онъ многихъ могъ бы обидѣть черезъ начальство, пресмыкающееся передъ нимъ, но онъ добръ и никого не обижаетъ (кромѣ тѣхъ, кто въ чемъ нибудь конкурируетъ съ нимъ). Съ тѣхъ поръ, какъ онъ разбогатѣлъ, онъ сдѣлался добрымъ. Онъ жертвуетъ на церковь, даритъ новыя иконы, поновляетъ старыя, жертвуетъ деньги и товары голодающимъ („все равно не будутъ такъ сыты, чтобы обойтись безъ меня“) и даже устроилъ на свои средства школу. Школа—дѣло хорошее, она ему не помѣшаетъ; можетъ быть, изъ нея выйдутъ хорошіе грамотные прикащики. Пускай себѣ школа будетъ. Ему только не надо, чтобы другіе могли что нибудь достать помимо него: хлѣбъ, масло, водку... Все это они должны купить у него по такой цѣнѣ, по какой онъ хочетъ. „А школа—ничего: пусть себѣ дѣти учатся (У нашего дьячка многому не научатся...)“

Но въ то время, какъ онъ во снѣ достигъ апогея своихъ тайныхъ желаній, странное, неопредѣленное чувство боязни овладѣло имъ и спутало въ его головѣ всѣ его дальнѣйшіе планы, осуществляемые во снѣ. Умный и пріятный сонъ вдругъ сталъ совсѣмъ безтолковымъ. Ему показалось во снѣ, что онъ щука, плаваетъ въ большомъ озерѣ и глотаетъ малыхъ рыбокъ... Но, вотъ, заволновалась вода, откуда-то выплылъ огромный налимъ (какъ онъ попалъ въ озеро?) раскрылъ пасть и хочетъ проглотить его, купца, передъ которымъ трепещетъ грозное начальство отдаленнаго края; онъ уже чувствуетъ себя въ пасти налима. Но озеро исчезло и снится ему, что налимъ—уже не налимъ, а другой купецъ, пришедшій съ востока (съ востока! такъ именно и было предсказано уже давно мудрыми ламутскими шаманами). Какъ то по рѣкамъ онъ ухитрился пригнать цаузки *) съ товаромъ и продаетъ товаръ съ барышемъ только въ 50%. Всѣ кинулись къ новому купцу; его, Ивана Лукича, оставили и все, что онъ закупилъ для промышленниковъ въ Якутскѣ, осталось не проданнымъ и никто этого брать не хочетъ. Онъ долженъ прекратить торговлю и уступить свое мѣсто другому. Непріятно было Ивану Лукичу и во снѣ знать, что есть люди жаднѣе и искуснѣе, чѣмъ онъ. Это отравило прежнія пріятныя сновидѣнія...

Иванъ Лукичъ не былъ свидѣтелемъ дальнѣйшихъ успѣховъ своего конкуррента налима: онъ проснулся. Но онъ не смотрѣлъ на небо, гдѣ уже сверкали звѣзды и свѣтила луна; ни на

*) Названіе судна.

землю, гдѣ ясная ночь стлалась надъ снѣгами; поверхъ бѣлаго покрова стлался другой прозрачный покровъ, сотканный изъ серебристыхъ лучей и трепетныхъ неуловимыхъ, рѣющихся въ воздухъ, тѣней... Онъ смотрѣлъ внутрь самого себя, гдѣ копошились мысли о барышахъ и наживѣ, о всемъ, что кончается съ жизнью человѣка...

А таинственные ночныя тѣни замѣтилъ юкагирь Василій и ему казалось, что это духи лѣсовъ и пустынь летаютъ надъ землей. Они зажгли и погасили зарю и теперь носятся и играютъ въ волнахъ луннаго свѣта. Онъ задумался о томъ, нельзя ли узнать, что говорятъ эти духи человѣку въ тихую лунную ночь, и заснулъ. И ему снилось то, что потомъ сбылось въ дѣйствительности.

Вотъ онъ съ Ѳедотомъ—пріѣхали къ чукчамъ Омолонской стороны. Тамъ были уже люди перваго Омоцкаго рода съ Омолона, люди 2-го Омоцкаго рода съ Нижняго и люди тунгусы съ береговъ моря и „каменные“ *) ламуты съ верховьевъ Колымы. Всѣ эти люди несказанно обрадовались тому, что пріѣхали Василій и Ѳедотъ и привезли съ собой флягу спирту.

Василій разсказалъ всѣмъ людямъ, что фляга заколдована; разсказалъ, какъ она плясала по избѣ вмѣстѣ съ огненными лисицами подъ пѣсни, которыя «игралъ» духъ огня. Всѣ слушатели удивились благодати Провидѣнія, такъ мудро избавившаго Василія отъ лисицы, источника заботъ, и даващаго ему въ замѣнъ флягу, источникъ радостей и веселія. Василій нацѣдилъ въ небольшую фляжку „веселія“, налилъ людямъ всѣхъ родовъ и племенъ по чашкѣ и держалъ къ нимъ рѣчь: „Добрые люди обоихъ омоцкихъ родовъ и балаганчикова рода и добрые друзья чукчи омолонской стороны и чукчи чаунской стороны! Я теперь богатъ и буду поить васъ, а когда вамъ пошлетъ добрый лѣсной духъ дорогихъ лисицъ или песцовъ, то, я думаю, вы будете поить меня».

— Это такъ! Какъ же можетъ быть иначе? говорятъ люди всѣхъ родовъ и племенъ.

Всѣ они пьютъ и поютъ—и чукчи, и ламуты. Дыда прикащикъ, гостившій у чукчей омолонской стороны, тоже пьетъ, хотя и ругаетъ Василія и называетъ его дуракомъ.

— Дуракъ ты, Василій! этэръ-ду **) Дуракъ-ты. Такихъ дураковъ только среди васъ, юкагирь, да ламутовъ и чукчей вижу: даромъ даете водку другимъ. Такой дорогой напитокъ!! Еще такіе дураки, какъ вы, это—преступники***). И неудивительно ли, что

*) Тунгусы, бродящіе по горамъ (камнямъ).

**) Слышишь-ли (як.)

***) Неуголовные ссыльные; уголовныхъ — зовутъ хайлаками.

самые дикіе люди—вы и чукчи и самые ученые, присланные оттуда, изъ Россіи,—оказываются одинаковыми дураками? Нашъ братъ—якутъ, сколько бы на эту флягу песцовъ и лисицъ намѣнялъ....

Но Ѳедотъ промышленникъ посмотрѣлъ грозно на Дыду, точно тотъ былъ звѣремъ, котораго онъ, Ѳедотъ, собирается пронзить пальмой.

— Дыда, а Дыда, говоритъ онъ, слышь-ка, тебѣ такъ можно дѣлать: мѣнять, слышь-ка, водку на лисицъ, потому ты—купецъ, а намъ, слышь-ка, нельзя, потому мы—промышленники, и онъ (духъ промысловъ) не дозволяетъ дѣлать этого... Ну, мы свое и безъ торгу возьмемъ. При этомъ онъ щуритъ глаза и хитро улыбается.

И вѣрно. Когда распили первую фляжечку, чукчи начали приносить гостинцы, кто что могъ: песцовъ, пыжиковъ, живыхъ оленей. Только люди омоцкихъ родовъ, обрусѣвшіе юкагиры и чуванцы, ничего не дали, потому что ничего не имѣли. Тѣмъ не менѣе, Василій ихъ подчивалъ, какъ и всѣхъ.

Отъ перваго чукотскаго стойбища поѣхали на другое уже на оленяхъ: собакъ оставили на прокормъ чукчамъ. За ними потянулись тоже на нартахъ, запряженныхъ оленями, чукчи омонской стороны и люди омолоцкихъ родовъ; а два ламута балаганчикова рода потрусили за ними верхомъ на оленяхъ. Всѣ эти люди были смѣлы и рѣшительны: они готовы были ѣхать за флягой (пока въ ней была огненная вода) до самаго Берингова пролива. Ёхали по рѣчкамъ, по холмамъ, до вечерней зари. Потомъ разложили костеръ изъ тальника на берегу рѣки, сварили оленій бокъ и чай, поѣли плотно, осушили полуведерную фляжечку, и тогда заря показалась всѣмъ еще лучшей, чѣмъ наканунѣ, когда еще фляжечки не было у нихъ. Все увеличилось и выросло въ ихъ глазахъ: горы стали выше и ушли въ небо, долины стали глубже и наполнились серебристо-розовымъ свѣтомъ, деревья кинули длинныя тѣни на снѣга черезъ всю долину отъ тундры на берега Омолона, и у дальняго края лѣсовъ зашевелились какія то тѣни: это лѣсные духи вышли изъ чащи и, взявшись за руки, начали свой хороводъ,—запрыгали по горамъ и понеслись прямо къ звѣздамъ...

Чукчи поглядѣли на потухающіе огни зари, на звѣзды и запѣли дикую пѣснь безъ словъ: „ого-го-го“, а ламуты: „хугой-хо-гэй“, а люди омоцкихъ родовъ и чуванцы запѣли славныя старинныя пѣсни, которыя, два вѣка тому назадъ, принесли вольные русскіе люди на берега Колымы.

Такъ съ пѣснями, черезъ тундру, безъ пути, безъ дороги, пріѣхали на другое стойбище, около вѣски Походской, гдѣ уже были „нижношанщики“ *), пріѣхавшіе покупать оленей. Здѣсь

*) Жители Нижне-Колымска.

выпили ведро изъ заколдованной фляги, а она все не кончается. Тогда Василій, Оедоть и всѣ люди омоцкихъ родовъ и чуванцы (два ламута остались мертвецки пьяные на стойбищѣ) рѣшили ѣхать туда, гдѣ есть дѣвушки, чтобы устроить вечерку съ пѣснями, съ музыкой, съ плясками. Они поѣхали на ближайшую заимку Походскѣ. Вотъ, гдѣ самый интересный, самый веселый вечеръ былъ!

Въ самой просторной избѣ парни и дѣвки устроили хороводъ и пѣли андыльщину *); слагали пѣсни, въ которыхъ дѣвки осмѣивали парней, а парни—дѣвокъ. А случившійся тутъ полу-ламутъ-полу-русскій Егорша спѣлъ пѣсню одинъ; пѣсню про гусей, лебедей; но спѣлъ такъ, что никто ничего не понялъ, а въ ушахъ звенѣло у всѣхъ. Василій поднесъ пѣвцу стаканъ водки и похвалилъ его. На этомъ основаніи Егорша просилъ у публики позволенія повторить пѣсню, такъ какъ онъ еще не совсѣмъ „нажималъ“...

— А какъ понажму, во куда будетъ слышно, сказалъ онъ и показалъ въ ту сторону, гдѣ были стойбища чукчей.

Но слушатели не хотѣли слушать еще разъ пѣсни про гусей, лебедей и Егорша смиренно подчинился волѣ большинства.

Оедогъ и „старички“ пожилые, главы семействъ, сидѣли въ почетномъ углу и потягивали изъ фляжечки. Послѣ трехъ чашекъ они пригорюнились, вспомнили молодость и спѣли пѣсню про „лучинушку“:

Что же ты моя лучина

Не ярко горишь!

Заливался Оедоть и чортъ его знаетъ—откуда у него такой хорошій голосъ взялся!

Переночевавъ въ Походскѣ, Василій съ Оедотомъ и всѣ провожающіе флягу поѣхали на заимку Пантелеиху, чтобы устроить тамъ другую вечерку. Тамъ ихъ догнали верхомъ на оленяхъ два ламута, проспавшіеся у чукчей и опять принявшіе рѣшимость слѣдовать за флягой на край свѣта. На Пантелеихѣ опять пили, пѣли, плясали всю ночь, пока утренняя заря не занялась на вершинѣ горы Бѣлый-Камень, а фляга все не кончается...

Но сонъ Василія кончился.

Оедоть, ѣхавшій впереди на своей нартѣ, внезапно остановилъ собакъ и Василій проснулся, оттого что смолкли звуки, убаюкивавшіе его: покрикиванья Оедота, шаги собакъ, скрипъ полозьевъ по снѣгу;—звуки, обращавшіеся въ пѣнье во снѣ.

— Не выпить-ли, слышь-ка? сказалъ Оедоть, подходя къ нартѣ и устремляя глаза на заколдованную флягу.

*) Эротическія пѣсни, часто импровизированныя.

Рождественскій соборъ въ г. Красноярскѣ.
(Cathédrale de la nativité de Notre-Seigneur à Krasnoiarsk).

Инородцы Томской губ. Бійскаго уѣзда (Алтайцы)
(Indigènes du gouvernement de Tomsh.—Altaitsi).

Василій вынулъ изъ пазухи бутылку, подалъ Ѳедоту, приложился самъ и вдругъ повеселѣлъ. То, что онъ видѣлъ во снѣ, еще не случилось, а еще случится; все это предстоитъ впереди, Сердце его радостно забилося; лѣсной духъ показалъ ему то, что будетъ.

Онъ поглядѣлъ на небо. Оттуда лился свѣтъ изъ безчисленныхъ глазъ, которыми ночь озаряла землю. Луна стояла посреди неба. „Она одна, одинешенька, а свѣтитъ такъ, какъ будто много лунъ“. Все свѣтилось въ ея лучахъ: горы, долины. Деревья, кое гдѣ разбросанныя по тундрѣ, одѣтыя бѣлыми хлопьями снѣга, тоже свѣтились, точно кто то невидимо обсыпалъ ихъ серебряными блестками. Василій обрадовался этому свѣту, наполнявшему молчаливую пустыню; обрадовался тому, что онъ живетъ въ землѣ отцовъ. Онъ свиснулъ на собакъ, загремѣлъ приколомъ *) и запѣлъ свою любимую пѣсню:

У зори у зореньки много ясныхъ звѣздъ...

(Продолженіе будетъ).

По Алтаю.

(Продолженіе, — см. 1 и 2 кн. „Дорожника“ за т. г.).

Въ седьмомъ часу мы уже садились въ повозки, въ которыхъ было запряжено 6 лошадей, и, затѣмъ, отправились въ путь. До подъема на Ожи было версты полторы, которыя мы живо проѣхали. У подошвы горы мы остановились и осмотрѣли: все ли исправно въ упряжи и у экипажей и, благословясь, тронулись въ дальнѣйшій путь.

Гора крутая, высокая. Дѣти и женщины остались въ повозкахъ, а мужчины пошли пѣшкомъ. Проѣхавши не болѣе трети подъема, мы должны были остановиться и подложили подъ заднія колеса экипажей толстыя полѣнья, нарочно захваченныя съ собой татарами, чтобы дать возможность отдохнуть и лошадямъ и людямъ. Я же до того присталъ, что не въ состояніи былъ идти далѣе пѣшкомъ, и потому сѣлъ на телѣгу вмѣсто кучера, а тотъ пошелъ пѣшкомъ.

Отдохнувши съ четверть часа, мы тронулись снова и едва дотянули до двухъ третей подъема — вынуждены были остано-

*) Къ приколу, (длиной аршина $1\frac{1}{2}$) — палкѣ съ желѣзнымъ остриемъ, помогающей останавливать нарту, приделаны на верхнемъ концѣ желѣзные кольца, которыми звенить возница, когда желаетъ ѣхать возможно быстрее. Этотъ звонъ возбуждаетъ собакъ къ бѣгу.

виться снова, потому что лошади, выбившись окончательно изъ силъ, начали останавливаться сами. Главное было плохо то, что ночью здѣсь былъ дождь, дорога стала скользкая, а лошади не кованы. Подложили полѣнья; стали снова. Ну, думаю, слава Богу, до вершины недалеко, отдохнемъ хорошенько и какъ ни-будь поднимемся; дорога видна; какъ змѣйка, вьется въ гору; ни овраговъ, ни уступовъ невидать.

Отдохнули съ полъ-часа и опять тронулись — полземъ потихоньку. Наконецъ, мы и на вершинѣ горы.

Но каково же было наше разочарованіе: сажень черезъ полтора-два передъ нами стояла опять такая же гора, на какую мы только что поднялись. Площадь же, на которой мы стояли, вся была покрыта великолѣпнѣйшей пшеницей. Тутъ были пашни Осинцевъ.

У подошвы новаго подъема опять отдохнули. Отдыхали и на самомъ подъемѣ два раза. Наконецъ, опять достигли вершины, только не настоящей, потому что на 200 саж. передъ нами опять стояла гора. Положимъ, не такая большая, на какія мы поднялись; но, тѣмъ не менѣе, гора довольно внушительная. Площадь же, лежащая между нами и горой, была засѣяна овсомъ и ячменемъ, уже начинающими колоситься.

Пшеницы, какъ оказалось, на этой площади не сѣютъ, потому что она не успѣваетъ доходить (*вызрѣть*); ячмень-же и овесъ родятся хорошіе. Добравшись до послѣдняго пригорка, мы опять отдохнули и поправивъ, что порвалось изъ сбруи, принялись снова за подъемъ. На эту гору мы взобрались не отдыхая, потому что она и поменьше, и главное — поотложе двухъ предыдущихъ.

Ну, слава Богу! на Ожи поднялись. На подъемъ этотъ съ отдыхами мы употребили болѣе двухъ часовъ; только плохо одно — началъ идти небольшой дождь.

Надѣли мои ребята свои непромокаемыя накидки, а я натянулъ кожанъ. Выпрягли лишнихъ лошадей и отправились Ожами.

Дорога шла сначала лощиной, небольшіе увалы которой покрыты всевозможнымъ лѣсомъ. Тутъ вы встрѣтите и кедръ, и пихту, и ель, и березу съ осиною. Трава таежная: медвѣжья пучька, дятель, купоросникъ (родъ папоротника), бурьянъ разнаго рода и все это — выше человѣческаго роста. Подъ ногами скользко; какъ и, вообще, по верхамъ горъ во время ненастья, почва мягкая; подъ ногой ползетъ во всѣ стороны; съ боковъ мочить трава, сверху дождь. Больно плохо!...

Бдемъ, конечно, шагомъ, нога за ногу. Выбоины, колеи глубокіе; толстые коренья вѣковыхъ сосенъ и елей торчатъ на каждомъ шагу. Наконецъ, дорога пошла и серединой лощины, гдѣ оказалось болото, а косогоромъ — тарантасы наши накренились набокъ. Стой!

Спѣшились наши *татара* *)-проводимые; стали по три человека съ боку у каждаго тарантаса и пошли, подперши ихъ плечами, пѣшкомъ. Тарантасы кренятся все больше и больше; мы, мушкетеры, всѣ уже мокрые какъ курицы, шлепаемъ по грязи пѣхтурой. Косогоръ становится круче; вышли и женщины изъ экипажей, вытаскали и дѣтей, разобрали на руки малыхъ; тащимся нога за ногу впередъ.

Дождь, сначала маленькій, разошелся не на шутку. Сыро, холодно, несмотря на то, что іюль мѣсяць. Словомъ—плѣхо изъ рукъ вонъ.

Стой! подѣхали къ оврагу; тарантасы и телѣгу нужно тормозить и спускать на рукахъ.

Усадили женщинъ и ребятъ подъ большую сосну и начали общими силами спускать экипажи.

Выѣхали опять на тропу; смотримъ—дорога пошла не косогоромъ. Посадили женщинъ и дѣтей опять въ повозки и принялись снова шлепать по грязи дальше. А дождь не перестаетъ и лить, какъ изъ ведра.

И этой каторжной дороги — *Ожами*—десять верстъ.

Такъ или иначе, а, наконецъ, послѣ неимовѣрныхъ усилій и всевозможныхъ злоключеній, мы добрались и до перваго спуска съ горы. Затормозили экипажи; отпрягли пристяжныхъ лошадей и принялись спускать сначала телѣгу, а потомъ и тарантасы. Спустившись съ перваго пригорка, мы должны были ѣхать болѣе полуверсты ровною площадью, а потому одни коренники тащить тарантасы были не въ силахъ; довелось припрягать пристяжныхъ; а тамъ опять—спускъ и опять таже исторія. Спустились со второй горы и, пристягнувши пристяжныхъ, ѣдемъ къ послѣднему спуску.

— Ну, думаю, слава Богу, немного осталось,—тамъ спустимся въ долину Бѣи, будетъ лучше, хоть грунтъ земли-то будетъ по-тверже.

Подѣхали и къ послѣднему спуску, и онъ *скрасилъ* всю дорогу, какъ великолѣпный финалъ. Спускъ этотъ ни что иное, какъ почти отвѣсная каменистая стѣна, болѣе семидесяти сажень глубины, съ торчащими по поверхности острыми камнями.

— Да какъ же мы тутъ спустимъ экипажи? Наконецъ, какъ спустимся сами?—спрашиваю я у Осинцевъ.

— Ничего, бѣй, спустимъ! Ничего! Сами то вы пойдете да и лошадей то спустимъ вонъ по этой тропинкѣ! и они показали мнѣ на лѣво на узенькую щель между камнями.

*) Авторъ часто въ множеств. числѣ говорить *татара*,—вмѣсто *татары*. Это мѣстное названіе татаръ. Въ иныхъ мѣстностяхъ говорятъ даже—*татарва*.

Посмотрѣлъ я внизъ. Стѣна стѣной, а ниже, на лугу, чернѣетъ дорожка, по бокамъ которой навалены цѣлыя горы сухаго пихтачу,—и ничего больше.

Ямщики принялись отпрягать пристяжныхъ лошадей, а татары начали рубить три пихты, вершка по три толщины. Смотримъ, что будетъ.

Срубили татары пихты и тащатъ ихъ вмѣстѣ съ вѣтвями и вершинами къ экипажамъ. Подвели къ спуску телѣгу вмѣстѣ съ коренникомъ; затормозили всѣ четыре колеса; положили одну изъ срубленныхъ пихтъ, что по меньше, на заднюю ось телѣги и привязали крѣпко веревкой; сѣли на вершину и вѣтки четыре человека.

— Ну, трогай, благословясь! кричатъ они ямщику.

Тотъ повелъ лошадь подъ гору, самъ держась за оглоблю. Телѣга двинулась впередъ и начала тихимъ шагомъ спускаться подъ гору. Коню ненужно было сдерживать ее, а напротивъ—она держала его самого и ему, чтобы двинуться впередъ, нужно было тащить ее: пихта, крѣпко прижатая къ дорогѣ, съ торчащими на ней сплошь небольшими камнями, не давала телѣгѣ катиться внизъ, а та, въ свою очередь, удерживала и лошадь, и ямщика.

Спустивши такимъ образомъ на лугъ телѣгу, наши комундинцы отвязали отъ оси пихту и, закинувши ее на набросанный около дороги ранѣе лѣсъ, велѣли ямщику, растормозивши телѣгу, отѣхать подальше отъ горы, чтобы было мѣсто, гдѣ остановить повозки, а сами отправились подниматься на гору, той самой тропой, которую мнѣ показывали.

Лишь только комундинцы, спускавшіе телѣгу, поднялись на гору и принялись за тарантасы, мы съ оставшимися на горѣ начали спускаться по указанной намъ тропѣ подъ гору; впередъ повели лошадей; спускъ больно плохъ; но, тѣмъ не менѣе, всѣ мы спустились благополучно. Благополучно спустились Осиновцы и наши тарантасы тѣмъ же способомъ, какимъ спускали и телѣгу.

Подъ горой, когда уже запрягли лошадей, Осиновцы, получивши отъ насъ условленную плату 7 р. 60 коп. и по чашкѣ водки, довольные своей судьбой, отправились къ себѣ въ Осинники, а мы лугомъ поѣхали къ айлу, стоящему верстахъ въ 3-хъ или 4-хъ отъ спуска на берегу Біи.

Айлъ этотъ (домовъ 15) населенъ кочевыми, черневыми Алтайцами. Въ немъ вы найдете не только бойгольца или кергежца, а найдете и пыжинца и теолеса *).

Подъѣзжая къ этому айлу часу въ 8 вечера, (на перевалѣ Ожей съ подъемами и спусками всего 16-ть верстъ нами было

*) Названія инородцевъ, обитающихъ на Алтаѣ. Прим. Редак.

употреблено 13 часовъ), мы проголодавшіеся, какъ волки, перемокшіе до костей и приставшіе какъ собаки, потому что мушны шли почти всю дорогу по грязи пѣшкомъ, рады были, какъ малыя дѣти, тому, что, наконецъ, добрались до мѣста, гдѣ можно будетъ не только обсушиться и отдохнуть, но и поѣсть. О томъ же, чтобы перемѣнить тутъ лошадей, ѣхать тотчасъ дальше,—никто и не заикался; даже Розаевъ, всю дорогу твердившій, что „тихо ѣдемъ—времени много теряемъ, а время страдное“, молчалъ.

Остановились мы на земской квартирѣ. Новый крестовый домъ высокій, какъ каланча, съ миниатюрными окнами. Вмѣсто лѣстницы, положено двѣ длинныя плахи съ прибитыми поперекъ ихъ палками, замѣнявшими ступеньки. Въ комнатахъ темно, грязно и духота. Вмѣсто стульевъ, стоятъ деревянные обрубки, вмѣсто кроватей—широкіе во всю длину комнаты нары, а о столахъ и помину нѣтъ. Черневые татары, вообще, ужасно нечистоплотны и неряшливы. Бѣлья своего и платья никогда не моютъ, о баняхъ и понятія не имѣютъ. Надѣлъ рубаху,—ну, значитъ, и носи ее до тѣхъ поръ, пока она не свалится съ плечъ. Льну и конопли не сѣютъ; ткать и прясть не умѣютъ; покупать миткаль и дешевенькій ситецъ возможность имѣютъ не всегда и не всѣ; а потому и носятъ старое заплатное платье своихъ сосѣдей заимочниковъ, за которое и платятъ имъ работою—баснословную цѣну.

Пріѣхавши на земскую квартиру, мы прежде всего развели на дворѣ огонь, чтобы было гдѣ высушить наше измокшее бѣлье и платье; а затѣмъ попросили у хозяйки что-нибудь поѣсть. Хозяйка не замедлила исполнить нашу просьбу и принесла намъ курмачу, пыштаку копченыхъ сырчиковъ и молока, извиняясь, что толкана готового нѣтъ. Что ѣсть? За принесенныя намъ кушанья мы, кромѣ молока, не знали, какъ и приняться. Попросили у хозяйки хлѣба,—оказалось нѣтъ; его, впрочемъ, кочевые алтайцы, хотя и любятъ ѣсть у сибиряковъ, сами ни когда не стряпаютъ, а довольствуются прѣсными лепешками, испеченными на золѣ; ни мяса, ни огурцевъ, ни картошекъ и никакой зелени не оказалось, потому что даже нѣтъ и огородовъ. Что дѣлать? что ѣсть? Правда, съ нами были хлѣбъ и дорожники, но, вѣдь, если мы все поѣдимъ на одной станціи, то что же будемъ ѣсть далѣе? Да, наконецъ, въ сухомятку то много ли наѣшь?

— Да нѣтъ ли хозяйка на деревнѣ-то у когонибудь продажныхъ казаковъ? спросила моя жена хозяйку старуху („казаками“ Алтайцы зовутъ молодыхъ пѣтуховъ; они, по ихъ понятіямъ, поганы и потому ихъ ѣсть нельзя: въ нихъ, видите ли, живутъ, будто, души ихъ умершихъ родственниковъ).

— Ну, этого добра то нынѣ довольно, отвѣчала хозяйка, у меня у одной штукъ восемь наберется.

— Такъ продай ихъ мнѣ;—почемъ возьмешь?

— Да заимочники берутъ по пятаку за казака,—такъ и я съ тебя дороже не возьму.

— Тащи же своихъ казаковъ!

Притащила старушка цыплятъ. Отдалъ 40 к. Вотъ тебѣ и обѣдъ, благо хлѣбъ и соль есть....

(Окончаніе будетъ).

П. Дмитріевъ.

Изъ Шевченки*).

I.

Минули молодые годы,
Холодный вѣтеръ, непогоды
Уже повѣяли... Зима!
Сиди одинъ въ студеной хатѣ,
Забудь о друзѣ и о братѣ,—
Нѣтъ нікого... жизнь—какъ тюрьма!
Сиди одинъ, пока надежды
Совсѣмъ оставятъ, осмѣютъ
И окуютъ морозомъ вѣжды,—
Рой гордыхъ думъ въ мигъ разнесутъ
Словно снѣжиночку въ степи...
Сиди одинъ-же на печи!
Не жди весны—блаженной доли.
Она ужъ не придетъ, чтобъ поле
И садикъ твой позеленить,
Твои надежды воскресить,
И думу вольную на волю
Она не выпуститъ... Сиди—
И нічего себѣ не жди!

*) 26 февраля 1861 года умеръ славный украинскій поэтъ Тарасъ Григорьевичъ Шевченко. Слѣдовательно, въ текущемъ году исполнилось сорокъ лѣтъ со дня его смерти. Стихотворенія Шевченки проникнуты высокимъ лиризмомъ и любовью къ народу. Мы надѣемся въ нашемъ изданіи дать рядъ переводовъ изъ этого замѣчательнаго поэта, хотя переводъ его стихотвореній на русскій языкъ представляетъ большія трудности именно въ виду большаго сходства малорос. языка или нарѣчія съ великорусскимъ языкомъ.

II.

Доля.

Ты не лукавила со мною,
 Ты другомъ, братомъ и сестрою
 Была сироткѣ. Ты взяла
 Ребенка малаго за руку
 И въ школу хлопца отвела
 Къ дьячку-пропоицѣ въ науку.
 „Учись, родимый!“—ты сказала.
 „Мы въ „люди“ выйдемъ“,—но сомала.
 Учился я,—но для чего?
 Изъ насъ не вышло ничего!
 Но не кривили мы душою,
 Мы шли дорогою прямой,
 И нѣтъ за то у насъ съ тобою
 Зерна неправды за собой.
 Идемъ-же, доленька моя,
 Мой другъ убогій, нелукаво...
 Впередъ! впередъ! тамъ дальше—слава,
 А слава—заповѣдь моя!

Всеv. Сибирскій.

Г. Павлодаръ Семипалатинской обл.

(Очеркъ).

Тамъ, гдѣ быстрыя волны широкаго Иртыша, какъ бы съ разбѣгу, круто поварачивая, ударяются въ берегъ, принимая въ своемъ теченіи рѣку Усолку, тамъ на правомъ высокомъ песчаномъ берегу широко и вольно раскинулся среди безбрежной степи уѣздный городъ Павлодаръ. Далеко виднѣются крыши домовъ и кресты Павлодарскихъ церквей. Точно оазисъ въ пустынѣ, кажется вдали этотъ небольшой городокъ среди песчаной однообразной степи. И утомленный путникъ, ѣдущій почтовымъ Семипалатинскимъ трактомъ, проходящимъ цѣлыя сотни верстъ по степи, гдѣ лишь изрѣдка попадаются небольшія казачьи станицы, съ удовольствіемъ въѣзжаетъ въ Павлодаръ.

Почтовый трактъ до Павлодара все время идетъ, почти отъ самаго Омска, вдоль праваго берега рѣки Иртыша, то приближаясь, то удаляясь отъ него. Слѣва въ сторону тракта тянется однообразная степь, покрытая мелкою растительностію, а справа — широкій Иртышъ катитъ свои мутныя волны куда то далеко на сѣверъ къ Ледовитому океану. Скудна и однообразна здѣсь природа.

Только тамъ, гдѣ мѣстность образуетъ изъ себя луговины, покрытыя высокою и густою травою, тамъ лишь глазъ путника нѣсколько отдыхаетъ, изрѣдка любясь попадающимися здѣсь живописными мѣстами, но и это бываетъ лишь раннимъ лѣтомъ, когда палящее солнце еще не успѣетъ своими жаркими лучами выжечь и спалить здѣсь зеленую, мѣстами роскошную для этихъ мѣстъ, растительность. Въ общемъ же туристъ, непривыкшій къ степи, все время ѣзды по этому тракту чувствуетъ невольно какое-то замирающее одиночество.

Не то совсѣмъ впечатлѣніе выносить путникъ, ѣдущій изъ Омска въ Павлодаръ, на пароходѣ. Здѣсь картины совсѣмъ иныя.

Высокій правый, почти сплошь песчаный берегъ Иртыша совсѣмъ скрываетъ отъ него степь, а лѣвый низкій берегъ то и дѣло открываетъ роскошные луга, покрытые пышною растительностію. Извилистый Иртышъ то и дѣло дѣлаетъ зигзаги: то, круто изгибаясь, онъ какъ бы поворачиваетъ назадъ, то, выпрямившись, точно струна, ровно и прямо несетъ онъ свои быстрыя воды; то, какъ бы съ разбѣгу, ударяясь въ высокій берегъ, онъ, отскакивая назадъ, забѣгаетъ куда то далеко въ сторону, чтобъ снова принять свое прежнее направленіе.. Тамъ Иртышъ обогнулъ казачью станицу, показавъ лишь верхушки ея строеній, а здѣсь, широко разлившись, набросалъ нѣсколько причудливыхъ, покрытыхъ зеленою, острововъ; тамъ онъ, точно подкопавшись, изрылъ высокій песчаный берегъ, а здѣсь, въ самой срединѣ своего теченія, протянулъ для чего то длинную косу — песчаную мель. Быстрый и проворный, онъ точно удержу не знаетъ, гдѣ хочетъ — тамъ и катитъ свои воды, изъ года въ годъ мѣняя мѣстами свое прежнее русло.

Съ шумомъ и плескомъ несетъ пароходъ, разсѣкая мутныя волны Иртыша, оставляя за собой пѣнящіеся валы; волны рокочутъ, ударяясь о корму и съ шумомъ и стономъ убѣгаютъ назадъ. А солнце съ высоты жжетъ и палитъ своими горячими лучами и быстро несущійся пароходъ, и окрестныя воды, и купающійся въ водахъ низкорослый тальникъ. Палящіе лучи солнца, дробясь и разсыпаясь на тысячи мелкихъ лучей, точно золотомъ сверкаютъ, искрятся и играя серебристою зыбью быстро текущихъ водъ. А ночью, на примѣръ, когда серебристая луна, величественно изъ за облаковъ выплывая, разомъ отразится тысячами

огней въ темныхъ водахъ Иртыша, а эти миріады звѣздъ, отражающіяся въ немъ и смотрящія на васъ изъ глубины со дна спящихъ водъ... Хорошо и пріятно ѣхать въ это время по Иртышу.

Но, вотъ, вы на пароходѣ подъѣзжаете къ Павлодару. Города съ рѣки почти совсѣмъ не видать. Высокій песчаный берегъ скрываетъ его, лишь только, стоящіе на берегу Усолки, окрашенные дома показываютъ вамъ, что здѣсь городъ. Съ шумомъ и гуломъ пароходъ причаливаетъ къ берегу. Пароходы, баржи, плоты, лодки разныхъ видовъ и размѣровъ, длинной и пестрой полосой вытянулись вдоль берега. На берегу шумъ и движеніе. Вездѣ мелькаютъ пестрые халаты загорѣлыхъ киргизъ; ихъ разноцвѣтные головные уборы („малахай“) пестрѣютъ и тутъ-тамъ. Вездѣ, въ перемежку съ русской, слышится киргизская рѣчь.

Пройдя рядъ мытарствъ и совершивъ путешествіе со своимъ багажемъ вслѣдъ за носильщиками-матросами по длиннымъ рядамъ баржъ, заваленныхъ товаромъ, вы, наконецъ, вздохнувъ свободно, выбираетесь на берегъ. Тотчасъ къ вамъ подлетаетъ цѣлая куча извозчиковъ-киргизъ, предлагая свои услуги и хватая вашъ багажъ. Вы справляетесь о цѣнѣ; съ васъ, по обыкновенію, „заламываютъ“, если видятъ, что вы въ первый разъ въ Павлодарѣ, и тамъ, гдѣ обыватель платитъ гривенникъ, а то и пятакъ, вамъ, какъ новичку, придется заплатить 30—40 коп.

Поднявшись на гору, вы сразу-же въѣзжаете въ самый городъ. Весь городъ передъ вами, точно на ладони. По срединѣ самага города во всю его длину тянется одна улица—главная, называемая „Телеграфной“. Названіе ея вполне оправдывается по массѣ телеграфныхъ проводовъ и тѣмъ, что въ срединѣ этой улицы помѣщается почтово-телеграфная контора. Это единственная хорошая улица во всемъ городѣ. Здѣсь сосредоточены и лучшія постройки, здѣсь же находится и большинство правительственныхъ учрежденій, имѣющихся въ городѣ. Въ самой срединѣ этой улицы—огромная базарная площадь, мѣстами застроенная рядами довольно приличныхъ для города магазиновъ и мелкихъ лавочекъ-будокъ. Остальныя улицы города, которыхъ, надо сказать, очень немного, рѣшительно не обращаютъ на себя никакого вниманія. Построекъ хорошихъ мало, особенно на окраинахъ города, гдѣ ютится бѣдность. Здѣсь вы увидите даже землянки. Да и въ срединѣ города попадаются дома безъ крышъ, иначе сказать—однѣ выведенныя и достроенныя стѣны; крышу же у нихъ замѣняетъ потолокъ, въ изобиліи заваленный разными бревнами и землей. Съ такими крышами попадаются и каменные одноэтажные дома.

Вообще, вездѣ виденъ недостатокъ въ лѣсѣ. Почти вездѣ отсутствіе зелени. Улицы, особенно окраинныя, съ цѣлыми горами наноснаго песку; нѣкоторые дома и заборы прямо таки завалены пескомъ, въ особенности на береговой улицѣ.

Въ Павлодарѣ всего лишь три церкви, не отличающіяся ни богатствомъ, ни красотою. Одна на базарѣ, другая на Троицкой улицѣ, а третья—кладбищенская. Послѣдняя еще только строится. Кромѣ того, есть еще магометанская мечеть.

Въ городѣ есть нѣсколько транспортныхъ конторъ: братьевъ Каменскихъ, страховыхъ обществъ „Россія“ и „Надежда“; затѣмъ, есть аптека, пріемный покой или киргизская больница, охотно посѣщаемая киргизами, общественная библіотека, музей и общественное собраніе. Изъ учебныхъ заведеній: городское мужское трех-классное училище, мужская сельскохозяйственная школа и городское женское приходское училище. Кромѣ того, есть и киргизскія частныя школы, а также татарскія.

Въ общемъ, Павлодаръ далеко не изъ бѣдныхъ городовъ. Въ немъ есть нѣсколько хорошихъ магазиновъ съ большими торговыми оборотами. Отмѣтимъ изъ нихъ: магазинъ мѣстнаго богача-милліонера, золотопромышленника и извѣстнаго въ округѣ благотворителя почетнаго гражданина г. Павлодара Артемія Ивановича *Дерова*, имѣющаго магазины и въ Семипалатинскѣ; затѣмъ, два магазина *Сурикова*, винно бакалейный и мануфактурный; магазины *Галкина*, *Зайцева*, *Антыкина* и др. Товары для этихъ магазиновъ доставляются обыкновенно или сухопутнымъ путемъ зимою, или лѣтомъ на пароходахъ. Товары закупаются на Нижегородской или Ирбитской ярмаркѣ, а иногда выписываются изъ Омска, Москвы и др. городовъ. Привозимые товары (мануфактурные), особенно изъ модныхъ вещей, обыкновенно подолгу ожидаемые, мѣстными жителями быстро раскупаются и въ очень короткіе сроки; такъ иногда случается, что во всемъ Павлодарѣ нигдѣ нельзя достать не только обуви и одежды, но и самой простой вещи.

Въ Павлодарѣ всего лишь одна гостинница съ номерами, и то лишь недавно выстроенная и не пользующаяся хорошою репутаціей, такъ какъ не удовлетворяетъ даже самымъ скромнымъ требованіямъ. Большинство пріѣзжающихъ чаще останавливаются на постоялыхъ дворахъ. Квартиръ въ городѣ очень мало, а тѣмъ болѣе порядочныхъ. Объясняется это тѣмъ, что почти всѣ жители—сами домохозяева, а потому какъ спросъ на квартиры, такъ и предложеніе ихъ совсѣмъ незначительны.

Кстати, скажемъ о томъ, что жизнь въ Павлодарѣ, хотя и небольшомъ городѣ, нельзя назвать дешевой. Цѣны на продукты, кромѣ мяса, стоятъ иногда высокія. Квартиры—тоже дорогія.

Въ административномъ отношеніи городъ раздѣляется на двѣ половины: собственно *городъ*, недавно образованный, и, затѣмъ, *казачья станица*, въ которой живутъ почти исключительно казаки. Эта часть самая древняя; существуетъ еще со времени покоренія этого края. Въ ней находится казачье станичное управленіе; здѣсь же живетъ и все казачье начальство станицы и самъ станичный атаманъ.

Во главѣ управленія городомъ и уѣздомъ стоитъ уѣздный начальникъ и его помощникъ. Канцелярія уѣзднаго начальника находится въ самомъ центрѣ города; тутъ же по сосѣдству находится и уѣздное полицейское управленіе. Полиція состоитъ изъ казаковъ. Ея немного, такъ какъ городъ довольно спокойный и полиціи здѣсь, вообще, очень мало работы. Кражи и другія преступленія здѣсь—рѣдкое явленіе. Хотя въ послѣднее время, съ началомъ постройки Воскресенской желѣзной дороги, находящейся въ 40 верстахъ отъ Павлодара, въ городѣ чаще стали случаться кражи, производимыя, главнымъ образомъ, пріѣзжимъ элементомъ—рабочими съ желѣзной дороги и каменноугольныхъ копей...

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ)

*
* *

Замолчи, неотвязная дума!
 Не буди мирный сонъ бѣдняка!
 Мысль его отъ житейскаго шума
 И житейскихъ тревогъ далека...

*
* *

Замолчи! Быстролетныя грезы
 Возвратятъ его скоро къ тебѣ...
 На земль такъ нужны его слезы,
 Такъ нужны онъ въ вѣчной борьбѣ!

М. С. Кларинъ.

*
* *

Море бушуетъ, воеетъ и плещетъ,
 Волны грохочутъ и бьютъ мнѣ въ глаза;
 Сердце-же ноетъ, стучитъ и трепещетъ;
 Мысль то заглохнетъ, то ярко заблещетъ...
 Въ морь и въ сердце—бушуетъ гроза!

*
* *

Море утихло—и сердце уснуло.
 Больше не бьетъ объ утесы волна.
 Все, что такъ ярко въ душѣ промелькнуло,—
 Все улеглося, утихло, заснуло...
 Въ морь и въ сердце—стоитъ тишина!

П. Кузьминъ.

AUTO-DA-FÉ.

(Двѣ картинки).

Давно это было.....

Желѣзная дорога только что перерѣзала Ур—ій хр—ъ и четвероное население лѣсовъ съ удивленіемъ глядѣло на невиданное до того чудовище, со свистомъ и шипеніемъ носящееся по горамъ, съ быстротою заморенной крестьянской клячи.

Станціонное начальство новой дороги еще не освоилось со своими обязанностями и ошибочно думало, что они заключаются въ выпивкѣ, охотѣ и игрѣ въ винтъ.

Дорога всецѣло поступила въ распоряженіе стрѣлочниковъ, путевыхъ сторожей, станціонныхъ насильщиковъ и т. п. люда, совсѣмъ незнакомаго съ, такъ называемымъ, высшимъ техническимъ образованіемъ. Иногда развѣ къ этому „начальству“, присоединялся младшій телеграфистъ, который, получивъ телеграмму: „погрузили слона“, что означало выѣздъ какого либо крупнаго начальства, надѣвалъ красную шапку станціоннаго агента и выходилъ на встрѣчу поѣзду съ рѣдкимъ грузомъ. Потомъ, въ свою очередь, давалъ телеграмму: „слона провезли“ и опять на станціи водворялась прежняя безмятежная жизнь, до новой телеграммы.

Хорошо въ то время жилось желѣзнодорожному начальству новой дороги,—не то, что теперь. Оклады получались приличные, а дѣла никакого дѣлать не приходилось.—Живи, какъ у Христа за пазухой!

Крушеній на дорогѣ было не больше двухъ въ день, да и за тѣ отвѣчали дѣйствительные виновники: стрѣлочники, дровоклады и прочая желѣзнодорожная „мелкая сошка“, а начальства никто не беспокоилъ, ибо,—разсуждали,—оно „не вредное“: играетъ себѣ въ винтъ, да водочку попиваетъ, а слѣдовательно, и въ крушеніяхъ виновато быть не можетъ.—Да и то сказать,—самый лютый недругъ, какого нибудь, тамъ, начальника движенія, или пути не рѣшится же обвинять котораго либо изъ нихъ въ крушеніи, на томъ основаніи, что одинъ—вмѣсто туза десяткой сходилъ, а другой, имѣя на рукахъ даму, семеркой откинулся, благодаря чему они же въ пикуномъ шлемѣ безъ трехъ остались.—Довольно имъ и этой непріятности!

Такъ вотъ, повторяю, жило начальство желѣзнодорожное, въ тѣ времена, какъ говорится въ сказкѣ, „припѣваячи, никакого горюшка не знаючи“.

Особенно хорошо жилось начальнику станціи „Баш—ая“, расположившейся на Европейскомъ предгорьѣ Ур—а.

Благодаря близости города и чудной предгорной мѣстности, въ которой пристроилась станція, а также изобилію дичи въ лѣсахъ и рыбы въ рѣкѣ, „Баш—ая“ была излюбленнымъ мѣстомъ всякаго желѣзнодорожнаго начальства и потому, естественно, что и „володѣть“ ею былъ посланъ излюбленный же человѣкъ.

Александръ Силычъ Надгонорбовъ сидѣлъ въ Баш—ой съ съ перехода дороги въ эксплуатацію и на Бога не ропталъ: жилось хорошо. Приличная квартира, цѣлая армія даровой прислуги, въ лицѣ станціонныхъ сторожей, стрѣлочниковъ и ихъ женъ, обиліе „вѣжливыхъ“ грузоотправителей и грузополучателей,—все это дѣлало жизнь Александра Силыча такою именно, какою она и должна быть у начальника крупной желѣзнодорожной станціи.

Да и не одному Надгонорбову станція „Баш—ая“ скрасила жизнь: вѣтка отъ нея на пристань большой судоходной рѣки сильно привлекала сюда вниманіе начальника движенія, а обильные ключи, пробивающіеся въ самомъ полотнѣ дороги и постоянно разсасывающіе это полотно, сдѣлали то, что начальникъ пути почти безвыѣздно жилъ въ „Баш—ской“.

Благодаря всѣмъ этимъ совпаденіямъ, винтъ у Надгонорбова почти не прерывался, а радушный хозяинъ былъ на самомъ лучшемъ счету у начальства. Но особенно тѣсная дружба установилась между Надгонорбовымъ и начальникомъ движенія Василемъ Осиповичемъ Геніевымъ и послѣдній почти безвыѣздно жилъ на станціи.

Въ описываемый вечеръ они также были вмѣстѣ и, въ компаніи еще съ двумя хорошими пріятелями, рѣзались „по маленькой“...

Но тутъ я долженъ вернуться дня на два назадъ и перенести читателя на другой склонъ Ур—а—къ станціи „Зол—ая“.

„Зол—ая“ стоитъ между послѣдними отрогами Ур—аго хр—а и, для незнакомаго съ мѣстностью путника, можетъ показаться совершенно одинокою. Но это только „такъ кажется“; въ дѣйствительности же, за всящейся, почти у самой желѣзнодорожной линіи, горою кипитъ жизнь довольно большого городка, а кругомъ, по падамъ и рѣчушкамъ, гнѣздится масса золотыхъ промысловъ, селъ и деревень, центромъ которыхъ, какъ экономическимъ, такъ и административнымъ, является стоящій за горою городокъ.

Такъ вотъ, перенесясь изъ «Баш—ой» въ „Зол—ую“, мы застаемъ на этой станціи небольшой поѣздъ, на каждомъ вагонѣ котораго вывѣшено по два красныхъ флажка. Это—воинскій поѣздъ, поданный для партіи новобранцевъ. Въ поѣздѣ всего шесть или семь вагоновъ, но за то всѣ они достаточно

вмѣстительны: „сорокъ человѣкъ—восемь лошадей“—четко написано на каждомъ; только одинъ вагонъ второго класса,—для сопровождающихъ партію воинскихъ чиновъ.

Паровозъ уже „на всѣхъ парахъ“ и платформа станціи кишитъ народомъ: тутъ и отправляющіеся, и провожающіе.—Слышны иѣніе, плачь, брань, угрозы, благословенія и т. п.

— Что я безъ тебя, Ванюша, дѣлать то буду,—плаксивымъ голосомъ причитаетъ старушка, повиснувъ на шеѣ молодого красиваго новобранца,—какой онъ мнѣ кормилецъ!—Вся надежда моя на тебя была, голубчикъ ты мой!

— Не плачь, маменька,—никто, какъ Богъ!—утѣшаетъ новобранецъ.

— Пропаду я, Ванюшка, пропаду,—чувствуетъ мое сердце,—не дожждаться мнѣ тебя, соколъ ты мой!—захлебываясь слезами, причитаетъ мать.

— Эхъ, полно маменька тужить—не одинъ буду служить!—оретъ какой то пьяный парень, проходя мимо.

Въ другомъ мѣстѣ опять слезы.—Здѣсь провожаетъ молоденькая бабенка.

— Миша, голубчикъ, проситъ она, слезливымъ голосомъ,—хлопочи ты, пожалуйста! Вѣдь, мы поженились то еще, когда матушка твоя жива была, а Петръ Степанычъ говоритъ—законъ такой есть, чтобы кто при родителяхъ женился—тѣхъ въ въ солдаты не брать.

— Будетъ тебѣ, Катя,—гдѣ ужъ намъ до законовъ доискиваться!—служить, должно быть, надо, такое ужъ счастье наше, видно. Ты лучше, вотъ, продай что можно, да пріѣзжай ко мнѣ, куда тамъ меня назначутъ—я напишу; не оставайся тутъ солдаткой жить, а то не будетъ добра;—знаешь, вѣдь, у насъ на пріискахъ порядки какіе!

— *Гремитъ слава ерой*;—реветъ подвыпившая компанія новобранцевъ, побѣдоносно шагая по платформѣ, взявшись подъ руки и лукаво подмигивая стоящей въ сторонѣ компаніи женской молодежи.

Станціонный колоколь залился дребезжащимъ звономъ и закончилъ двумя четкими ударами.

— Садись, ребята! Живо!—раздался голосъ унтера.

Новобранцы кинулись къ вагонамъ, на ходу прощаясь съ родными.

— Слышишь, отецъ,—скажи Варькѣ, чтобы, тово, помнила, а то вернусь—плохо будетъ! кричитъ какой то парень, выставя голову въ крошечное оконце вверху вагона.

Раздался рѣзкій свистокъ кондуктора, въ отвѣтъ коротко рывкнулъ паровозъ и поѣздъ тронулся.

Чрезъ минутѣ колеса вагоновъ громыхали на скрѣпленіяхъ, и изъ оконъ несло нескладное пѣніе.

На станціонной платформѣ между провожавшими слышались рыданія.

На станцію „Баш—ая“ поѣздъ пришелъ поздно вечеромъ на вторые сутки. Все начальство станціи было „занято“ винтомъ „по маленькой“ съ начальниковъ движенія и потому къ поѣзду никто не вышелъ, а сдѣлано было только распоряженіе „откатить на запасные пути“.

Зачѣмъ понадобилось Надгонорбову поставить поѣздъ на запасный путь,—послѣ никто объяснить не могъ;—но такъ какъ распоряженіе было отдано въ присутствіи начальника движенія, то и выполнено было безъ разсужденія.

Нѣкоторые новобранцы попытались, было, выйти изъ вагоновъ, но этого имъ не позволили, въ виду того, что поѣздъ „долженъ сейчасъ тронуться“, а чтобы они не разбрелись самовольно—двери вагоновъ завязали снаружи проволокою, какъ дѣлается для наложенія пломбы.

Винтъ у начальника станціи затянулся далеко за полночь и сквозь тяжелыя оконныя занавѣски уже начала пробиваться блѣдная полоска свѣта, когда, вдругъ, раздался тревожный свистокъ паровоза.

„Начальство“ сначала не обратило на это вниманія; но, вотъ, свистокъ повторился еще и еще. Очевидно, на станціи случилось что-то неладное. Приходилось, какъ это не непріятно, бросить недоигранный робберъ и выйти освѣдомиться о случившемся. Станція въ это время уже вся ожила,—всюду бѣжали люди съ баграми, ведрами, лѣстницами. Видно было, что творится что-то необыкновенное.

— Что тамъ такое? остановилъ Александръ Силычъ бѣгущаго стрѣлочника.

— Пожаръ, ваше благородіе: вагоны на запасныхъ путяхъ горятъ. — отвѣтилъ тотъ и побѣжалъ дальше.

Винтеры наскоро одѣлись и тоже направились въ сторону виднѣвшагося дыма.

Еще далеко, не доходя до мѣста пожарища, они слышали нечеловѣческіе крики, а приблизившись, увидѣли страшную картину: горѣлъ вагонъ съ новобранцами,—два другіе—загарились. Изъ вагоновъ неслись крики и стоны; новобранцы старались отворить горящія двери, но они были хорошо завязаны проволокою.

Нѣкоторые изъ новобранцевъ попробовали вылѣзть чрезъ узкія окна, но завязли въ нихъ и жарились, какъ на вертелѣ.

Картина была неподдающаяся описанію: жарили живыхъ людей и никто не зналъ, какъ помочь бѣдѣ. Вода, плескаемая

изъ ведеръ, казалось, только еще больше разжигала пламя. Приблизиться паровозу съ пожарнымъ рукавомъ было невозможно, ибо всѣ пути оказались загроможденными вагонами и нужно было сначала очистить пути, чѣмъ и были заняты паровозы.

Даже расцѣпить вагоны, чтобъ откатить еще не загорѣвшіеся, никто не догадался; также не догадались и выпустить новобранцевъ изъ негорящихъ вагоновъ;—всѣ столпились около горѣвшаго и, безъ толку, мѣшали другъ другу.

Передвигаемые по путямъ вагоны, свистки паровозовъ, стукъ буферныхъ тарелокъ—еще болѣе усиливали суету; можно было ожидать, что вотъ-вотъ стрясется какая нибудь новая катастрофа: люди, снующіе въ полумракѣ между движущимися вагонами, ежеминутно рисковали быть раздавленными.

Мучительная смерть всей партіи новобранцевъ казалась неизбежной.

Вдругъ раздался лязгъ сцепленій. Еще минута и поѣздъ съ горящими вагонами тронулся. Очевидно, нашелся человѣкъ, рѣшившійся дѣйствовать, не ожидая распоряженій начальства,—на свой страхъ.

Этимъ человѣкомъ оказался машинистъ одного изъ паровозовъ; но куда и зачѣмъ онъ повелъ поѣздъ—никто не зналъ;—да никто и не задался этимъ вопросомъ.—Всѣ видѣли только, что мучительной сценѣ приходитъ конецъ, и всѣмъ стало какъ будто легче. Въ первый моментъ нѣсколько человѣкъ бросились даже къ заднимъ вагонамъ и начали ихъ подталкивать, помогая паровозу;—до того люди растерялись.

Наконецъ, поѣздъ остановился.

— „Пускай воду!“ —раздалось съ паровоза.

Оказалось—машинистъ подвелъ горящій вагонъ подъ водопроводный рукавъ водоемнаго зданія, съ помощью котораго, обыкновенно, снабжается водою паровозъ. Широкая струя воды плеснула изъ рукава и поѣздъ тихонько задвигался подставляя подъ спасительную струю то то, то другое мѣсто горѣвшаго вагона.

Когда прибѣжалъ оставшійся на мѣстѣ сначала пожара народъ—къ вагону можно было уже приблизиться. Откуда-то появились топоры и черезъ двѣ-три минуты стѣны вагона были прорублены во многихъ мѣстахъ... Но тутъ рухнуло верхнее строеніе вагона и придавило оставшихся въ живыхъ новобранцевъ...

Когда пожаръ былъ прекращенъ окончательно, оказалось, что нѣсколько человѣкъ совершенно обуглились; остальные получили болѣе или менѣе сильные ожоги.

Солнце выглянувшее въ это время изъ-за горъ, освѣтило страшную, невиданную еще картину: на полотнѣ дороги рядъ обуглившихся труповъ. Тутъ-же другой рядъ живыхъ головней, издающихъ раздирающіе душу стоны.

Въ тотъ же день въ „Баш—ю“ наѣхало масса всякаго рода начальства: желѣзнодорожнаго, судебнаго, жандармскаго и пр. Началось слѣдствіе.

Дѣло было слишкомъ громкое и свалить вину на однихъ стрѣлочниковъ было невозможно....

Вмѣшалось военное начальство и Надгонорбову, Геніеву и нѣкоторымъ другимъ пришлось понести отвѣтственность въ видѣ временнаго удаленія отъ должности.

Впрочемъ, всѣ они, потомъ по разслѣдованіи дѣла, оказались „невиновны“ и вновь были приняты на ту же дорогу только нѣкоторыхъ пришлось перевести въ другую службу.

Виновными оказались: на бумагахъ—путевой сторожъ, приходившій спрашивать, какъ поступить съ воинскимъ поѣздомъ, въ то время, когда Надгонорбову пришелъ большой шлемъ безъ козырей, а на дѣлѣ—желѣзнодорожная экономія, освѣтившая вагоны съ новобранцами—вмѣсто свѣчей—керосиномъ...

Дольше всѣхъ подвергся опалѣ начальникъ дороги, но и онъ, въ концѣ концовъ, получилъ мѣсто.....

И вся эта исторія была забыта всѣми..... кромѣ матерей и жёнъ погибшихъ новобранцевъ.....

Братскій.

По поводу необходимости учрежденія въ Томскѣ таможни*).

Согласно Высочайше утвержденному, 4 іюня 1899 года, мнѣнію Государственнаго Совѣта, съ 1-го іюля того года были открыты таможни въ городахъ Челябинскѣ, Тюмени и Красноярскѣ. А такъ какъ ранѣе открытія этихъ таможенъ Томское Городское Общество, въ лицѣ своихъ представителей—гласныхъ думы, признавало полезнымъ учрежденіе въ Томскѣ таможни и ходатайствовало передъ правительствомъ по сему предмету, то губернская администрація, останавливаясь на представленіи этого ходатайства въ Министерство Внут. Дѣлъ, предложила Городскому Общественному Управленію предварительно разсмотрѣть и обсудить вопросъ: „На сколько цѣлесообразнымъ и полезнымъ являлось бы открытіе нынѣ таможни въ гор. Томскѣ, такъ какъ прежнее ходатайство города объ открытіи ея въ Томскѣ имѣло основаніемъ своимъ тотъ доводъ, что въ то время существовали тамож-

*) Даемъ мѣсто этой статьѣ въ виду того интереса, который, несомнѣнно, представляетъ затронутый въ ней вопросъ. Примѣч. Редак.

ни только въ гор. Москвѣ и Иркутскѣ, въ районѣ же между ними таможенного надзора не было; теперь же, согласно упомянутому мнѣнію Госуд. Совѣта, открыты таможни въ гор. Челябинскѣ, Тюмени и Красноярскѣ и потому: не утеряло-ли ходатайство думы тотъ *вѣсъ и значеніе*, которые оно имѣло до открытія этихъ трехъ таможенъ?"

Городская Дума, не приводя никакихъ мотивовъ, въ засѣданіи 16/30 декабря 1899 года журналомъ за № 295, разрѣшила этотъ вопросъ въ томъ же направленіи: „Продолжать ходатайство объ учрежденіи таможни въ гор. Томскѣ, съ *представленіемъ соображеній*, что таковая необходима для нуждъ края, расположеннаго въ верховьяхъ Оби и на Томи, не смотря на существованіе таможенъ въ Челябинскѣ, Тюмени и Красноярскѣ“.

Но развить и представить эти *соображенія* Городская Управа въ теченіе цѣлаго 1900 года не подумала; вопросъ о Томской таможнѣ остается открытымъ вопросомъ; однако къ разработкѣ его представляются, по нашему мнѣнію, слѣдующія соображенія.

1. Съ открытіемъ означенныхъ трехъ таможенъ, ходатайство Томскаго Городскаго Общества объ учрежденіи собственно Томской таможни не потеряло своего „вѣса и значенія“, потому что изъ числа заграничныхъ товаровъ, слѣдующихъ по желѣзной дорогѣ въ адресъ города Томска, будутъ подвергаемы надзору Челябинской таможни и оплатѣ тамъ таможенною пошлиною только тѣ, которые, въ силу тѣхъ или другихъ условій путислѣдованія, обойдутъ Московскую таможню, или тѣ, которые, согласно „Высочайше утвержденному, въ 3 день іюля 1898 года Положенію Комитета Министровъ. *будучи предназначаемы для потребленія исключительно въ предѣлахъ Сибири*“, проникнутъ въ Европейскую Россію съ Карскаго моря, равно какъ и всѣ тѣ иностранныя машины и товары, которые поименованы въ статьяхъ 1 и 2 того же Положенія Комитета Министровъ и при вывозѣ ихъ изъ Западной Сибири въ Европейскую Россію, подчинены обще-Европейскому таможенному тарифу.

Въ этихъ исключительныхъ случаяхъ, во 1-хъ, Челябинская таможня, стоя на границѣ Россіи и Сибири, только и можетъ имѣть косвенное значеніе: въ частности — по отношенію къ Томску и вообще — по отношенію къ остальной западной Сибири: Тобольской губерніи, Семипалатинской, Акмолинской и Семирѣчинской областямъ болѣе или менѣе ближайшимъ географическимъ соприкосновеніемъ ихъ съ мѣстностями и пристанями, расположенными по верхнему и нижнему теченію р. Иртыша, хотя доставляемые оттуда товары на Самаро-Златоустовскую ж. дорогу, привозимые черезъ Обдорскій портъ, также можно доставлять и обратно черезъ Иртышъ, — на примѣръ, до ж. дорожной станціи Омскъ, какъ возможно для мѣстностей Томской губерніи доставлять ихъ обратно черезъ Обь, — на примѣръ, до ж. д. станціи „Обь“; 2-хъ, Тюменская таможня учреждена, преимущественно, для надзора за машинами и товарами, проходящими тѣмъ или другимъ путемъ въ мѣстности Тобольской губерніи и Степныхъ областей и въ 3-хъ, Красноярская таможня открыта въ виду горнозаводскаго и золотопромышленнаго дѣла Енисейской губерніи, вызывающаго спросъ на заграничныя машины и товары, провозимые Карскимъ моремъ черезъ устье рѣки Енисея во внутрь Енисейской губерніи и далѣе въ Восточную Сибирь — мѣстности Иркутской губерніи и ближайшія къ ней — мѣстности Якутской области (гдѣ золотопромышленность по рр. Ленѣ и Витиму) а также Забайкальскую область.

Но никакого *прямаго* отношенія къ городу Томску и, вообще, къ уѣздамъ Томской губерніи эти три таможни имѣть не могутъ

Томскъ, по своему географическому, промышленному, настоящему и прежнему, до проведенія Сибирской ж. дороги, и торговому положенію всегда имѣетъ и имѣлъ преимущественное значеніе передъ другими торговыми пунктами Сибири, потому что въ географическомъ отношеніи границы его обширнѣйшихъ Бійскаго (164851 кв. верстъ) и выдѣленнаго изъ него, въ 1894 году, Змѣиногорскаго уѣздовъ, вмѣщающихъ въ себѣ хребты Алтая, прямо соприкасаются окраинами съ пограничными областями Китая. При этихъ природныхъ условіяхъ издавна ведется здѣсь и, несомнѣнно, годъ отъ года (посредствомъ улучшенія горныхъ дорогъ черезъ хребты, перевалы *) черезъ которые совершаются теперь вьючными лошадьми), будетъ развиваться все болѣе мѣновая торговля съ Китайскими подданными, населяющими Алтай и пограничными съ Китаемъ калмыками.

Слѣдовательно, ни Тюменская, ни Красноярская, а тѣмъ менѣе всего—Челябинская таможни, никакъ не могутъ распространять область своего надзора за заграничной торговлей на Алтай.

Въ торговомъ отношеніи Томскъ, до проведенія обошедшаго его магистрала желѣзной дороги, ведя милліонную торговлю, былъ всегда средоточіемъ, съ одной стороны, полученія и отправки изъ Европейской Россіи товаровъ въ Восточную Сибирь и Приамурскій край, съ другой—обратно былъ центральнымъ передаточнымъ складомъ сырья хлѣба, кожъ, сала и другихъ Сибирскихъ товаровъ, отправляемыхъ водянымъ путемъ на Уральскіе заводы и внутрь Европейской Россіи.

Съ проведеніемъ магистрала мимо Томска, онъ хотя и утратилъ отчасти прежнее значеніе, какъ посредникъ въ торговлѣ и какъ передаточный пунктъ товаровъ въ Восточную Сибирь, тѣмъ не менѣе—и нынѣ, въ навигацію, пароходныя пристани его „подъ Черемошниками“ поражаютъ зрителя значительнымъ количествомъ приходящихъ и отходящихъ пароходовъ и, вообще, своею обширною кипучею торговою дѣятельностію **). А это, несомнѣнно, свидѣтельствуетъ о томъ, что предпріятія Томскаго пароходства и съ проведеніемъ магистрала ж. дороги продолжаютъ успѣшно функционировать. Если въ навигацію минувшаго лѣта (1900 года) неурожай хлѣбовъ въ Барнаульскомъ и Бійскомъ уѣздахъ повліялъ, будтобы, на недостатокъ пароходныхъ грузовъ, то съ этимъ явленіемъ слѣдуетъ считаться, какъ только съ временнымъ, исключительнымъ. Фактъ построекъ здѣсь въ послѣдніе годы новыхъ значительныхъ силъ пароходовъ, (напр. фирмой Морозова), конкурирующихъ съ желѣзною дорогою

*) Называемые — бомами.

**) Всего по Обскому бассейну рейсируетъ болѣе ста большихъ и среднихъ рѣчныхъ пароходовъ, имѣющихъ прямое или косвенное сообщеніе съ Томской пароходной пристанью.

сравнительной дешевизною доставки торговых, не спѣшныхъ, грузовъ изъ Европейской Россіи черезъ Томскъ, а отсюда направляемыхъ далѣе въ Сибирь,—указываетъ на возможность въ будущемъ развитія дѣятельности нашихъ пароходныхъ предпріятій, особенно когда дѣятельность ихъ будетъ направлена для заграничныхъ торговыхъ операцій черезъ Обдорскій порто-франко. Но тогда на дѣятельность эту и повліяетъ неблагопріятно ненахожденіе таможи, въ Томскѣ: ибо проходящіе черезъ Сѣверный Ледовитый Океанъ заграничные товары и беспошлиннаго ввоза въ Сибирь машины, при неимѣніи въ Томскѣ таможи, должны будутъ подвергаться таможенному надзору и оплатѣ пошлиною чрезъ Тюменскую таможню. Это нежелательно уже потому, что заграничные товары, машины и механическія орудія, обходя прямое направленіе въ Томскъ и заходя въ г. Тюмень, будутъ подвергаться напрасному и убыточному двойному пути. Именно: машины и товары, слѣдующіе съ моря, доходя пароходами до водораздѣла Иртыша и Оби (село Самарова), вмѣсто того, чтобы слѣдовать прямо въ Томскъ, но при неимѣніи въ немъ таможи, отъ села Самарова по р. Иртышу напрасно проплывутъ до Тобольска 502 версты, отъ Тобольска, по р.р. Тоболу и Турѣ, до Тюменской таможи еще 403 версты, итого 905 верстъ въ передній путь; затѣмъ—въ обратній путь, по пропускѣ ихъ Тюменской таможнею и по уплатѣ таможенныхъ пошлинъ, они сдѣлаютъ такое же число верстъ до села Самарова, чтобы вступить опять въ р. Обь, т. е. проплывутъ въ оба пути лишнихъ 1810 верстъ. Такимъ образомъ, очевидно, что провозъ заграничныхъ машинъ и товаровъ, слѣдующихъ съ Карскаго моря въ Томскъ отъ села Самарова прямо рѣкою Обью, стоилъ-бы значительно дешевле; а главное—доставка ихъ была-бы скорѣе. А послѣднее—несомнѣнно имѣетъ немаловажное значеніе для продавцовъ и покупателей товаровъ и машинъ. Тѣ же самыя причины будутъ неблагопріятно отражаться и на вывозной торговлѣ сырьемъ, отправляемымъ изъ Томска на параходахъ на встрѣчу заграничнымъ морскимъ судамъ. По перегрузкѣ вывозимаго сырья, наши пароходы должны будутъ возвращаться съ моря порожними, а это повліяетъ на возвышеніе провозной платы сырья, чего, разумѣется, не могло бы быть тогда, когда таможенные пошлины, какъ съ приходящихъ въ Томскъ заграничныхъ машинъ и товаровъ, такъ и съ отправляемаго отсюда экспорта были бы оплачиваемы таможенною пошлиною на мѣстѣ въ Томскѣ. Тогда грузоприематели, грузоотправители и заграничные морскіе и мѣстные рѣчные пароходовладѣльцы могли бы поставить дѣло заграничной торговли, въ обоюдныхъ интересахъ, на столько правильно, чтобы наши Томскіе пароходы не дѣлали въ передній или обратній путь рейсовъ порожнякомъ,

что и не вліяло бы на возвышеніе фрахта, а слѣдовательно — и на повышеніе стоимости экспорта.

Въ частности польза отъ учрежденія таможни собственно для гор. Томска можетъ быть подтверждена слѣдующими соображеніями:

Съ учрежденіемъ въ Томскѣ таможни, въ городѣ, несомнѣнно, появятся заграничныя конторы и факторіи, коммисіонерства, агенства и представительства солидныхъ Европейской и Азіатской Россіи торговыхъ и промышленныхъ фирмъ. Иногороднее купечество, имѣющее торговыя сношенія съ Томскомъ, будетъ наѣзжать къ извѣстному времени въ Томскъ для принятія присланныхъ ему изъ за границы товаровъ и для оплаты ихъ таможенною пошлиною. Обороты Томскихъ банковъ, въ особенности существующаго для внѣшней торговли, должны расширяться; кромѣ того, прибудетъ и поселится въ Томскѣ довольно многочисленный персоналъ таможенныхъ чиновъ. Все это, взятое вмѣстѣ, дастъ городской казнѣ новые источники доходовъ, а для обывателей Томска откроетъ новые способы заработка, и тогда городъ Томскъ въ связи съ другими учрежденіями, имѣющимися въ немъ, несомнѣнно, слѣдается *однимъ изъ главныхъ притягательныхъ пунктовъ культурной жизни возрождающейся Сибири.*

Томская губернія и ея уѣзды Бійскій, Барнаульскій и Кузнецкій извѣстны, какъ изобилующіе урожаемъ хлѣбовъ всѣхъ родовъ и хорошаго качества. Такъ, напримѣръ, во время неурожая во внутреннихъ губерніяхъ Европейской Россіи, несмотря на миллионы пудовъ вывезеннаго пароходами изъ означенныхъ уѣздовъ въ Тюмень хлѣба, изъ внутреннихъ рынкахъ Томской губерніи остался еще громадный избытокъ его неотправленный за Уралъ. Съ проведеніемъ желѣзной дороги хлѣбъ этотъ въ зернѣ и жировые товары хотя находили и находятъ себѣ спросъ черезъ Либаву и другіе порты Нѣмецкаго моря, но практика уже доказала, что отправка этимъ путемъ сырья, задерживаемаго, по недостатку вагоновъ, громадными партіями на Самаро-Златоустовской ж. дорогѣ, и притомъ дорого стоящаго въ провозѣ, не удовлетворяетъ правильному *предложенію и спросу*, такъ какъ съ одной стороны *предложеніе* должно возмѣщать свои расходы на дороговизну доставки грузовъ по желѣзной дорогѣ на громадное разстояніе до какого либо приморскаго порта Нѣмецкаго моря; съ другой — *спросъ* не видитъ выгоды въ покупкѣ дорого стоящихъ ему изъ Сибири хлѣбныхъ продуктовъ. Съ установленіемъ же ближайшихъ для Запад Сибири заграничныхъ торговыхъ сношеній черезъ Обдорскій портъ „Надежда“ и съ учрежденіемъ въ Томскѣ таможни такія ненормальныя условія вывозной торговли должны сами по себѣ исчезнуть. Въ тоже время усиленный спросъ на нашъ хлѣбъ и другое сырье дастъ благотворный толчекъ всему *хлѣбопахотному* населенію края и подвинетъ это населеніе искать способовъ болѣе культурной обработки земли, могущей дать богатые урожаи; тѣмъ болѣе, что даже теперь эти земли составляютъ, при всемъ несовершенствѣ и примитивности земледѣльческихъ орудій и способовъ обработки земли, богатую житницу одной изъ обширнѣйшихъ площадей Западной Сибири — Томской губерніи.

Соображая дальнѣйшія выгоды отъ учрежденія въ Томскѣ таможни, слѣдуетъ замѣтить, что, при составленіи городской думою записки по вопросу о вывозѣ изъ Сибири сырья Сѣвернымъ морскимъ путемъ и при обсужденіи таможенныхъ ставокъ, было принято на видъ, что провозная плата черезъ Обдорскій портъ изъ Лондона, Гамбурга, Гавра и др. портовъ будетъ равняться 80 коп. за пудъ всякихъ грузовъ 1-го и 2 класса и 50 коп. за пудъ чугунныхъ отливокъ и желѣза; а обратные грузы съ хлѣбомъ и другимъ сырьемъ при полной нагрузкѣ какъ рѣчныхъ, такъ и морскихъ судовъ — по 35 коп. за пудъ. Далѣе предположено было, что Западная Сибирь можетъ дать вывознаго хлѣба и другихъ продуктовъ до 10—12 ть миллионовъ пудовъ; слѣдовательно, фрахтъ за морской вывозъ одного только сырья составитъ солидную сумму въ 2¹/₂ миллиона рублей.

Исходя изъ этихъ соображеній, слѣдуетъ придти къ выводу, что уѣзды Бійской, Барнаульскій и Кузнецкій одни могутъ дать къ вывозу за границу хлѣба и другихъ продуктовъ половину

означеннаго количества или около 6 милліоновъ пудовъ; а въ такомъ случаѣ Томская таможня непосредственно можетъ получить таможенные пошлины въ такомъ размѣрѣ, который вполне оправдываетъ ея учрежденіе и дастъ одинъ изъ значительныхъ источниковъ Государственныхъ доходовъ.

Ксенофонтъ Машановъ.

О знахарствѣ въ Западной Сибири.

(Очеркъ).

Знахарство въ Западной Сибири свило прочное гнѣздо. Можно сказать съ увѣренностью, что еще не скоро наступитъ то время, когда мы съ чистой совѣстью скажемъ—„знахарства въ Сибири нѣтъ“, или „лучъ свѣта проникъ въ сокрытыя до сего уголки нашего далекаго отечества“.

Земскія губерніи въ отношеніи просвѣщенія народныхъ массъ поставлены сравнительно съ сибирскими въ гораздо лучшія условія. Не ошибаясь, скажемъ, что нѣтъ почти въ Европейской Россіи деревни, гдѣ не было-бы хоть одного грамотнаго.

Въ земскихъ деревняхъ и селахъ, рука объ руку, работаютъ духовенство, учительскій и медицинскій персоналъ. Эти лица близко знакомы съ нуждами своего района и его жителей; они знаютъ всѣ ихъ хорошія и дурныя стороны, знаютъ ихъ пороки и, разумѣется, борются съ ними, борются разными приемами: путемъ популярныхъ бесѣдъ, личными разъясненіями или какими нибудь другими приемами. Отнесется народъ скептически къ сужденію духовника, — этому послѣднему на смѣну является учитель, старающійся всѣми силами вселить въ народъ сознаніе объ ихъ ошибкахъ и объ исправленіи ея. Если же вопросъ является специально медицинскимъ, то на помощь, на борьбу съ этимъ вопросомъ выходитъ врачъ или фельдшеръ *).

Не смотря, однако, на то, что, какъ я сказалъ, въ Европейской Россіи — есть сравнительно много людей, работающихъ на поприщѣ просвѣщенія, — но и тамъ знахарство раскинуло свои сѣти, **) и даетъ себя знать и вызываетъ иногда ожесточенную борьбу между просвѣтителями и темными народными массами...

Въ Сибири вопросъ о просвѣщеніи находится только въ зачаточномъ состояніи и пройдетъ еще не одно десятилѣтіе до того благого времени, когда мы съ гордостью скажемъ, что не остается и въ Азіатской Россіи — Сибири ни одного уголка, куда бы не проникъ свѣтъ знанія.

Въ зачаточномъ состояніи находится въ Сибири и медицинская помощь населенію. Огромные участки до 800—1500 верстъ ***) съ населеніемъ въ 5000—6000 человѣкъ инородцевъ находятся въ рукахъ фельдшеровъ, въ большинствѣ случаевъ

*) Авторъ черезъ-чуръ оптимистически относится къ постановкѣ образованія среди простаго народа въ Европ. Россіи, и тамъ постановка его (какъ и медицинской помощи) оставляетъ желать еще много лучшаго. Примѣч. Редак.

**) Вотъ это справедливо. Примѣч. Редак.

***) Въ Березовскомъ и Сургутскомъ уѣздахъ, Тобольской губ.

ротныхъ-военныхъ, имѣющихъ крайне мизерныя познанія въ медицинѣ и совсѣмъ незнакомыхъ съ языкомъ и бытомъ инородцевъ. Одинъ врачъ въ означенныхъ уѣздахъ приходится на 3000 съ лишнимъ верстъ и имѣетъ въ своемъ вѣдѣніи до 10 волостей. Вопросъ оказанія медицинской помощи постановленъ крайне неудовлетворительно, во 1-хъ, по невозможности узнать своевременно о каждомъ отдѣльномъ случаѣ серьезнаго заболѣванія, или о начинающейся эпидеміи; во 2-хъ, инородцы въ большинствѣ случаевъ съ недовѣріемъ относятся къ русскому «дохтуру», такъ какъ видятъ его разъ много два въ теченіе года и, разумѣется, безъ всякой осязательной для здоровья инородца пользы, а третья и самая главная причина—это огромнѣйшій районъ, находящійся въ вѣдѣніи врача, будь онъ докторъ или фельдшеръ, при невозможныхъ путяхъ сообщенія. Зимой приходится объѣзжать свои участки на собакахъ или оленяхъ, лѣтомъ на лодкахъ. Въ первомъ случаѣ передвиженіе совершается скорѣе, нежели во второмъ но, тѣмъ не менѣе, помимо неослабной энергіи и любви къ дѣлу, лицо, взявшее на себя не легкій трудъ подачи медицинской помощи инородцамъ, должно обладать желѣзнымъ здоровьемъ, дабы въ первые годы не сдѣлаться «жертвой—долга»,—чему бывали примѣры. Осеннее и весеннее время, періодъ, главнымъ образомъ, всякаго рода инфекціонныхъ заболѣваній, находящихся въ зависимости отъ уровня воды, а между-тѣмъ—лицо медицинскаго персонала должно именно въ это время предаваться обломовщину. Причина тому—невозможные пути сообщенія. Въ это время года ни на лодкахъ, ни на собакахъ, ни на оленяхъ не проѣдете; не пролазныя болота являются засасывающей могилой, наводящей страхъ и трепетъ даже на отважныхъ инородцевъ.—„Гдѣ же за все это время лечится инородецъ?“—вы задаете вопросъ.

Облегчителемъ его недуговъ во всѣхъ почти случаяхъ является священное лицо—*шаманъ*, который, производя заклинанія и невозможныя манипуляціи, „одурачиваетъ“ своего же брата инородца, взимая, разумѣется, за это съ него надлежащую „мзду“. Бываютъ примѣры, что послѣ „леченія“ шамана больной чувствуетъ себя какъ бы лучше, но въ этихъ случаяхъ дѣйствуютъ, несомнѣнно, только сила внушенія и вѣра болящаго.

Много знахарей, много шамановъ въ средѣ инородцевъ, но не мало ихъ разсѣяно по остальнымъ весямъ Сибири, заселеннымъ русскимъ народомъ, находящимся сравнительно съ первыми въ гораздо лучшихъ условіяхъ, какъ въ отношеніи постановки просвѣтительнаго дѣла вообще, такъ въ частности—дѣла медицинскаго. Разумѣется, нельзя считать достаточнымъ одного врача на участокъ въ 11 волостей съ населеніемъ не менѣе 20 тысячъ, при разѣздахъ 300—400 верстъ, или одного фельдшера на 5—7 волостей съ 10—12 тысячами населенія *),—но все же это лучше всякаго отсутствія врачей и фельдшеровъ. Я уже не говорю о положительной необезпеченности медицинскаго персонала медикаментами. Краснорѣчивѣе всѣхъ комментарий скажетъ за себя цифра 75 руб., отпускаемые на медикаменты фельдшеру при указанномъ выше населеніи. Само-собою понятно, что медикаментовъ на такую ничтожную сумму хватить не на долго. Израсходованы медикаменты,—лѣчи, чѣмъ знаешь. Народъ же обращается за пособіемъ и, видя отказъ, устремляется къ

*) Тюменскій уѣздъ, Тобольской губ.

кому-же? Къ тому-же знахарю, у котораго всякихъ „снодобій“ въ волю.

Знахарство во всей Тобольской губерніи свило себѣ очень прочное гнѣздо и получило полнѣйшее право гражданства не только въ деревняхъ и селахъ, но и въ городахъ.

Въ Тюмени „извѣстенъ“ нѣкто г. К., бывшій сапожникъ, теперь — популярная личность, практикующій леченіемъ больныхъ „на широкихъ началахъ“. Старушка Д-ва и десятокъ ей подобныхъ, лѣчащихъ нашептываніями, сбрызгиваніями съ уголька, сплевываніями и т. п. манипуляціями, очевидно „сочувствуя“ настоятельной нуждѣ въ стаціонарномъ лѣченіи, имѣютъ свои „собственные клиники“ **). К. практикуетъ въ Тюмени около 12 лѣтъ, вхожъ онъ не только къ простонародію, — но и къ лицамъ „интеллигентнымъ“. Обычный пріемъ леченія: внутреннее назначеніе разнаго рода травъ и смѣси изъ $\frac{1}{2}$ стакана крѣпкого чаю, $\frac{1}{2}$ стакана воды, $\frac{1}{4}$ стакана виннаго уксуса и 1 столовую ложку поваренной соли; все это смѣшивается и дается по столовой ложкѣ черезъ каждыя $\frac{3}{4}$ часа, — это постоянный рецептъ при всякаго рода болѣзняхъ, хотя особенно рекомендуется при „завалахъ“ въ кишкахъ, обусловливающихъ запорами. Мѣстные врачи много разъ выступали противъ свободной практики этого господина но, къ сожалѣнію, безцѣльно. Закономъ разрѣшается свободная практика всѣмъ и каждому, если лицо, занимающееся таковой, не приноситъ явнаго вреда здоровью своего паціента и при леченіи не употребляетъ сильнодѣйствующихъ средствъ. К. лечитъ, помня приведенное выше правило, именно такими безвредными средствами...

Теперь болѣе подробно, въ строгой послѣдовательности, коснусь, вопроса о знахарствѣ въ Тобольской и др. губерніяхъ Западной Сибири, постараюсь раскрыть передъ читателемъ этотъ вопросъ во всей его ужасающей наготѣ.

Не успѣетъ ребенокъ явиться на свѣтъ Божій, съ первымъ вдохомъ воздуха, съ первымъ лучемъ свѣта, онъ уже дѣлается достояніемъ самородной знахарки-повитухи.

Послѣднія минуты, находясь въ утробѣ матери, жизнь рождающагося на свѣтъ находится на волоскѣ и всецѣло въ зависимости отъ разныхъ „условіи“.

Выяснимъ эти условія.

Роженица, почувствовавши „время“, — приглашаетъ повитуху. Начинаются мучительныя потуги, стоны, охи и вздохи. Сердобольная повитуха приглашаетъ еще двухъ-трехъ бабъ и общими силами начинаютъ инквизиторски помогать природѣ: ставятъ родильницу на четвереньки и, взявшись въ четверомъ за ноги и туловище въ области таза, съ силою встряхиваютъ несчастную женщину, приговаривая: „выпадай ребенокъ разъ, выпадай дѣтенокъ — два, — кто есть выходи, мать облегчи — три“. Если при этомъ способѣ родильница не разрѣшилась, то, давши ей немного отдохнуть, принимаются за другой — болѣе „радикальный“ и .. пагубный. Ввернувши кольцо въ потолокъ надъ кроватью родильницы, веревками привязываютъ руки родильницы и протягиваютъ въ кольцо, послѣ чего заставляютъ ее подыматься на

**) „Ур. Жизнь“ № 15 — 1899 года.

сколько возможно выше къ потолку и встряхиваться. Несчастливая, обыкновенно, въ глубокомъ обморокѣ разрѣшается отъ бремени. нерѣдко ушибая младенца. Горе деревенской родильницѣ, если у нея положеніе плода неправильное; фізіологическія мученія, страданія отъ неумѣлой подачи помощи, сильнѣйшія кровотеченія, эклампсія и т. п.,—все это преждевременно сводитъ одну молодую, да и не одну, а сотни жизней—въ могилу.

У инородцевъ киргизъ Семипалатинской и Акмолинской областей есть „свой“—особый пріемъ. При приближеніи родовъ мужъ собираетъ къ своей юртѣ родственниковъ жены и вліятельныхъ киргизъ. Собравшись, все поднимаютъ неистовый крикъ... зачѣмъ и для чего—никто изъ нихъ не пояснить. При тяжелыхъ родахъ поступаютъ такъ: продѣлавши отверстіе въ юртѣ съ западной стороны, протягиваютъ родильницу за ноги взадъ и впередъ, что сопровождается, разумѣется, неистовствованіями. Манипуляція продергиванія продолжается до тѣхъ поръ, пока не наступитъ разрѣшеніе; послѣ чего родильницу укладываютъ на какую нибудь подстилку, расположенную на грязномъ, земляномъ полу юрты, и поздравляютъ ее съ новорожденнымъ.

Младенца обертываютъ въ жеребьячью шкуру и выдерживаютъ въ ней иногда нѣсколько минутъ, а иногда и часами,—все зависитъ отъ усмотрѣнія, и, разумѣется это обертыванье нерѣдко ведетъ къ пагубному исходу, какъ результатъ невольной прививки какого либо инфекціоннаго (заразнаго) заболѣванія, вродѣ—сибирской язвы.

Младенца, родившагося, какъ у насъ принято называть, „въ рубашкѣ“ и считать „счастливымъ“—инородцы, да и не только инородцы, а и русскіе губерній Западной Сибири считаютъ почему то несчастнымъ и, не снимая „рубашки“, выдерживаютъ его въ ней часами и днями и, если благодаря этому младенецъ остается живъ, то его—не всегда,—но умерщвляютъ,—несмотря на строгую за это кару закона. Если и находятся между отцами и матерями лица, не рѣшающіеся свершить такое злодѣяніе,—то все же они считаютъ младенца, родившагося въ „рубашкѣ“, непосланымъ имъ свыше *наказаніемъ* и вѣрятъ, что съ появленіемъ его на свѣтъ начнутся для нихъ всякаго рода несчастія. И, не дай Богъ, если въ дѣйствительности, въ первыя недѣли жизни младенца сдѣлается какое нибудь хоть самое пустое несчастіе,—тогда уже малютка не жилецъ на свѣтѣ: его заживо изнурятъ голодомъ и, вообще, добьются того, что онъ отправится *ad patres*.

(Окончаніе будетъ).

Г. Н. Краевскій.

Бібліографія.

Памятная книжка Семипалатинской области на 1901 годъ. Выпускъ V-й. Изданіе Семипалатинскаго Областнаго Статистическаго Комитета. Семипалатинскъ. Цѣна 1 руб.

Настоящее изданіе заключаетъ въ себѣ три отдѣла. Содержаніемъ перваго отдѣла служатъ календарныя и справочныя свѣдѣнія и статистическій матеріаль о состояніи Семипалатинской области за 1899 г. Отдѣлъ второй составляютъ литературныя статьи мѣстныхъ изслѣдователей, занимающихся разработкой жизни малоизслѣдованнаго богатаго края, какимъ является Семипалатинская область. Въ третьемъ отдѣлѣ заключается адресъ-календарь Семипалатинской области.

Необходимость въ такихъ изданіяхъ, какъ „Памятная книжка Семипалатинской области“ сама собою понятна... Наша малоизслѣдованная Сибирь ждетъ своей исторіи, а потому всякій добросовѣстный трудъ, касающійся изслѣдованія Сибири, дастъ возможность будущему историку Сибири нарисовать безпристрастную и полную картину постепеннаго развитія экономическихъ и промышленныхъ силъ огромнаго края... Не говоря уже про обстоятельныя статьи по сибиревѣдѣнію, появляющіяся въ такихъ изданіяхъ, даже опубликованіе сырого матеріала, извлеченнаго изъ нашихъ неблагоустроенныхъ сибирскихъ архивовъ, составитъ огромную заслугу въ глазахъ исторіи и науки, такъ какъ въ послѣдствіи будетъ цѣннымъ и дорогимъ для изслѣдователя матеріаломъ, проливающимъ свѣтъ на то или иное явленіе развивающейся жизни Сибири.

„Памятная книжка Семипалатинской области“, вступая въ V годъ своего изслѣдованія, идетъ именно на встрѣчу такимъ научнымъ запросамъ. Самымъ интереснымъ отдѣломъ въ «Памятной Книжкѣ», несомнѣнно, является отдѣлъ, заключающій въ себѣ научныя литературныя работы по изслѣдованію мѣстной жизни. Такова прекрасная во всѣхъ отношеніяхъ статья Н. Коншина „Очерки экономического быта киргизъ Семипалатинской области“. Пока напечатанъ только первый очеркъ, подъ заглавіемъ: „Киргизы на казачьихъ земляхъ“, гдѣ авторъ, рисуя картину заселенія долины рѣки Иртыша, знакомитъ насъ съ судьбой киргизъ, столкнувшихся съ казаками и рассказываетъ объ ихъ отношеніяхъ другъ къ другу, особенно въ сферѣ экономического взаимодѣйствія. Краткое резюме этой статьи сводится авторомъ къ необходимости того, чтобы правительство,

какъ можно скорѣе, занялось устройствомъ киргизъ на казачьихъ земляхъ, съ соблюденіемъ законныхъ интересовъ и требованій этихъ—вытѣсняемыхъ аборигеновъ края. Къ статьѣ этой, кромѣ того, приложены 2 карты земель, входящихъ въ административномъ отношеніи въ составъ казачьихъ поселковъ...

Не менѣе интересны и другія статьи, помѣщенные въ „Памятной книжкѣ“, какъ, напримѣръ, „Изъ переписки хана Средней киргизской орды Букея и его потомковъ“, относящейся къ первой половинѣ XIX стол., А. Букейханова; „Матеріалы для родословной киргизъ“, В. Маевского, съ 9-ю таблицами, и, наконецъ, „Отъ Павлодара до Каркаралинска“. Путевые наброски Н. Коншина.

Объ остальныхъ двухъ отдѣлахъ „Памятной книжки“ говорить не приходится, такъ какъ отдѣлы эти или представляютъ чисто мѣстный интересъ, какъ адресъ-календарь, или же даютъ только справочный матеріалъ.

Въ заключеніе настоящей замѣтки слѣдуетъ еще разъ напомнить, что „Памятная книжка Семипалатинской области на 1901 г.“ содержитъ въ себѣ много новыхъ данныхъ, относящихся къ развитію Семипалатинской области, и представляетъ строго обоснованный любопытный матеріалъ по сибиревѣдѣнію.

Мы твердо увѣрены, что и на будущій годъ „Памятная книжка“ будетъ такъ же интересно составлена, какъ за настоящій. Читателю-сибиряку, интересующемуся своей родиной, слѣдуетъ поддерживать матеріально такія изданія, стремящіяся къ изслѣдованію края и къ выясненію его историческаго прошлаго, которое все еще подернуто дымкой тумана...

М. С. Кларинъ.

Добавленіе.

Къ очерку Туринскій уѣздъ.

(См. II. кн. „Дорожника“ за т. г.).

Въ Туринскѣ и по его уѣзду выписываются слѣдующіе изданія:

Вѣстникъ Европы—1, Русское Богатство—2, Русская Мысль—2, Міръ Божій—2, Журналъ для всѣхъ—27, Историческій Вѣстникъ—1, Вѣстникъ Иностранной Литературы—3, Хозяинъ—1, Спутникъ Здоровья—1, Недѣля—3, Новый Міръ—1, Практическая Медицина—3, Нива—37, Вокругъ Свѣта—2, Родина—33, Природа и Люди—2, Читальня Нар. Школы—2, Военный Сборникъ—1, Русскій Паломникъ—11, Деревня—1, Для Малютокъ—1, Юный Читатель—1, Сѣверъ—1, Стрекоза—1, Будильникъ—3, Кормчій—1, Семья—1, Дѣтское чтеніе—3, Пастырскій Собесѣдн.—9, Вѣстникъ Моды—2, Наставникъ Утѣшенія—4, Народное Благо—4, Чтеніе для солдатъ—1, Сельскій Вѣстн.—55, Русск. Инвалидъ—2, Вѣстн. объявленій—13, Новое Время—3, С.-Петербургскія Вѣдомости—10, Россія—3, Правительств. Вѣстникъ—5,

Сѣверный Курьеръ—4, Свѣтъ—9, Сенатскія вѣдомости—11, Воскресный отдыхъ—4, Биржевыя Вѣд. II изд.—11, Петербургскій листокъ—5, Русскія Вѣдомости—2, Церковный Вѣстникъ—29, Петербургъ—9, Учебная Газета—2, Извѣстія Министерства Земледѣлія—3, Вѣстникъ финансовъ и промышленности—2, Новое Слово—3, Развѣдчикъ—4, Варшавская газета—3, Польскій Курьеръ—2, Ураль—8, Уральская Жизнь—3, Тобольскія Губерн. Вѣдом.—39, Вятская Газета—1, Сибирская Торговая Газета—11, Сибирскій Листокъ—8, Сибирская Жизнь—1, Степной Край—1.

Въ это число изданій не вошли тѣ, которыя получаютъ сотрудниками и тѣ, которыя получаютъ бесплатно.

Въ 1901 г. значительно больше выписывается разныхъ изданій и такихъ, какія ранѣе не выписывались.

А. Бахаревъ.

Открыта подписка на 1901 годъ

(ДВАДЦАТЬ ВТОРОЙ ГОДЪ)

НА ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“

Вышла ФЕВРАЛЬСКАЯ (вторая) книга журнала.

СОДЕРЖАНІЕ:

I) Жестокіе. Ром. въ 2-хъ частяхъ. П. Д. Боборыкина. Продолженіе. — II) Штернштейнгофъ. Деревенская повѣсть *Людвига Анценрубера*, пер. съ нѣмецкаго Л. И. К—нъ. Продолженіе. — III) Стихотвореніе П. Гайдебурова. — IV) Изъ современной хроники. Ром. *Густава Вида*, пер. съ латск. А. и П. Ганзенъ. Продолженіе. — V) Три сестры. Драма въ 4-хъ дѣйств. А. П. Чехова. — VI) Исповѣдь Мытищева М. В. Крестовской. Окончаніе. — VII) Стихотвореніе Ел. Буланиной. — VIII) Изъ прошлаго. (По личнымъ воспоминаніямъ) VII 1869 годъ М. Ѳ Громницкаго. — IX) Книжные склады въ Россіи Н. В. Тулунова. — X) Гайдамацкое движеніе и уманская рѣзня 1768 г. Д. И. Эварницкаго. — XI) Искусство, больные нервы и воспитаніе. Г. И. Россолимо. — XII) Скромный діагнозъ одного національнаго недуга Ив. И. Иванова. — XIII) Г. А. Джаншиевъ и армянскій вопросъ А. К. Дживелегова. — XIV) Очерки изъ исторіи электрохиміи за XIX вѣкъ И. А. Каблукова. — XV) Письма изъ провинціи. М. К. Лемке. — XVI) Объ одной изъ общественныхъ тревогъ. С. Б. В. — XVII) Внутреннее обозрѣніе. XVIII) Иностранное обозрѣніе. В. А. Гольцева. — XIX) Нѣчто о смутянствѣ В. М. Лаврова. — XX) Письма о современномъ искусствѣ. Я. А. Ф—ина. — XXI) Списокъ книгъ поступившихъ въ редакцію журнала „Русская Мысль“ съ 1 января по 1 февраля 1901 года. — XXII) Объявленія.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: съ доставкою и пересылкою во всѣ мѣста Россіи 12 м. — 12 р., 9 м. — 9 р., 6 м. — 6 р., 3 м. — 3 р., 1 м. — 1 р. За границу 12 м. — 14 р., 9 м. — 10 р. 50 к., 6 м. — 7 р., 3 м. — 3 р. 50 к., 1 м. — 1 р. 25 к.

Допускается разсрочка: при подпискѣ, 1-го Апрѣля, 1-го Юля, 1-го Октября по 3 руб. при непосредственномъ обращеніи въ Контору или ея отдѣленія. Цѣна отдѣльнаго номера съ перес. 1 р. 30 к. Книгопродавцамъ дѣлается уступка въ размѣрѣ 50 к. съ полнаго годового экземпляра. Подписка въ разсрочку отъ книгопродавцевъ не принимается. Подписка принимается: въ Москвѣ, въ к-рѣ журнала Шереметевскій пер., д. гр. Шереметева, кв. 40; въ СПб. въ кн. маг. Н. П. Карбасникова; въ Кіевѣ, въ кн. маг. Н. Я. Оглоблина; въ Варшавѣ, въ кн. маг. Н. П. Карбасникова; въ Вильнѣ, въ кн. маг. Н. П. Карбасникова.

При редакціи находится магазинъ русск. и иностр. книгъ. (Уг. Б. Никитской ул. и Леонтьевского пер., д. Халатова) съ пріемомъ подписки на всѣ журналы, газеты и словари Бракгауза и Граната. Кн. маг. принимаетъ на комиссію постор. изданія и высылаетъ по первому требованію всѣ существующія въ продажѣ книги и ноты, принимаетъ на себя составленіе народн. и другихъ библіотекъ на какія угодно суммы, даетъ справки по открытію библіотекъ и складовъ для продажи книгъ.

Редакторъ-Издатель В. М. Лавровъ

Г. В. ГРЯЗНОВЪ.

КРУПЧАТКА

собственной вальцовой мельницы, около с. Павловскаго, на рѣкѣ
Космалѣ, въ 38 вер. отъ Барнаула.

**ПРИНИМАЕТСЯ РАЗМОЛЪ ПШЕНИЦЫ И РЖИ
НА РАСТРУСНОЙ МЕЛЬНИЦѢ.**

Торговля крупчаткой и хлѣбными продуктами.

Въ Барнаулѣ лавка въ ряд. Н—ковъ Сухова, тамъ-же продажа сливочнаго
масла Алтайской фермы. Въ Томскѣ—на Мясномъ базарѣ, въ мѣщанскихъ
рядахъ. Въ Бійскѣ—въ каменномъ городскомъ ряду.

Производится покупка и продажа разнаго хлѣба и крупъ, а также
исполняются коммисіонныя порученія по покупкѣ разнаго хлѣба.

Адресъ для телеграммъ: Барнаулъ, Грязнову; для писемъ: Барнаулъ, Гав. Вас. Грязнову.

ITINÉRAIRE

A TRAVERS LA SIBÉRIE

ET LA RUSSIE D'ASIE.

(DOUZE FOIS PAR AN)

№ 3.

TOMSK.

Typo-Lithographie P. J. Makouschine.

1901.

COMMUNICATIONS PAR EAU DE LA SIBÉRIE.

Sur les rivières du bassin de l'Obi pour se rendre aux villes et villages situés sur leurs bords.

(Suite — Voir les livres I II de l'année courant de l'Itinéraire).

Tiumène possède les sociétés et institutions de bienfaisance suivantes: Une société de tempérance, fondée le 8 janvier 1895, elle possède trois salles à thé pour le peuple et deux pour la classe privilégiée, avec cabinet de lecture bibliothèque publique et jardin; (le principal agent de cette société est N. M. Tchouk-maldine); la société des pompiers volontaires (comptant plus de 100 membres, les frais de la société montent à 1500 r. par an: elle possède 2 machines, 19 tonneaux ets). la société protectrice des écoles primaires et de celle du district à Tiumène; capital inamovible, 1863 r. 89 k.; la société possède une bibliothèque populaire et une école du dimanche; une société de consommateurs.

La société de Tiumène portant secours aux émigrés indigents se rendant de la Russie d'Europe en Sibérie. La société protectrice des pauvres de la ville de Tiumène. Un asile de nuit organisé à proximité de la police aux frais de la ville.

Le comité de l'école des métiers pour orphelins, dite Vladimirsky, (ouvert en 1872. Il entretient à ses frais un établissement possédant sa propre maison de pierre, son église particulière et aussi son infirmerie; l'asile de la municipalité de la ville contenant de 40 à 50 personnes; la maison d'accouchement dite Alexandrofsky, avec une section ambulatoire entretenue aux frais de l'état et des malades 20 k. par consultation; les médicaments se donnent gratuitement; l'hôpital de la ville, le lazaret militaire, la société protectrice des animaux; la société des commis, cercle dramatique et musical, la société des médecins; deux pharmacies, six médecins, plusieurs sages--femmes et aides chirurgiens. Il y a un théâtre appartenant à un particulier (Tékutieff), deux hôtels, une banque de la ville et une section de la banque commerciale Sibérienne. Une librairie sous la raison de Polza (profit) et une boutique de libraire. Depuis 1897, un journal quotidien paraît à

Tiumègne sous le titre de Gazette commerciale sibérienne, rédacteur éditeur A. A. Kriloff. En fait de magasins il y a des drogueries des épiceries et autres. Ceux des frères Dimitrieff, de Séliwerstof, d'Afonina et autres. Un comptoir de banque et une caisse d'épargnes d'Andreeff. Une fabrique de cloches de Guileff une usine mécanique d'Ignatoff. une distillerie de Paklefsky-Kozello; une tonnerie de Réchetnikoff, une fabrique de savon et de chandelles de Tékoutelf, un établissement mécanique de Goullet, plusieurs moulins. une fabrique de poteries et de faïence sous la raison de Fortune et autres. Des comptoirs de la navigation à vapeur de Kourbatoff et Ignatoff et de Trapeznikoff et Cie (présentement société de la navigation à vapeur de la Sibérie occidentale et du commerce), des frères Kamensky, de l'héritière de I. W. Korniloff, du district minier de Bogoslowsk, M. Plotnikoff et Cie (membre représentant et directeur de la maison de commerce Alexis Mikhaïlowitsch Plotnikoff), de E. G. Morozoff, héritière de A. F. Morozoff, et de E. A. Gernakoff (administration de nos jours). Comptoir de transport, de la maison de commerce Ewgraff Kouktérine et fils (chargé d'affaires, André Mikhaïlowitsch Ratanoff), Les agents des compagnies d'assurance et de transport de la société russe d'assurance et de transport de colis, de la société commerciale d'assurance, de la société d'assurance moscovite, de la 2e société russe d'assurance, de la société d'assurance russe, de la société d'assurance Iakor, de la société de transport et d'assurance Nadégeda, et de la société d'assurance Salamandra. Les maisons de commerce: Les frères Dimitrieff, les héritiers de F. C. Kolmogoroff, (tonnerie et navigation à vapeur), V. V. Kolmakoff et Frères, (commerce de farine des moulins de ce nom), les frères Agafouroff (mercerie), les frères Zlokazoff, (commerce de vins et d'eau de vie des distilleries de ce nom). Chitoff et Cie (pétrole), les successeurs de A. Goubkine et A. Kouznétsoff, de A. I. Panfiloff, D. I. Smoline, Vardroper, bateaux à vapeur, et construction de bateaux à vapeur et de barques, A. I. Jakolowa, (magasin pharmaceutique) et autres. Trois typographies, entre autres celle de Kriloff, rédacteur-éditeur de la gazette commerciale Sibérienne 4 photographies, un magasin pharmaceutique. Une fabrique de drap d'Andreeff (à 60 verstes de Tiumègne), une librairie nommée Polza, de Zwiereff.

Il y a à Tiumègne des fiacres, mais pas de taxe déterminée. Les revenus de la ville atteignent 187, 883 r. 99 cop. et les frais 190, 832 r. 48 k.

Le district de Tioumègne occupe un espace de 17042 verstes carrées avec une population de plus de 70820 âmes des deux sexes, dont 4313 hommes et 658 femmes savent lire écrire et calculer. Par conséquent le nombre de ces derniers ne monte qu'au 7.20% de la population entière. D'après les renseignements statistiques placés dans le calendrier de Tobolsk, pour l'année 1894, il y avait dans le district de Tioumègne 84,925 (42,410 h. et 42515 f.). En 1895 il y avait dans le district 127 sociétés rurales, 217 endroits peuplés de russes et 55 peuplés d'indigènes. Il y a un médecin rural, plusieurs officiers de santé dans les bourgs de Sozonofsk, d'Ouspensk, de Lintschinsk, de Bogandinsk, et autres. plusieurs sages-femmes dans les bourgs de Iélansk, d'Ouspensk, de Liutschinsk, de Bogandinsk et autres. Il y a un hôpital dans le bourg de Bogandinsk. Il y a des salles de réception et des points médicaux dans les bourgs d'Ouspensk, de Iélansk, de Sozonofsk, et autres. Il y a dans le district 27 écoles.

En comparant les chiffres indiqués avec le nombre relatif des gens sachant lire écrire et calculer, dans certains districts de la Russie d'Europe et de ceux de la Sibérie Orientale, on arrive au résultat suivant: District de Kolomna, 27.90%, district de Petergoff 20.40%, district de Mojaïsk 150%, district de Saratoff 100%, district d'Ostrogogsk 8.90%, district de Tourinsk, 8.50%, district de Kourgansk 7.40%, district de Tioumègne 7.20%, district d'Irkoutsk 6.90%, district de Voronège 6.70%, district de Balagansk 6.70%, district de Tobolsk 6.60%, district de Ialoutorowsk 6.10%, district de Tara 6.10%, Nijnéoudinsk 5.80%, district de Soudjansk 5.60%, district de Zemlansk 5.20%, district de Tinkalinsk 5.10%, district de Borisoglebsk 4.5, district d'Ichime 4.5, district de Zadonsk 450% et celui de Spask 270%.

D'après ces chiffres on peut voir que le nombre des gens sachant lire écrire et calculer est encore moindre dans d'autres localités de la Sibérie et de la Russie. C'est un fait indubitablement peu consolant.

Tobolsk, ville de gouvernement du gouvernement de ce nom, est situé sous le 58° 12' de latitude nord, et le 85° 44' de longitude est vis à vis de l'embouchure de la rivière Tobole, sur le bord droit de l'Irtiche à l'endroit où celui-ci tourne au nord; cette ville a été fondée en 1587 par le maire Daniel Tschoulkoff, et depuis 1708 elle est devenue ville du gouvernement de Sibérie, (lors du partage de la Russie en 8 gouvernements). Ce gouvernement comprenait non seulement toute la Sibérie, mais encore

le gouvernement actuel de Perme, et une partie de celui de Viatka. Il y a présentement jusqu'à 20,427 habitants, 10,668 h. et 9759 f. (D'après les renseignements de 1894, il y en avait 22,257, dont 11,142 h. et 11,115 f.). Dimension de la ville de Tobolsk: environ 4 v. de long, en large environ 1 $\frac{1}{2}$ v. La ville est située en partie sur un bord escarpé de l'Irtiche, en partie dans les endroits bas, entre le flanc de la colline et le lit de la rivière. Cette partie basse s'est formée, à ce qu'on peut supposer, par les éboulements fréquents du bord. Elle est coupée par plusieurs affluents qui l'inondent par endroits. Sur les bords, des rues tortueuses sont tracées sans aucun ordre, on y rencontre des bâtiments de pierre et de bois. La localité de cette partie de la ville de Tobolsk, est en général marécageuse, malsaine et soumise à de fréquents inondations de l'Irtiche, de manière que plus d'une fois il a été question de transporter les bâtisses couvrant cette partie basse de la ville, dans un autre endroit, plus hygiénique et plus élevé. Cependant de loin, Tobolsk, cette cité jadis reine de la Sibérie vu d'en de la de l'Irtiche, semble fort belle, et produit de l'effet avec ses églises, son krémelin sur la hauteur et ses tribunaux. Encore avant la venue de Ermak Timofiéévitch en Sibérie, dans la partie du Tobolsk de nos jours qui porte le nom de Panine bougore, se trouvait la petite ville tatare de Bitsik-Toura, ce qui signifie—ville de la femme. C'était probablement la résidence d'une des femmes de Koutchoume, et de là venait son nom. Cette petite ville, aurait pu après la venue des cosaques en Sibérie, être détruite par eux et abandonnée de ses habitants. Lors de sa fondation, Tobolsk ne présentait qu'un village insignifiant entouré de palissades située à l'embouchure d'un des affluents de la rivière Tobole, appelée vieux Tobole.

(La suite au prochain numéro).